М. В. Шевляковъ.

Недалекое прошедшее и близкое настоящее.

Явленія русской жизни въ характеристикахъ и эпизодахъ.

Оригиналы и чудаки.—Знаменитыя дуэли въ Россіи.—Русскіе лгуны.—Русскіе силачи.—Штукари и фокусники.—Судебныя ошибки.—Незамѣтные герои. — Русскіе самородки —Пари и спорщики. — Шутники. — Загадочные люди. — Гапоніада.

Изданіе второе дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул., д. 14.
1908.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ ИВ. ИВ. ИВАНОВА.

С.-Петербургъ, Литейный пр., 64.

Отсутствіе въ печати полнаго и точнаго описанія гербовъ Россійской Имперіи, побудило меня пополнить этотъ существенный пробѣлъ въ современной литературѣ по этому вопросу и выпустить въ продажу роскошно изданный иллюстрированный трудъ П. П. фонъ-Винклера: «Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Россійской Имперіи, внесенные въ полное собраніе Россійскихъ законовъ».

Это изданіе, одобренное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и вполнѣ пригодное для оффиціальныхъ справокъ, заключаетъ въ себѣ:

1) **Иллюстрированное описаніе основы геральдики земельныхъ гербовъ**: происхожденіе гербовъ, финифти, металлы, мѣха, щитъ, гербовыя фигуры, фигуры геральдическія, почетныя фигуры, естественныя фигуры, простыя фигуры, искусственныя фигуры, фантастическія фигуры, коронныя фигуры.

2) **Историческій очеркъ городскихъ гербовъ.**

3) **Гербы городовъ Россійской Имперіи,** роскошно отпечатанныя изображенія гербовъ съ описаніями и объясненіями ихъ значенія и происхожденія.

4) **Гербы губерній Россійской Имперіи,** роскошно отпечатанныя изображенія гербовъ всѣхъ губерній съ подробнымъ описаніемъ значенія этихъ изображеній.

5) **Гербы областей Россійской Имперіи,** роскошно отпечатанныя изображенія и описаніе этихъ гербовъ.

6) **Гербы губерній Великаго Княжества Финляндіи и Царства Польскаго,** роскошно отпечатанныя изображенія и описаніе гербовъ Финляндіи.

М. В. Шевляковъ.

Недалекое прошедшее и близкое настоящее.

ЯВЛЕНІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ХАРАКТЕРИСТИКАХЪ И ЭПИЗОДАХЪ.

Оригиналы и чудаки.—Знаменитыя дуэли въ Россіи.—Русскіе лгуны.—Русскіе силачи.—Штукари и фокусники.—Судебныя ошибки.—Незамѣтные герои. — Русскіе самородки —Пари и спорщики. — Шутники. — Загадочные люди. — Гапоніада.

Изданіе второе дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул., д. 14.
1908.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Явленія русской жизни въ характеристикахъ и эпизодахъ—это рядъ разсказовъ изъ пережитаго, которые рисуютъ исключительныхъ людей или исключительныя положенія людей...

Не слѣдуетъ искать въ этихъ эпизодическихъ разсказахъ тенденціи, потому что цѣль ихъ—соединить въ одно цѣлое ихъ типическія мелочи, изъ которыхъ складывается жизнь; разсказы эти безъ малѣйшей претензіи на мѣсто въ исторіи,—авторъ удовольствуется, если они будутъ признаны хотя только занимательнымъ чтеніемъ.

Недалекое прошедшее и близкое настоящее—это преимущественно XIX вѣкъ, богатый интересными явленіями въ области общественной жизни, а такъ же и въ сферѣ литературы и искусства. Мы съ

особой охотой отмѣчали въ настоящей книгѣ раритеты и курьезы, дабы сохранить ихъ въ памяти для характеристики быта и вѣяній извѣстнаго промежутка времени. Исторія ихъ не отмѣчаетъ, современники забываютъ, а между тѣмъ они очень часто заключаютъ въ себѣ много такихъ интересныхъ черточекъ, по которымъ можно изучать эпоху и ея дѣятелей.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Оригиналы и чудаки.

II.

Знаменитыя дуэли въ Россіи.

III.

Русскіе лгуны.

IV.

Русскіе силачи.

V.

Штукари и фокусники.

VI.

Судебныя ошибки.

VII.

Незамѣтные герои.

VIII.

Русскіе самородки.

IX.

Пари и спорщики.

X.

Шутники.

XI.

Загадочные люди.

ОРИГИНАЛЫ И ЧУДАКИ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Чудачество нельзя признать существенной чертой русскаго человѣка, однако оно свойственно его натурѣ.

Подъ словомъ чудачество не слѣдуетъ разумѣть исключительно умственное разслабленіе или явленія психическаго свойства. Это просто произвольное или вынужденное оригинальничаніе, въ большинствѣ обусловленное избыткомъ жизнедѣятельности и въ меньшинствѣ — наоборотъ: жизненною неудовлетворительностью.

Если-бы понадобилось разъясненіе съ философской точки зрѣнія этого, относительно говоря, ненормальнаго явленія, то права на существованіе оказались-бы на сторонѣ послѣдняго.

У страдающихъ избыткомъ жизнедѣятельности — чудачество есть продуктъ прихоти или нравственной разслабленности, сытое глумленіе надъ прозой жизни: а для неудовлетворенныхъ оно — въ иномъ случаѣ борьба за существованіе, въ другомъ—самоиздѣвательство. Путемъ чудачества неудовлетворенные считаются съ жизнью, безсознательно подчиняясь ея, быть можетъ, суровымъ, но во всякомъ случаѣ непреложнымъ законамъ.

Графъ П. М. Скавронскій.

Графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, внукъ императрицы Екатерины I, былъ богатъ и знатенъ. Его отецъ, Мартынъ Карловичъ — сынъ лифляндскаго крестьянина-латыша, приходившагося роднымъ братомъ государыни, родился въ бѣдности, но въ царствованіе Елизаветы Петровны онъ достигъ значенія важнѣйшаго русскаго вельможи. Мартынъ Карловичъ умеръ генералъ-аншефомъ, оберъ-гофмейстеромъ и андреевскимъ кавалеромъ, оставивъ единственному сыну своему Павлу несмѣтныя богатства.

Павелъ Мартыновичъ получилъ блестящее образованіе, подъ руководствомъ иностранныхъ наставниковъ. Съ внѣшней стороны это былъ чрезвычайно изящный, элегантный молодой человѣкъ, воспитанный по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета. Но, однако, онъ не умудрился сдѣлать себѣ никакой служебной карьеры, благодаря неудержимой страсти къ музыкѣ, которая въ концѣ-концовъ обратила его въ незауряднаго чудака.

Еще въ молодыхъ годахъ Скавронскій вообразилъ себя выдающимся пѣвцомъ и геніальнымъ композиторомъ. Все свое время онъ посвящалъ пѣнію и композиціи, хотя ни въ томъ, ни въ другомъ не могъ преуспѣть.

Раздосадованный на равнодушіе соотечественниковъ къ своему дарованію и находя, что его не понимаютъ на родинѣ, онъ рѣшился покинуть Россію и отправился въ Италію, классическую страну мелодіи и звуковъ.

Павелъ Мартыновичъ былъ убѣжденъ, что тамъ оцѣнятъ его таланты и произведутъ въ знаменитости.

Путешествуя по Италіи, онъ всюду проявлялъ изумительную щедрость, однако, исключительно по отношенію къ представителямъ вокальнаго искусства. На его счетъ жили пѣвцы, пѣвицы и музыканты, не особенно церемонившіеся со своимъ патрономъ, который почти для нихъ только и держалъ открытыми настежъ двери своего чрезвычайно гостепріимнаго дома.

Въ Миланѣ, въ Венеціи и во Флоренціи, гдѣ онъ періодически проживалъ, его окружала громкая популярность, но далеко не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ ее представлялъ. Скавронскаго всѣ считали чудакомъ и не безъ снисхожденія смотрѣли на его музыкальную блажь. Одни тѣшили его больное самолюбіе изъ-за матеріальныхъ выгодъ, другіе—изъ сожалѣнія человѣка, вышедшаго изъ нормы. И, разумѣется, — эта лесть, угодливость и сожалѣніе, исходившіе отъ его музыкальныхъ друзей, еще въ большей степени развили въ Скавронскомъ наклонность къ эксцентричности.

Притворные друзья приходили въ восторгъ отъ его курьезныхъ композицій, серьезно ихъ разучивали и даже исполняли ихъ иногда на сценѣ, подвергая автора довольно-таки не сдержанной критикѣ безпристрастной толпы.

Изо дня въ день въ домѣ Павла Мартыновича собиралось музыкальное общество, находившее у него не только изысканные явства и питія, но даже драгоцѣнные сюрпризы, что и обязывало всѣхъ посвятить нѣкоторую часть времени хозяйскому творчеству.

Скавронскій сочинилъ нѣсколько оперъ, которыя

ставились на сценѣ въ Италіи. Ни одна изъ нихъ, конечно, не имѣла успѣха. Видѣть свои произведенія на подмосткахъ, сіятельному композитору обходилось очень дорого. Принимая на себя всѣ расходы по постановкѣ, нужно было одаривать всѣхъ участвующихъ, чтобы они не отказывались отъ своихъ партій и, кромѣ того, нужно было откупить пол-театра для своихъ прислужниковъ, которые обязаны были представлять изъ себя восторженныхъ зрителей. Они неистово апплодировали и усердно заглушали свистъ и шиканье независимыхъ меломановъ, являвшихся на представленіе графскихъ оперъ какъ на необычайно курьезное зрѣлище. Впрочемъ, Скавронскаго не особенно смущали неодобрительные отзывы публики или музыкальной критики. Онъ все умѣлъ объяснять въ свою пользу и всякій протестъ приписывалъ зависти къ своему таланту. Это убѣжденіе поддерживали въ немъ и друзья.

Предаваясь все болѣе и болѣе музыкальной страсти, Скавронскій дошелъ до того, что прислуга не смѣла разговаривать съ нимъ иначе, какъ речитативомъ.

Выѣздной лакей-итальянецъ, приготовившись по нотамъ, написаннымъ его господиномъ, пріятнымъ баритономъ докладывалъ графу, что карета подана. Причемъ на послѣднихъ нотахъ держалъ большое фермато.

Метръ д'отель изъ французовъ, фальцетнымъ теноркомъ извѣщалъ графа, что столъ накрытъ. Въ его репертуаръ входило нѣсколько музыкальныхъ номеровъ. Въ дни торжественные—мелодія его извѣщенія построена была на высокихъ нотахъ, въ будни—тонъ значительно понижался. При гостяхъ—арія метръ д'отеля удлинялась нѣсколькими лишними тактами.

Кучеръ, вывезенный изъ Россіи, былъ такъ же обученъ музыкѣ. Онъ басомъ освѣдомлялся у барина, куда онъ прикажетъ ѣхать. Своей густою октавою онъ не рѣдко пугалъ прохожихъ, когда на пѣвучіе вопросы графа начиналъ съ козелъ давать пѣвучіе отвѣты.

При парадныхъ обѣдахъ, вечерахъ и музыкальныхъ собраніяхъ—вся прислуга Скавронскаго образовывала хоры, квинтеты, квартеты и пр. Меню *пѣлъ* метръ д'отель: официанты, разливая послѣ каждаго блюда вино, хоромъ извѣщали о названіи предлагаемаго ими напитка. Въ общемъ его обѣды, казалось, происходили не въ роскошномъ его палаццо, а на оперной сценѣ. Въ особенности, если ко всему этому прибавить, что и самъ графъ, отдавалъ свои приказанія прислугѣ тоже обязательно въ музыкальной формѣ. Въ этомъ случаѣ не отставали и гости. Чтобы угодить хлѣбосольному хозяину, они вели съ нимъ разговоръ въ видѣ вокальныхъ импровизацій.

Послѣ пятилѣтнихъ чудачествъ въ Италіи, Скавронскій возвратился въ 1781 г въ Петербургъ. Въ это время ему было всего 27 лѣтъ. Женившись на племянницѣ князя Потемкина—Екатеринѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, онъ преодолѣлъ свою страсть къ музыкѣ, промѣнявъ ее на дипломатическую карьеру. Въ 1785 году онъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ...

П. А. Демидовъ.

Прокофій Акинфьевичъ Демидовъ считался сказочнымъ богачемъ и отличался большимъ чудачествомъ. И тѣмъ, и другимъ онъ пріобрѣлъ долголѣтнюю извѣстность. Его курьезныя выходки облечены въ форму анекдотовъ и давнымъ-давно сдѣлались ходячими.

Родной дѣдъ Демидова, простой тульскій кузнецъ Никита Демидовичъ, пріобрѣлъ богатство горнымъ дѣломъ при Петрѣ Великомъ, который цѣнилъ его способности и всячески поощрялъ. Своему сыну Акинфію, Никита оставилъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, обширныя земли въ Сибири и Перми, серебряные рудники въ Алтаѣ, мѣдныя копи въ Колывани, введенную имъ въ Россіи обработку азбеста или горнаго льна, добываніе магнита и мн. др. источниковъ громаднаго дохода. Богатство Демидовыхъ росло не по днямъ, а по часамъ. Не менѣе отца умный и предпріимчивый Акинфій Никитичъ, въ короткое время почти учетверилъ свое состояніе, надѣливъ своихъ дѣтей десятками милліоновъ

Наибольшая доля наслѣдства, конечно, досталась старшему его сыну Прокофію, родившемуся въ 1710 г. и умершему въ 1786 г.

Не взирая на свои безумныя траты и у себя дома, и за границей, Прокофію Акинфьевичу никогда не грозило раззореніе. Его доходъ былъ такъ великъ, что одного его онъ не въ состояніи былъ проживать. Про этого баснословнаго богача можно сказать безъ преувеличенія, что онъ не зналъ счета деньгамъ.

Будучи эксцентрикомъ по натурѣ, что вызывало постоянныя нариցанія, Демидовъ однако не былъ чуждъ благотворительности. Около двухъ милліоновъ потратилъ онъ на добрыя дѣла. Между прочимъ, построилъ онъ московскій воспитательный домъ, учредилъ степендіи въ университетѣ и во многомъ другомъ проявлялъ свою доброту, за что не мало прошло безнаказанно неосторожныхъ его выходокъ и рѣзкихъ чудачествъ.

Когда онъ путешествовалъ по Европѣ, всюду дивились на его расточительность и въ общемъ онъ произвелъ за границей такую сенсацію своею шумной жизнью и безсчетными расходами на покупки иноземной роскоши, что о немъ стали складываться легенды, какъ о какомъ-то не слыханномъ и не виданномъ богачѣ. Одни только англичане оказались равнодушны къ его богатству и эксцентричности. У нихъ самихъ такіе люди не переводятся. Однако, Демидовъ, избалованный почестями, оказываемыми ему въ другихъ странахъ, обидѣлся на Англію и, по возвращеніи въ Россію, отомстилъ ей. Скупилъ онъ всю пеньку у русскихъ купцовъ и когда англичане пріѣхали за ней, Прокофій Акинфіевичъ сталъ требовать за нее въ пять разъ дороже ея обычной цѣны. Англичане возвратились домой безъ товара, но въ ней ощущалась такая настоятельная нужда, что вскорѣ вновь отряжена была экспедиція въ Россію за пенькой и уже рѣшено было переплатить Демидову громадный излишекъ, но онъ при второмъ посѣщеніи англичанъ еще болѣе увеличилъ цѣну. Покупать ее было не по силамъ и англичане уѣхали ни съ чѣмъ.

Прокофій Акинфьевичъ проживалъ обыкновенно въ

Москвѣ, въ одномъ изъ своихъ домовъ, на Басманной. Архитектура дома причудливая, но красивая; снаружи весь домъ былъ обшитъ желѣзомъ, для предохраненія отъ сосѣднихъ пожаровъ. Внутреннее убранство, разумѣется, блистало изысканною роскошью. Это былъ музей самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ вещей. Однако, чудакъ-фантазеръ сказывался во всемъ. По дорогимъ заграничнымъ коврамъ гуляли ручныя обезьяны, кролики, всевозможныхъ породъ собаки и др. животныя. На потолкахъ красовались золотыя клѣтки съ рѣдкими заморскими птицами, а въ мраморныхъ бассейнахъ плавали рыбы.

Демидовъ славился щедростью и поэтому его постоянно осаждали нищіе, бродяги, тунеядцы и плуты. Онъ рѣдко кому отказывалъ въ помощи, но также рѣдко случалось, чтобы онъ не потѣшался надъ тѣмъ, кому оказывалъ эту помощь. Но бывало и такъ, что при какомъ-нибудь благодѣяніи онъ обнаруживалъ благородство, хотя все-таки и оно не было лишено какой-либо искорки самодурства.

Напримѣръ, проситъ у Прокофія Акинфьевича нѣкая мелкотравчатая помѣщица, только-что овдовѣвшая и принявшая имѣніе разстроеннымъ и заложеннымъ, въ долгъ для поправки обстоятельствъ 10,000 руб.

— Хорошо, я дамъ,—сказалъ Демидовъ,—но подъ условіемъ, чтобы долгъ былъ возвращенъ въ срокъ.

— Да ужъ это конечно...

— А если я не получу денегъ въ назначенный день, то воленъ буду осрамить тебя на весь городъ.

— А какъ же осрамишь? — робко спросила помѣщица.

— Напишу на доскѣ „мошенница“ и приколочу эту доску къ твоему дому.

— Нѣтъ, ужъ до этого не доведу, безпремѣнно въ срокъ уплачу...

Получивъ деньги, помѣщица отправилась домой. По дорогѣ она задумалась:

— А что, если на грѣхъ, я не могу возвратить въ срокъ этому неумолимому человѣку? Опозоритъ, не пощадитъ... На всю губернію осрамитъ...

И послѣ долгаго размышленія порѣшила: всѣ деньги цѣликомъ спрятать, не разстрачивая изъ нихъ ни копѣйки, чтобы возвратить ихъ своевременно своему кредитору.

А Демидовъ между тѣмъ приказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ наблюдать за дѣйствіями этой помѣщицы. Тотъ донесъ своему патрону все обстоятельно, и когда она пріѣхала къ Демидову съ долгомъ въ назначенное время, милліонеръ-самодуръ встрѣтилъ ее любезно и поблагодарилъ за исправность. Принявъ отъ нея деньги, онъ тихо приказалъ своему камердинеру положить ихъ на видномъ мѣстѣ въ ея экипажъ.

Отъѣзжая отъ Демидова, помѣщица наткнулась на знакомую пачку денегъ и въ ужасѣ отъ нихъ отпрянула. Сейчасъ же возвратилась она къ своему странному кредитору и испуганно заговорила:

— Зачѣмъ эти деньги оказались въ моей бричкѣ? Неужели для того, чтобы все-таки меня осрамить, обезчестить?

— Нѣтъ, матушка, это тебѣ мой подарокъ за твою исправность, — отвѣтилъ Демидовъ и наотрѣзъ отказался принять свою щедрую подачку, которая, къ

слову сказать, очень пригодилась бѣдной вдовѣ-помѣщицѣ.

Демидовъ вызывалъ охотниковъ пролежать у него въ домѣ цѣлый годъ на спинѣ, не вставая съ постели.

Охотники, разумѣется, находились.

— Пролежишь-ли? недовѣрчиво переспрашивалъ Демидовъ, оглядывая охотника.

— Пролежу, успокаивалъ его тотъ.

— Смотри, трудно вѣдь на спинѣ...

— Для вашего-то удовольствія трудно?—Ежели вашей милости нравится это дѣло, такъ я не шелохнусь даже.

Довольный такою услужливостью незнакомца, Прокофій Акинфьевичъ отводилъ ему особую комнату и приставлялъ къ нему людей, которые день и ночь дежурили возлѣ добровольнаго страдальца. Они же его кормили и поили, не позволяя даже для этого приподняться.

Если охотникъ выдерживалъ испытаніе, Демидовъ дарилъ ему отъ пяти до десяти тысячъ; въ противномъ случаѣ онъ изгонялся вонъ и даже испробовавъ розогъ.

Очень часто являлась у Демидова блажь—любоваться въ продолженіи часа на немигающаго человѣка. Уговорится онъ съ какимъ-нибудь субъектомъ, чтобы тотъ простоялъ передъ нимъ часъ не мигая, а самъ все время машетъ рукой передъ его глазами. И если субъектъ не мигнетъ—щедрая денежная награда, мигнетъ—потокъ брани.

— Каналья! кричитъ Демидовъ.—Берешься не за свое дѣло!.. Ну, гдѣ тебѣ, дураку, не мигать!.. Какое

отъ тебя можетъ быть удовольствіе для богатаго человѣка? Вонъ, негодяй!

Прокофій Акинфьевичъ имѣлъ колымагу, окрашенную въ оранжевый цвѣтъ. Ѣздилъ онъ по Москвѣ всегда цугомъ. Цугъ состоялъ изъ шести лошадей: двѣ переднія и двѣ заднія лошади были маленькія, а среднія огромныя, казавшіяся сравнительно съ тѣми великанами. На одной изъ большихъ лошадей сидѣлъ карликъ, а на передней маленькой лошадкѣ умѣщался форейторъ такого значительнаго роста, что длинныя ноги его тащились по мостовой. Лакейскія ливреи были такъ-же комичны: одна половина казакина была расшита золотыми галунами, другая—представляла изъ себя деревенскую сермягу; на одной ногѣ—шелковый чулокъ и лакированный башмакъ, на другой—лапоть и пр. въ такомъ же духѣ.

Разумѣется „выѣздъ" Демидова возбуждалъ у проходившихъ смѣхъ, который былъ нуженъ милліонеру для того, чтобы заставить всѣхъ какъ можно больше о себѣ говорить. Такимъ страннымъ образомъ онъ искалъ популярности и, конечно, достигъ того, что разсказы объ его чудачествахъ проникли даже въ Петербургъ и достигли дворца...

Когда появилась мода на очки, Прокофій Акинфьевичъ надѣлъ ихъ не только на весь штатъ своей прислуги и приближенныхъ, но даже лошади и собаки у него начали щеголять въ нихъ.

Одинъ изъ заводскихъ прикащиковъ Демидова попросилъ у него разъ денегъ:

— Батюшка, Прокофій Акинфьевичъ, помогите! До того плохо приходится, что хоть въ петлю лѣзть!

— Отлично, отвѣтилъ Демидовъ,—помогу, но только

сперва повѣсься при мнѣ. Я никогда еще не видалъ человѣка, который добровольно-бы лѣзъ въ петлю.

— О, Господи! Благодѣтель ты нашъ, да статочное-ли дѣло христіанской душѣ такую смерть воспріять!?

— Нѣтъ, ты сперва потѣшь меня, а потомъ ужь и я тебя: выдумка-то твоя мнѣ больно нравится. Удружи, и я твоимъ наслѣдникамъ сколько хочешь дамъ... хоть сто тысячъ.

Однако, черезъ нѣсколько дней богачъ смилостивился и, отдавая пособіе, укоризненно замѣтилъ:

— Видишь, какая у тебя подлая душонка; въ кои-то вѣки, разъ въ жизни, задумалъ сдѣлать неслыханное дѣло, да и то отъ трусости не посмѣлъ. Впередъ ужъ лучше не хвастай, а не то я буду считать тебя за мошенника.

Обанкрутившемуся купцу Мердеру, Прокофій Акинфьевичъ помогъ десятью тысячами только за то, что тотъ исполнилъ одну изъ прихотей милліонера, пожелавшаго прокатиться на прогорѣвшемъ купцѣ.

— Ладно, я тебѣ помогу, сказалъ Демидовъ, — но только покатай меня на себѣ.

— Съ удовольствіемъ.

— Становись на четвереньки.

Мердеръ исполнилъ приказаніе. Прокофій Акинфьевичъ взобрался къ нему на спину и велѣлъ возить себя по комнатамъ. Порядкомъ поизмучивъ своего импровизированнаго коня, Демидовъ остановилъ его и, слѣзая, сказалъ:

— Ты, я вижу, славный малый. Говори сколько тебѣ нужно денегъ? Не откажу.

— Десять тысячъ.

— Только-то?! На, получай...

Одного своего гостя, надъ которымъ Демидовъ имѣлъ обыкновеніе смѣяться, онъ такъ однажды напоилъ, что тотъ дошелъ чуть-ли не до безчувствія. А хозяину только этого и надо, чтобы заполнить свое праздное время какою-нибудь новою выходкою. Приказываетъ онъ достать гдѣ-нибудь гробъ, который, разумѣется, былъ вскорѣ найденъ у ближайшаго гробовщика. Уложилъ онъ въ этотъ гробъ упившагося гостя; руки сложилъ ему крестомъ, какъ покойнику; обложилъ его всего ассигнаціями: закрылъ крышей и приказалъ отвезти его къ женѣ. Человѣкъ, сопровождавшій гробъ съ живымъ покойникомъ, доставилъ несчастнаго къ порогу его дома и скрылся. Кто-то изъ домашнихъ наткнулся въ сѣняхъ на гробъ и, смертельно испугавшись, поднялъ отчаянный крикъ. Сбѣжался весь домъ, поднялась суматоха, благодаря которой вдругъ поднялся изъ гроба покойникъ. Всѣ въ ужасѣ разбѣжались и только съ помощію полиціи водворился порядокъ и спокойствіе.

Разсердился какъ-то Демидовъ на квартальнаго своего околодка, причинившаго ему какое-то неудовольствіе. Призываетъ онъ его къ себѣ на обѣдъ. Выказываетъ очень большую любезность и радушіе. Квартальный торжествовалъ: вотъ-молъ самого Демидова довелъ до почтенія къ своей особѣ! Хлѣбосольный хозяинъ съ удивительною настойчивостью наполнялъ бокалы гостя дорогимъ виномъ. Въ концѣ-концовъ тотъ совершенно опьянѣлъ. Прокофій Акинфьевичъ, конечно, воспользовался моментомъ для мщенія. По его приказанію, раздѣли гостя до гола. обрили ему голову, вымазали всего медомъ и обваляли въ пуху. Проспав-

шись, поднимается квартальный и съ ужасомъ взираетъ на себя, не понимая, что съ нимъ дѣлается. Слѣдившій за нимъ черезъ замочную скважину, Демидовъ является съ объясненіемъ:

— Какъ не стыдно тебѣ въ такомъ видѣ являться къ обывателю? Кто тебя, послѣ этого уважать станетъ? Сейчасъ я тебя отправлю въ каретѣ къ губернатору— пусть полюбуется.

Квартальный взмолился:

— Если не чудеса со мной творятся, такъ непремѣнно это дѣло вашихъ рукъ.

— То-то! А будешь мнѣ гадости дѣлать? а?

Дѣло кончилось тѣмъ, однако, что Демидовъ подарилъ ему парикъ и мѣшокъ съ червонцами.

Зять Демидова устроилъ парадный обѣдъ. Пригласилъ, конечно, на него и своего тестя, но тотъ вмѣсто себя прислалъ въ каретѣ живую свинью, которую ввели въ столовую демидовскіе гайдуки.

Зная блажь Прокофія Акинфьевича и не безъ намѣренія уязвить своего родственника-милліонера, хозяинъ принялъ свинью съ почетомъ. Отвѣшивалъ ей поклоны, усадилъ ее на лучшемъ мѣстѣ, досыта накормилъ и отправилъ ее обратно къ Демидову въ своей каретѣ. Прокофію Акинфьевичу поступокъ зятя понравился. Въ тотъ же день свинья была убита, а на другой—шкуру ее набилъ онъ золотомъ и отправилъ въ подарокъ дочери.

Устроилъ Демидовъ обѣдъ и пригласилъ на него тѣхъ изъ важныхъ москвичей, которыхъ недолюбливалъ за спѣсь. Наканунѣ этого торжественнаго дня, призвалъ онъ плотниковъ и велѣлъ имъ устроить по всему дому около каждой двери подножки, будто бы

приготовленныя для ремонта лѣпныхъ украшеній на стѣнахъ.

Явились приглашенные. Прокофій Акинфьевичъ повелъ ихъ въ столовую нарочно кругомъ. Въ каждой двери сановнымъ гостямъ пришлось сгибаться, а Демидовъ все время извинялся за штукатура:

— Простите глупаго мужика за то, что онъ безъ спросу моего началъ нынче работу. Изъ-за этого вамъ почтеннымъ господамъ, приходится гнуть спину...

Нѣкоторыя изъ дураческихъ выходокъ Демидова обращали на себя вниманіе императрицы Екатерины II, которая не особенно за это его жаловала.

Е. Ф. Ганинъ.

Первогильдейный купецъ Егоръ Федоровичъ Ганинъ славился своими чудачествами въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Проживалъ онъ на берегу Невы, на мѣстѣ нынѣшней Калашниковской пристани. Его небольшой, незатѣйливой архитектуры домъ былъ окруженъ весьма замысловатымъ садомъ, составлявшимъ предметъ его особыхъ заботъ и ухаживаній.

Этотъ самый садъ, въ свое время извѣстный всему Петербургу, главнымъ образомъ и сосредоточивалъ на себѣ чудачества Ганина.

Апогея славы Егоръ Федоровичъ достигъ въ двад-

цатыхъ годахъ, когда на его счетъ стали потѣшаться печатно. Въ особенности неистовъ былъ въ своихъ насмѣшкахъ извѣстный издатель журнала „Благонамѣренный“—А. Е. Измайловъ, который всячески вышучивалъ „самодура“, но однако такъ, что самъ самодуръ и не подозрѣвалъ этого, беззавѣтно полагаясь на дружбу поэта. У Измайлова было насмѣшливое стихотвореніе „Ганинъ садъ“, отъ котораго былъ въ неописуемомъ восторгѣ Егоръ Федоровичъ.

Бывали-ль вы когда у Ганина въ саду?
Неужли не бывали?
Такъ ничего вы не видали!
Какой тамъ памятникъ чудесный на пруду!
Сходите вы туда: хозяинъ мнѣ пріятель,
Предобрый человѣкъ, отличнѣйшій писатель.

Затѣмъ перечисляются всѣ диковинки ганинскаго сада, а въ самомъ концѣ значится, что

Хозяинъ пудреный, какъ пѣтушекъ гуляетъ,
А въ клѣткѣ попугай кричитъ: дуракъ! дуракъ!

Стихотвореніе это было снабжено массою примѣчаній, такого рода:

На слово „пудреный“: „Егоръ Федоровичъ Ганинъ пудрится и любитъ носить лазореваго цвѣта галстухъ, причемъ сѣменитъ ножками“. Относительно попугая говорится: „Въ особенно праздничные дни у четырехъ аршиннаго фонтана становится клѣтка съ любимымъ попугаемъ Е. Ф. Ганина, *вполнѣ знающимъ своего хозяина*“. И т. д.

Садъ Ганина былъ невеликъ, но вмѣщалъ въ себѣ громадное количество всяческихъ рѣдкостей, въ боль-

шинствѣ представлявшихъ плодъ очень бойкой фантазіи чудака. На устройство его онъ потратилъ больші капиталы.

Надъ одними изъ воротъ сада красовалась надпись: „Для добрыхъ, честныхъ, правдивыхъ и безъ собакъ“.

Входъ былъ общедоступнымъ. Къ обозрѣнію сада допускались всѣ, но именитые посѣтители, начиная съ 5-го класса включительно, записывались Ганинымъ собственноручно на особомъ листѣ.

Растительность ганинскаго сада щеголяла разнообразіемъ: аллеи были обсажены деревьями, полянки— дорогими цвѣтами, преимущественно розами, а куртины овощами, между которыми преобладали огурцы и картофель. Почему огурцы и картофель сопричислялись къ рѣдкимъ ботаническимъ экземплярамъ,—это составляло секретъ оригинала.

Весь садъ вдоль и поперегъ былъ испещренъ дорожками, канавками; обставленъ затѣйливыми скамеечками, гротами, пещерами, бесѣдками, кіосками, павильонами и т. п постройками, тѣснившимися другъ подлѣ друга. Между ними красовались фонтаны, водопады, пруды, горы, искусственные обрывы, мостики, переходы и, наконецъ, корабли съ пушками, изъ которыхъ, къ удовольствію хозяина, въ торжественные дни и пріемы производилась стрѣльба.

Кромѣ этого, въ разныхъ мѣстахъ сада возвышались памятники, возникновеніе которыхъ мотивировалось весьма заурядными событіями изъ жизни Ганина. Наибольшій интересъ представляли крѣпости, снабженныя хорошими боевыми орудіями и механическими часовыми.

Но забавнѣе всего былъ ганинскій звѣринецъ. Львы,

тигры, медвѣди, волки, кабаны, верблюды, слоны, носороги, жирафы, страусы и проч. паслись на „розовыхъ полянахъ“ и на „огуречныхъ куртинахъ“ безъ присмотра. на свободѣ... конечно, потому что они были деревянные, производства какой-то заграничной игрушечной фабрики. Нѣкоторые изъ нихъ, снабженные механизмомъ, дѣлали движенія, что иныхъ посѣтителей приводило въ ужасъ.

При звѣринцѣ было нѣсколько „укротителей“, на обязанности которыхъ лежало изо дня въ день перетаскивать эти игрушки взрослаго человѣка съ одного мѣста на другое. Это относилось къ личному развлеченію Ганина.

Иногда, при хорошемъ расположеніи духа, Егоръ Федоровичъ приказывалъ подвести къ себѣ котораго нибудь изъ звѣрей.

— Ну, хоть, леопарда, что-ли.

Къ террасѣ дома, на который обыкновенно блаженно располагался богачъ, подводили или, вѣрнѣе, подносили изображеніе въ натуральную величину леопарда, который, благодаря ловкимъ манипуляціямъ укротителя, будто-бы проявлялъ нѣкоторое безпокойство и будто-бы намѣревался сорваться съ цѣпи. Это нравилось Ганину.

— Чего это ты строптивишься, говорилъ чудакъ, съ притворной боязнью поглаживая голову леопарда.— Или тебѣ не нравится у меня жить?! Э, глупый, глупый! Видно ты плохо знаешь Ганина... Окромя ласки и привѣтствія, ничего ты отъ него не будешь имѣть.

Съ посѣтителями своего сада, которые являлись, въ сущности, взглянуть на Ганина, а не на диковинки его, Егоръ Федоровичъ былъ весьма предупредителенъ

и любезенъ. Самъ сопровождалъ ихъ по аллеямъ и давалъ подробныя объясненія всѣмъ предметамъ.

— Вотъ это гротъ блаженства! заявлялъ онъ, подводя гостя къ мрачному уголку. — Здѣсь впервые забилось мое сердце.

— На счетъ любви что-нибудь было? интересовался посѣтитель, смѣривая взглядомъ невзрачную фигуру Ганина, темноватые щетинистые волоса котораго всегда были сильно напудрены.

— Да, любви къ отечественной словесности и поэзіи!

— Стихи тутъ пишете?

— Нѣтъ, здѣсь, въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ, задумана была драма „Джонсъ или добродѣтельный Иванъ".

Помимо, такъ сказать, „садоваго чудачества", Ганинъ проявлялъ чудачество въ сочинительствѣ драмъ, безусловно ужасныхъ драмъ, о которыхъ можно составить понятіе по именамъ дѣйствующихъ лицъ. Напримѣръ:

Развратъ, молодой помѣщикъ.

Двое дѣтей, не въ бракѣ рожденныхъ.

Ельвира или Роза, гишпанка въ турецкомъ платьѣ.

Городскія правленія (???).

Фанни, дочь единоутробная Прескота (англійскаго купца).

Львица (NB) (очень трудная, пантоминная роль).

И пр. въ этомъ-же родѣ.

Ганинъ добивался постановки одной изъ драмъ на казенной сценѣ и для роли Львицы предлагалъ себя, такъ какъ, молъ, онъ авторъ лучше всѣхъ съумѣетъ *творчески воспроизвесть задуманный типъ.* Впрочемъ,

на это подбилъ его Измайловъ, увѣрившій Егоръ Федоровича, что актеры эту первенствующую роль драмы непремѣнно испортятъ, отнесясь къ ней, какъ къ безсловесной, безъ надлежащаго уваженія.

На любительскомъ спектаклѣ, состоявшемся на Ольхинской бумажной фабрикѣ, пьеса Ганина игралась и самъ авторъ дѣйствительно изображалъ *сильно-драматическую* роль Львицы. Его, бѣгавшаго по сценѣ на четверенькахъ, въ звѣриной шкурѣ, зрители награждали единодушными аплодисментами, а въ „Благонамѣренномъ“ была помѣщена подробная объ его исполненіи рецензія.

Къ памятникамъ ганинскаго сада причислялось нѣсколько подписей, выведенныхъ на огромныхъ доскахъ серебрянными буквами и вывѣшенныхъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Одна изъ нихъ, напримѣръ, гласила:

О, чудный въ свѣтѣ, вертоградъ!
Похвалъ достойный Ганинъ садъ!
О! драма русская „Любимъ“,
Гордися авторомъ своимъ.

Подъ этимъ, въ сущности, ироническимъ четверостишіемъ, было приписано отъ Егора Федоровича: „сочинялъ фабулистъ-журналистъ, нынѣ статскій совѣтникъ, Тверской вице-губернаторъ и двухъ орденовъ россійскихъ (св. Владиміра Равноапостольнаго и св. Анны Голштинскія) кавалеръ, Александръ, Ефимовъ сынъ, Измайловъ“.

Многочисленныя садовыя статуи и фигуры были окрашены Ганинымъ розоватой краской. Ему было угодно, чтобъ онѣ какъ можно болѣе походили „на натуры“.

Благодаря этому, въ 1823 году, произошелъ анекдотическій курьезъ. Императоръ Александръ Павловичъ, прогуливаясь въ своей яхтѣ по Невѣ, послѣ обѣда на дачѣ Нарышкина, увидалъ на берегу ганинскаго предмѣстья толпу голыхъ людей. Предположивъ, что это купальщики, государь выразилъ свое неудовольствіе, которое было передано тогдашнему оберъ-полицiймейстеру Гладкому. Но когда выяснилось, что это ганинскія статуи показались императору толпой голыхъ людей, онъ много смѣялся. Полицiймейстеръ же, во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, предложилъ Ганину немедленно возвратить алебастровымъ фигурамъ натуральный цвѣтъ, посредствомъ бѣленія.

Чудакъ этотъ до конца дней обставлялъ свой садъ, полагая сдѣлать изъ него историческую достопримѣчательность, но вскорѣ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1830 году во время холеры, отъ этого сада не осталось слѣдовъ.

Савва Яковлевъ.

Многочисленныя чудачества, впрочемъ, въ большинствѣ не выходившія изъ предѣловъ дикихъ выходокъ, создали Саввѣ Алексѣевичу Яковлеву большую популярность, неувядаемую до сихъ поръ.

Его имя вошло даже въ поговорку. Имъ опредѣляется безшабашный кутила и безобразникъ.

Яковлевъ, отставной корнетъ л.-гв. кавалергард-

скаго полка, сынъ милліонера, нѣкогда блестящій юноша, — промоталъ огромныя деньги спеціально на разгулѣ.

Его чудачества выражаются исключительно въ кутежахъ, которые по своей грандіозности были безпримѣрны.

Савва Яковлевъ пилъ изумительно много и окружалъ себя только такими людьми, которые могли „по совѣсти" раздѣлить съ нимъ компанію.

Такихъ, которые-бы могли превзойти его въ истребленіи спиртныхъ напитковъ, не было — и Савва этимъ гордился. Многіе пробовали съ нимъ состязаться, но побѣда всегда оставалась на сторонѣ Яковлева.

Впрочемъ, нашелся-таки одинъ, съумѣвшій расположить къ себѣ самодура выносливостью своего желудка. Это былъ — отставной капитанъ сапернаго батальона Бемъ. Правда, онъ не могъ выпить болѣе Яковлева, но зато не отставалъ отъ него въ попойкахъ и это было большимъ подвигомъ, справедливо оцѣненнымъ Саввою Алексѣевичемъ, подарившимъ ему за это сто тысячъ рублей.

Въ Бемѣ Яковлевъ нашелъ услужливаго друга, съ которымъ былъ неразлученъ до конца дней его...

Любимымъ удовольствіемъ Яковлева было „закидываніе тони" на Крестовскомъ. Являлся онъ туда въ сопровожденіи громадной ватаги пріятелей, за нимъ тянулся обозъ съ яствами и питіями, а складной домикъ, устроенный имъ спеціально для прогулки на тони, привозился заранѣе. Такъ что къ его пріѣзду было готово сносное помѣщеніе, въ которомъ онъ и располагался на день, на два. Впрочемъ, Яковлевъ не удовлетворялся походной дачей безъ сада. Онъ привозилъ

съ собой нѣсколько садовниковъ, которые въ два—три часа устраивали около дачи хорошенькій садикъ, съ дорожками и клумбами цвѣтовъ, прихваченными съ собою. Деревья же добывались изъ сосѣдней рощи...

Шампанское лилось рѣкой. Вмѣстѣ съ господами безпросыпно пьянствовали рыбаки...

Когда закидыванье тонь наскучивало, Яковлевъ отдавалъ приказаніе Бему: „немедленно доставить женщинъ для русалочной потѣхи“.

Сговорчивыя женщины вскорѣ находились въ ближайшихъ окрестностяхъ. Онѣ охотно являлись на призывъ самодура, будучи увѣренными, что ихъ безпокойство оплатится хорошо...

Затѣмъ начиналась вакханалія. Женщинъ напаивали и сбрасывали въ воду.

Разумѣется, поднимался крикъ, визгъ. Пьяная компанія любовалась на путавшихся въ сѣтяхъ импровизованныхъ русалокъ, а самъ Яковлевъ надъ этой „потѣхой“ хохоталъ до слезъ...

Холодная ванна отрезвляла женщинъ; ихъ вылавливали рыбаки, безъ вреда для здоровья, и вновь возвращали компаніи, которая приводила ихъ въ чувство шампанскимъ...

Саввѣ Яковлеву приписываютъ порчу нравовъ пресловутой Черной рѣчки. До его появленія на ней, царили въ этомъ дачномъ уголкѣ патріархальность, тишина и миръ. Но какъ только выстроилъ въ этой мѣстности Яковлевъ дачу — добрые нравы Черной рѣчки быстро разсѣялись. Сосѣдство богача оказалось совершенно нетерпимымъ. Постоянные кутежи, продолжавшіеся цѣлыми сутками, и горланистыя неудобослушаемыя пѣсни, разносившіяся ночью по всему околодку,

изгнали порядочныхъ дачниковъ и обезцѣнили эту, до появленія Яковлева, излюбленную петербуржцами окрестность...

Дачу Яковлева обходили кругомъ. Самъ онъ былъ страшилищемъ для всего округа. Ради потѣхи, Савва Алексѣевичъ травилъ на прохожихъ своего злаго бульдога, или пугалъ дамъ обезьянами, которыя въ его саду пользовались свободной жизнью. А то сбиралъ къ себѣ на просторный дачный дворъ, открытый для взора прохожихъ съ улицы, толпу „милыхъ, но погибшихъ созданій“ и приказывалъ имъ водить хороводы въ очень откровенныхъ костюмахъ.

Эти хороводы Яковлевъ называлъ „патагонской идилліей“.

— Это значитъ, говаривалъ онъ гостямъ, присутствовавшимъ на подобномъ зрѣлищѣ,—вы находитесь не выѣзжая изъ Петербурга, у дикаря въ Южной Америкѣ!

Проживая зимой въ домѣ отца, на Васильевскомъ островѣ, онъ позволялъ себѣ, въ минуты одиночества и грусти, скромное развлеченіе: стрѣлять изъ пистолета по драгоцѣннымъ зеркаламъ и, такъ называемымъ, „горкамъ“, въ которыхъ сохранялись различныя рѣдкости.

Всѣ шутки его были направлены въ дурную сторону, а безъ шутокъ, между тѣмъ, онъ не могъ обходиться совершенно.

Любилъ онъ позабавиться надъ гостями и сколько разъ случалось, что весь ужинъ оказывался изготовленнымъ на касторовомъ маслѣ. Самъ онъ, ссылаясь на болѣзнь, довольствовался бульономъ, а друзей заставлялъ ѣсть отвратительныя кушанья...

Яковлевскіе вакханаліи и ужины всегда оканчивались „гробомъ“, котораго боялись даже записные пьяницы.

Предъ разставаньемъ съ гостями (а это происходило непремѣнно утромъ), Савва Алексѣевичъ неистово кричалъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Гробъ!!!

Слуги, хорошо знавшіе порядокъ, относили Яковлева въ креслѣ къ выходнымъ дверямъ и сейчасъ-же притаскивали ящикъ шампанскаго и серебряный гробъ, вмѣщавшій въ себѣ ровно бутылку этого напитка. Затѣмъ подавали ему заряженный пистолетъ, который внимательно имъ осматривался: дѣйствительно-ли онъ заряженъ?

Послѣ этого начиналось „прохожденіе“. Къ Яковлеву подходили для прощанья гости по-одиночкѣ.

Савва Алексѣевичъ поднималъ пистолетъ, приставляя его дуло къ физіономіи гостя, а лакей въ это время подносилъ гробъ съ шампанскимъ. Гость выпивалъ его до дна и, поцѣловавъ хозяина, выходилъ. Но если гость, опорожнивъ гробъ, упадалъ, то Яковлевъ, отъ души разсмѣявшись, произносилъ стереотипную фразу:

— Подобрать убитаго!

Гостя уносили въ спальню на „вытрезвленіе“...

Въ концѣ 1848 года, послѣ самоотравленія нѣкоего Угрюмова, котораго Яковлевъ обвинилъ въ поддѣлкѣ его подписей, чего на самомъ дѣлѣ не было,—Савва Алексѣевичъ впалъ въ меланхолію...

Какъ-то приказываетъ онъ подать ему „гробъ!“

Собственноручно зарядилъ пистолетъ пулею, приставилъ его, какъ это всегда онъ дѣлалъ, къ виску и, подъ собственной угрозой, осушилъ залпомъ „гробъ“.

Затѣмъ спустилъ руку, направилъ дуло въ ротъ и... раздался выстрѣлъ.

— Подобрать убитаго! только и могъ произнести смертельно-раненый Савва Яковлевъ.

Яковъ Ивановичъ Л—въ.

Кто не зналъ Якова Ивановича?

Яковъ Ивановичъ—это тотъ симпатичный толстякъ, про котораго всегда ходила масса анекдотовъ, безобидныхъ по существу, но обрисовывающихъ его незауряднымъ чудакомъ.

Яковъ Ивановичъ — извѣстный театралъ, исключительный поклонникъ драмы и оперетки.

Еще такъ недавно появлялся онъ на горизонтѣ петербургской жизни, отличаясь веселымъ нравомъ, покладистой натурой и неудержимою склонностью къ эксцентричностямъ.

Онъ умеръ сравнительно молодымъ человѣкомъ, проживъ громадное количество денегъ.

Его чудачества не ограничивались какою-нибудь областью: онъ былъ чудакомъ во всемъ и вездѣ, въ большинствѣ чудакомъ „не показнымъ", т. е. не такимъ, который своими продѣлками рисуется, щеголяетъ и умышленно возбуждаетъ удивленіе въ окружающихъ, а чудакомъ лично для одного себя, для своего удовольствія.

Напримѣръ, Яковъ Ивановичъ въ свою роскошно убранную квартиру, устланную коврами, приказывалъ

приводить лошадей для того, чтобы полакомить ихъ кускомъ сахара или показать своимъ гостямъ.

— Что вы? изумлялись тѣ изъ гостей, которые недостаточно хорошо знали Якова Ивановича.—Какъ это такъ вы требуете въ квартиру лошадь? Лучше мы сами спустимся въ конюшню.

— Съ какой-же стати?!—возражалъ оригиналъ-хозяинъ.—Не мы лошади служимъ, а она намъ.

— Но вѣдь это второй этажъ...

— Не велика барыня, поднимется...

И лошадь, дѣйствительно, поднималась.

Вводили ее въ гостиную, нѣкоторые изъ наиболѣе смѣлыхъ прикасались къ ея мордѣ, и затѣмъ ее уводили обратно.

Въ квартирѣ Якова Ивановича это было обычнымъ явленіемъ.

Въ деревнѣ-же у него *), гдѣ онъ проживалъ лѣтніе мѣсяцы, нерѣдко можно было встрѣтить въ кабинетѣ „шести-ногаго бычка", весьма безцеремоннаго по поведенію. Бычекъ этотъ впослѣдствіи сдѣлалъ карьеру „цирковаго артиста", попавъ въ руки клоуна Дурова.

Еще будучи только юнкеромъ, Яковъ Ивановичъ уже славился своими шалостями, которыя опредѣляли въ немъ курьезнаго человѣка.

Начало его знакомства съ артисткой N. весьма оригинально по обстановкѣ.

Яковъ Ивановичъ долго добивался быть представленнымъ этой хорошенькой женщинѣ, задорно распѣвавшей со сцены излюбленные ею куплеты: „Меня мужчины такъ балуютъ, что я испорчусь наконецъ".

*) Кашинскій уѣздъ, Тверской губ.

Но обстоятельства такъ неудачно слагались, что желанное знакомство никакъ нельзя было завязать.

Артистка эта, уже давно сошедшая съ театральныхъ, а недавно и съ житейскихъ подмостковъ, чуть-ли не прямо со школьной скамьи театральнаго училища вышла замужъ за актера N, который оберегалъ ее чрезвычайно ревниво.

Какъ-то при случаѣ Яковъ Ивановичъ просилъ N, съ которымъ дружилъ, какъ вообще со многими актерами, чтобы онъ познакомилъ его съ женой.

— Нѣтъ!—На отрѣзъ отказалъ N. — Вы человѣкъ ненадежный.

— Ну, ладно-жъ! — многозначительно процѣдилъ сквозь зубы Яковъ Ивановичъ, и, подзадариваемый затрудненіями, рѣшилъ, во что-бы то ни стало, овладѣть вниманіемъ хорошенькой актрисы.

И овладѣлъ.

Но какъ и при какихъ обстоятельствахъ?

Заказалъ онъ на свою необъятную фигуру простой извощичій костюмъ, нанялъ поденно отъ извозопромышленника пролетку съ номеромъ и отправился, преобразясь въ извощика, въ Измайлойскій полкъ, гдѣ проживалъ N, караулить свою жертву.

Прошелъ день, другой, третій. Яковъ Ивановичъ дремалъ на козлахъ, а N, какъ на зло, никуда не выходила и, слѣдовательно, въ извощичьихъ услугахъ не нуждалась.

На четвертый день судьба, наконецъ, сжалилась надъ Яковомъ Ивановичемъ. Театральная карета запоздала. Изъ подъѣзда вышла N, безъ сопровожденія супруга, и подозвала извощика.

Яковъ Ивановичъ, начинавшій уже терять терпѣ-

ніе, лихо подкатилъ къ подъѣзду, безъ торгу усадилъ „даму“ и поѣхалъ по направленію къ театру.

По дорогѣ импровизированный извощикъ заводитъ разговоръ:

— Барыня милая, знаете-ли вы Якова Ивановича?

— Слышала о немъ.

— Эхъ, кабы вы чувствовали, какъ онъ васъ любитъ.

— А ты почемъ знаешь?

— Да какъ-же мнѣ не знать, если этотъ самый Яковъ Ивановичъ—я и есть.

Артистка отъ ужаса чуть не выпрыгнула съ дрожекъ.

— Что это? Мистификація или ложь?

— Простите, заговорилъ Яковъ Ивановичъ обычнымъ своимъ тономъ,—другаго способа познакомиться съ вами я не могъ найти.

— Оказывается, что дѣйствительно вы нахалъ.

— Цѣль оправдываетъ средства. Для безумно влюбленнаго все простительно!

— Пустите меня, я не хочу продолжать этой глупой комедіи...

Однако, продолжила.

Страннымъ образомъ театральная карета стала ежедневно запаздывать и N принуждена была постоянно пользоваться услугами извощика, поджидавшаго „знакомую барыню“. Впрочемъ, это тянулось недолго. Черезъ недѣлю супруги N, послѣ весьма обстоятельнаго объясненія, разошлись и... какъ показало время, навсегда.

Въ тверской деревнѣ своей Яковъ Ивановичъ жилъ,

какъ самъ выражался, „на распашку". Это означало, что онъ не стѣснялъ себя верхнимъ платьемъ.

Всегда у него гостили друзья, далеко не скучавшіе возлѣ Якова Ивановича, проводившаго время въ деревнѣ весьма оригинально и забавно.

Мимо его имѣнія протекала рѣчка, изъ которой онъ не выходилъ въ жаркіе дни по нѣсколько часовъ кряду. Въ водѣ Яковъ Ивановичъ устраивался комфортабельно: сидѣлъ въ удобномъ, покойномъ креслѣ и съ наслажденіемъ отдувался. Передъ нимъ суетились полураздѣтые слуги, подававшіе ему на серебряномъ подносѣ кофе съ ликеромъ и сигары, которыя онъ съ привычнымъ удобствомъ раскуривалъ, сидя по горло въ водѣ. Иногда въ рѣчкѣ онъ и завтракалъ.

Гости-же сидѣли на берегу и вели съ нимъ оживленную бесѣду.

Въ деревнѣ у него былъ хоръ, которымъ онъ любилъ хвастнуть и даже однажды выступилъ съ нимъ публично въ городѣ К., *лично дирижируя имъ*.

Его хористы носили русскій нарядъ, но очень немногіе имѣли русскую физіономію, хотя всѣ они, безъ исключенія, принадлежали къ чистокровнымъ тверитянамъ.

Одинъ походилъ на итальянца, другой на француза, третій напоминалъ шведа, четвертый былъ типичнымъ татариномъ и пр.

— Что это значитъ?—спрашивали у Якова Ивановича.

— Надо-жъ моему парикмахеру чѣмъ нибудь заниматься? спокойно отвѣчалъ онъ.

Своего парикмахера онъ называлъ не иначе, какъ „мусью Фиксатуаръ".

Являются однажды къ Якову Ивановичу два пѣшихъ путешественника, совершенные прототипы Счастливцева и Несчастливцева. Одинъ дѣтина громадный, плечистый, косматый, другой — приниженный, тщедушный.

— Что вамъ? спрашиваетъ Яковъ Ивиновичъ.

Высокій началъ проситься въ хоръ и объявилъ, что у него басъ.

— А ну-ка пробаси! сказалъ хозяинъ.

Тотъ рявкнулъ такъ, что всѣ дворовыя собаки подняли лай.

— Годишься!—рѣшилъ Яковъ Ивановичъ и, обращаясь къ маленькому человѣку спрашиваетъ:—ты тоже въ хоръ?

— Куда мнѣ! Я такъ...

— Что-же значитъ такъ?

— За компанію съ нимъ.

— Ну, ладно, оставайся... Можетъ быть удастся тебя женить... Ты еще не женатъ?

— Нѣтъ!

— Ну, вотъ и отлично!

— Но какъ-же это такъ вдругъ жениться... Я не расположенъ.

— Не все-ли равно тебѣ жениться—нынче или послѣ, а намъ развлеченіе.

Сейчасъ-же послалъ за парикмахеромъ и, вмѣстѣ съ бывшими у него въ то время гостями, отправился „промывать новое пріобрѣтеніе“.

Счастливцевъ и Несчастливцевъ, освободясь отъ лохмотьевъ, полѣзли въ рѣчку. За ними послѣдовалъ мусью Фиксатуаръ съ ножницами и бритвеннымъ приборомъ.

Яковъ Ивановичъ командовалъ съ берега:

— Этого, большаго...: дѣлай англичаниномъ... Будетъ похожъ... Расчеши ему на затылкѣ проборъ и сними побольше волосъ съ боковъ.

Затѣмъ, Яковъ Ивановичъ приказалъ его обрить, оставивъ бакены до уха.

Черезъ пять минутъ новоявленный былъ неузнаваемъ. Изъ воды торчала выразительная физіономія бритта.

Маленькаго человѣчка мусью Фиксатуаръ превратилъ въ „невскаго джентльмена“, до гола остригши голову и гладко выбривъ лицо.

Вотъ какъ развлекался у себя въ деревнѣ Яковъ Ивановичъ.

Черезъ недѣлю маленькаго человѣчка онъ женилъ на одной изъ мѣщанокъ города К.; причемъ сдѣлалъ ей приличное приданое. Бракъ оказался удачнымъ.

Желудочныя болѣзни часто безпокоили этого чудака. Какъ-то почувствовалъ онъ себя особенно дурно. Докторъ посовѣтовалъ принять кастороваго масла.

— Приму! сказалъ Яковъ Ивановичъ, не долюбливавшій лечиться, и послалъ за лекарствомъ.

Однако, его принимать не сталъ, продолжая охать и стонать.

Секретарь его О. началъ упрашивать больнаго жалобнымъ голосомъ:

— Голубчикъ, примите масло. Облегчите свои страданія.

— Не могу!

— Хоть съ отвращеніемъ, но примите.

— Не могу! Точно не знаешь, что я ничего не пью безъ компаніи.

— Помилуйте, какая-жъ можетъ быть компанія для лекарства?

— А одинъ, между тѣмъ, не могу! Вотъ если-бъ ты со мной чокнулся, да выпилъ-бы этой самой касторки.

— Да зачѣмъ-же мнѣ? Я, слава Богу, здоровъ.

— Изъ дружбы... изъ участія...

— Я-бы съ удовольствіемъ, но, право, какъ будто нѣтъ аппетита.

— Ну, для меня! Если любишь—выпьешь! Докажи свою привязанность.

— Ну, ужъ если вы такъ хотите—извольте.

О. налилъ въ два стакана касторовaго масла, изъ которыхъ одинъ подалъ Якову Ивановичу, разслабленнымъ голосомъ проговорившему:

— Пей раньше. Меня долженъ воодушевить твой примѣръ.

Тотъ выпилъ.

— Ну, а вы-то?

— А я, братъ, раздумалъ,— сказалъ Яковъ Ивановичъ, возвращая обратно стаканъ съ лекарствомъ.

Картина.

Чудаки завѣщатели.

Судебный приставъ N. N. разсказывалъ анекдотическіе эпизоды изъ своей практики. Онъ увѣрялъ, что ему приходилось встрѣчать не мало чудаковъ, беззаботно шутившихъ чуть-ли не на смертномъ одрѣ.

— Являюсь, напримѣръ,—повѣствовалъ N. N.,—на квартиру умершаго обывателя барона Р. для предохранительной описи имущества. Въ незакрытомъ ящикѣ письменнаго стола нахожу объемистый пакетъ съ-надписью „духовное завѣщаніе". На оборотной сторонѣ приписка: „вскрыть наканунѣ моихъ похоронъ въ присутствіи родственниковъ и кредиторовъ". Дѣлаю относительно этого надлежащее распоряженіе. Въ назначенный день и часъ ликующіе родственники и кредиторы сбираются. Вскрываю торжественно пакетъ и извлекаю изъ него большой листъ исписанной бумаги. Приступаю къ чтенію. Присутствующіе притаили дыханіе. Завѣщаніе гласило слѣдующее: „Не желая оставлять никого изъ родственниковъ и кредиторовъ безъ вниманія, дабы не подумали они, что я забылъ объ ихъ пріятномъ существованіи, вмѣняю себѣ въ святую обязанность подѣлить между ними все, что имѣю. Завѣщеваю имъ: прежде всего хорошенько всмотрѣться въ черты моего лица, чтобы запечатлѣть ихъ на долгія времена въ своей памяти. Затѣмъ, взять мои руки и по русскому обычаю положить ихъ крестомъ на груди, причемъ большой палецъ каждой длани вложить между указательнымъ и среднимъ, чтобы получился символическій знакъ отрицанія. И то, что будетъ находиться въ моей правой рукѣ — завѣщаю своимъ милымъ родственникамъ, а что въ лѣвой—моимъ любезнымъ кредиторамъ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ".

Въ данномъ случаѣ шутникъ обнаружился сразу и дѣло кончилось безъ всякихъ послѣдствій. Другой же чудакъ-завѣщатель вызвалъ хлопоты.

Заявляютъ судебному приставу, что проживавшій въ подвальномъ углу, среди бродяжекъ, нищій „сго-

рѣлъ отъ вина" и оставилъ денежное духовное завѣщаніе.

— Что значитъ денежное? — спросилъ приставъ у хозяина подвала, явившись для охраны имущества.

— Да то, примѣрно сказать, что всѣ мы его за нищаго и убогаго человѣка чтили, питавшагося подаяніями, а онъ оказался милліонеромъ.

— Какимъ образомъ?

— Такое завѣщаніе оставилъ, что всѣмъ по много сотъ тыщъ отказалъ и даже меня не забылъ, царство ему небесное!

Взглянулъ приставъ на завѣщаніе и удивленно развелъ руками. Умершій въ лохмотьяхъ, на рогожѣ, въ грязномъ сыромъ углу, оказался дѣйствительно капиталистомъ.

Щедрый завѣщатель привелъ громадный списокъ лицъ, имъ облагодѣтельствуемыхъ послѣ смерти.

„Женѣ моей, проживающей отъ меня отдѣльно, — 100,000 рублей.

„Старшему сыну Костѣ, какъ главному наслѣднику—250,000 р.

„Младшему—150,000 р.

„Дочерямъ: Катеринѣ, Прасковьѣ и Сосипатрѣ—по 75,000 р.

„Другу моему, Иванову,—100,000 р.

„Квартирному хозяину—100,000 р.

И т. д. въ томъ же духѣ.

Завѣщаніе это вызвало переполохъ. Вѣсть о нищемъ-милліонерѣ съ быстротою молніи облетѣла сперва тотъ домъ, въ которомъ покойный умеръ, затѣмъ весь околодокъ. Отъ любопытной публики не было отбоя. Всѣмъ

хотѣлось взглянуть на скрягу, имѣвшаго громадныя средства и ютившагося въ притонѣ нищихъ.

Приставъ приступилъ къ обыску, но ничего не нашелъ. Перерыли всю квартиру, поднимали полъ, рылись въ печныхъ трубахъ, ломали стѣны—нигдѣ ничего.

Послѣ этого поднялась дѣловая переписка. Приставъ сбиралъ свѣдѣнія въ банкахъ, въ конторахъ и въ другихъ финансово-присутственныхъ мѣстахъ, полагаясь напасть на слѣдъ подозрительнаго клада, но и эти розыски не привели ни къ чему утѣшительному; между тѣмъ его неотступно осаждали „счастливые наслѣдники“.

Наконецъ, собранныя свѣдѣнія о прошломъ покойнаго выяснили, что онъ бѣдствовалъ всю свою жизнь, имѣлъ бѣдныхъ родителей, не получалъ никакихъ наслѣдствъ и не выигрывалъ въ лоттерею. Завѣщаніе его оказалось чудаческой выходкой.

Разочарованные наслѣдники долго не могли успокоиться. Они грезили о независимомъ существованіи, уже считали себя богачами, дѣлали „вспрыски“ и вдругъ... такой афронтъ!

Къ чудакамъ-завѣщателямъ можно причислить и Г-рьева, писавшаго въ молодости въ „Весельчакѣ“ юмористическіе разсказы и занимавшаго впослѣдствіи мѣсто директора въ одномъ страховомъ обществѣ.

Этотъ самый Г., будучи убѣжденнымъ спиритомъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи выразилъ курьезное желаніе, касавшееся его похоронъ.

Твердо вѣруя ученію, что душа умершаго человѣка остается на землѣ, среди живущихъ и дѣйствующихъ, онъ просилъ въ убѣдительныхъ выраженіяхъ не опла-

кивать потерю оболочки души, которую въ разговорномъ языкѣ называютъ тѣломъ. Онъ доказывалъ, что это противно законамъ судебъ.

Г. настоятельно требовалъ, чтобъ о траурѣ не было помина, потому что не должно скорбѣть о томъ, что человѣкъ уходитъ въ лучшій изъ міровъ, однако, не переставая невидимо присутствовать между друзьями и знакомыми.

Г. требовалъ „веселыхъ" похоронъ: съ шампанскимъ, съ танцами... Ему хотѣлось, чтобъ душа, потерявшая оболочку, не впадала въ грусть и печаль, а забыласьбы въ вихрѣ искренняго веселья на жизненномъ пиру счастливаго мертвеца...

Цѣлая система загробной жизни!

Наслѣдники выполнили въ точности послѣднюю волю покойнаго. Его похороны на Успенскомъ кладбищѣ отличались оживленіемъ, а поминки окончились танцами.

ЗНАМЕНИТЫЯ ДУЭЛИ ВЪ РОССІИ.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія поединки были въ модѣ, несмотря на строжайшее ихъ запрещеніе. Очень часто они возникали изъ-за пустяковъ, обусловленныхъ темпераментомъ или простою неуживчивостью. И изъ-за пустяковъ гибли полезные, умные, талантливые, геніальные, до сихъ поръ оплакиваемые дѣятели. „Судъ чести" въ особенномъ ходу былъ среди военныхъ, которые сводили счеты и выясняли недоразумѣнія, въ большинствѣ случаевъ совершенно не сложныя,—путемъ оружія, подводя итоги смертью...

Дуэль поэта Пушкина.

Между знаменитымъ поэтомъ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ и поручикомъ барономъ де-Геккерномъ существовала продолжительная вражда, выросшая на почвѣ семейныхъ недоразумѣній.

Несдержанный баронъ де-Геккернъ посягнулъ на спокойствіе поэта и это было причиною, вынудившею Пушкина на вызовъ къ барьеру барона, отъ чего, впрочемъ, онъ отказался, когда де-Геккернъ женился на своячениицѣ Александра Сергѣевича и этимъ самымъ положилъ конецъ нелѣпымъ и несправедливымъ слухамъ, компрометировавшимъ доброе имя Пушкина, какъ семьянина.

Однако, вскорѣ, мѣсяца черезъ два, обидясь на какой-то неосторожный поступокъ барона, Пушкинъ адресовалъ къ его пріемному отцу нидерландскому посланнику де-Геккерну письмо, въ которомъ весьма рѣзко отозвался о молодомъ де-Геккернѣ, какъ объ авторѣ оскорбительныхъ анонимныхъ писемъ, имъ полученныхъ. Это послужило поводомъ къ вызову Пушкина на поединокъ.

Поэтъ послалъ свое опрометчивое письмо 26-го Января 1837 г., и въ тотъ же день онъ получилъ вызовъ, а 27-го числа состоялась дуэль.

Со стороны Геккерна секундантомъ былъ виконтъ д'Аршіакъ, а со стороны поэта—инженеръ подполковникъ Данзасъ, котораго Пушкинъ встрѣтилъ въ день дуэли, въ часъ пополудни на Цѣпномъ мосту, близъ Лѣтняго сада, и тотчасъ предложилъ ему быть свидѣтелемъ „суда чести".

Секундантъ д'Аршіакъ предложилъ Данзасу, пріѣхавшему къ нему вмѣстѣ съ поэтомъ, слѣдующія условія: „пріѣхать соперникамъ въ началѣ 5-го часа пополудни за комендантскую дачу и стрѣляться тамъ на пистолетахъ. Разстояніе между соперниками назначить двадцать шаговъ, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ дѣлать пять шаговъ и подойти къ барьеру. Никому не давать преимущества перваго выстрѣла, но чтобы каждый сдѣлалъ по одному выстрѣлу, когда угодно на означенныхъ 5-ти шагахъ до барьера, наблюдая, чтобы каждый стрѣлялъ другъ въ друга на одинаковомъ разстояніи, а въ случаѣ промаховъ съ обѣихъ сторонъ, начать на тѣхъ же условіяхъ".

Въ исходѣ 4-го часа Пушкинъ съ Данзасомъ отправились на мѣсто поединка, куда прибыли почти въ одно

время съ соперниками, около половины пятаго часа. Сильный вѣтеръ, бушевавшій на полянѣ, какъ-бы старался помѣшать несправедливому судбищу, но противники были непоколебимы. Не на долго они скрылись въ небольшой сосновой рощѣ, въ то время покрывавшей все пространство, гдѣ теперь возвышается „петербургскій скаковой ипподромъ“. Глубокій снѣгъ мѣшалъ противникамъ сойтись и поэтому секунданты вынуждены были прорывать тропинку на разстояніи 20 шаговъ, на концахъ которой и заняли позиціи дуэлисты.

Когда пятишаговые барьеры были обозначены шинелями, разосланными по снѣгу, съ той и съ другой стороны, и когда пистолеты уже находились въ рукахъ противниковъ,—подполковникъ Данзасъ далъ сигналъ поднятіемъ шляпы. Противники стали сходиться. Геккернъ, не доходя одного шага до барьера, выстрѣлилъ и ранилъ Пушкина, который упалъ лицомъ въ снѣгъ на шинель, служившую барьеромъ съ его стороны; Геккернъ и д'Аршіакъ тотчасъ-же бросились было къ нему на помощь, но Александръ Сергѣевичъ остановилъ противника слѣдующими словами:

— Погодите... я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобъ сдѣлать свой выстрѣлъ.

Геккернъ возвратился на свое мѣсто, ставъ правымъ бокомъ впередъ и прикрывши грудь рукою. Данзасъ подалъ Пушкину другой пистолетъ, вмѣсто перваго, который при паденіи поэта забился снѣгомъ. Александръ Сергѣевичъ, твердо одолѣвая страданія, приподнялся, опираясь лѣвою рукою о землю и выстрѣлилъ, Геккернъ, раненный въ руку, упалъ. Пушкинъ отбросилъ свой пистолетъ въ сторону и воскликнулъ:

— Браво!

Дуэль происходила близъ Новой Деревни, въ рощѣ, за комендантскою дачею, неподалеку отъ дороги, ведущей въ имѣніе Коломяги.

Видя опасность раны Пушкина, оба секунданта обратили на него все свое вниманіе: посадили его въ сани и довезли до комендантской дачи, а оттуда въ каретѣ Данзасъ отвезъ поэта на его квартиру. Черезъ два дня величайшаго русскаго поэта не стало! *)

Первая дуэль поэта Лермонтова.

Поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, знаменитый русскій поэтъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, 16-го Февраля 1840 года пріѣхалъ въ Петербургъ и вечеромъ этого же дня былъ на балу у графини Лаваль, гдѣ и поссорился съ барономъ де-Барантомъ.

Поводомъ къ неудовольствію между ними послужило то, что де-Барантъ, объявилъ ему на балу, будто онъ, Лермонтовъ, говорилъ о немъ какой-то особѣ что-то вредящее его честному имени, требовалъ отъ него объясненія. Лермонтовъ сталъ миролюбиво увѣрять его, что слухи эти несправедливы. Однако, де-Барантъ не удовольствовался этимъ и упрекнулъ поэта въ дурномъ поступкѣ, назвавъ этотъ поступокъ „сплетнями“.

*) У Пушкина было четыре поединка. Три изъ нихъ окончились шуткою.—Всѣ четыре раза онъ стрѣлялся черезъ барьеръ. Всегда первый подходилъ быстро къ барьеру и выжидалъ выстрѣла противника.

Напримѣръ, Пушкинъ, будучи вызванъ въ Кишиневъ полковникомъ Старовымъ, стрѣлялся по обыкновенію черезъ барьеръ; противникъ далъ промахъ.

На это Михаилъ Юрьевичъ отвѣтилъ, что выговоровъ не принимаетъ, а поведеніе де-Баранта находитъ смѣшнымъ и дерзкимъ.

— Если-бъ я находился въ своемъ отечествѣ, возразилъ де-Барантъ,—то зналъ-бы какъ кончить это дѣло.

— Въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ-же строго, замѣтилъ Лермонтовъ,—какъ и вездѣ. Не безпокойтесь, русскіе меньше другихъ позволяютъ оскорблять себя безнаказанно.

Затѣмъ де-Барантъ вызвалъ его на дуэль, и они разстались.

18-го Февраля, въ 12 часовъ дня, Лермонтовъ и де-Барантъ съѣхались на Черной рѣчкѣ, по Парголовской дорогѣ, съ секундантами: со стороны Лермонтова—бывшій гусаръ Столыпинъ, со стороны де-Баранта—французскій подданный графъ Рауль д'Англесъ.

Выборъ оружія предоставленъ былъ де-Баранту, какъ считавшему себя обиженнымъ, и онъ выбралъ шпаги, привезенныя его секундантомъ. Но въ самомъ началѣ дуэли у шпаги Лермонтова переломился конецъ и Барантъ нанесъ ему въ грудь легкую рану, которая заключалась въ поверхностномъ только поврежденіи кожи. Послѣ этого, по предварительному условію, противники взяли пистолеты, привезенные секундантомъ Лермонтова и должны были стрѣлять вмѣстѣ посчету.

Пушкинъ подозвалъ его вплоть къ барьеру, на законное мѣсто, уставилъ въ него пистолетъ и спросилъ:

— Довольны ли вы теперь?

Полковникъ отвѣчалъ смутившись:

— Доволенъ.

Поэтъ опустилъ пистолетъ, снялъ шляпу и сказалъ улыбаясь:

— Полковникъ Старовъ, слава Богу, здоровъ!

Вообще хладнокровіе Пушкина къ смерти было изумительно.

Де-Барантъ сдѣлалъ промахъ, а Лермонтовъ, опоздавши выстрѣломъ, выстрѣлилъ уже въ сторону. Такимъ благопріятнымъ исходомъ окончилась дуэль и они тутъ же, на мѣстѣ поединка, помирились.

Несмотря на такой исходъ, слухъ о состоявшейся дуэли дошелъ до власти; было наряжено слѣдствіе и Лермонтовъ преданъ военному суду, который приговорилъ его: по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые. Но рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе; участь подсудимаго была повергнута на Всемилостивѣйшее воззрѣніе. 13 Апрѣля 1840 г. послѣдовала собственноручная Государя Императора конфирмація: „поручика Лермонтова перевести въ тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ".

Во время производства суда, Лермонтовъ узналъ, что баронъ де-Барантъ распускаетъ слухи о томъ, что будто бы онъ, Лермонтовъ, дѣлаетъ несправедливое показаніе о выстрѣлѣ въ сторону. Михаилъ Юрьевичъ пригласилъ де-Баранта черезъ графа Браницкаго къ себѣ на арсенальную гауптвахту, на которой содержался до резолюціи суда, 22 Марта вечеромъ, и вышедши къ нему безъ разрѣшенія караульнаго офицера, предложилъ ему *снова съ нимъ стрѣляться*.

Однако, де-Барантъ вызова не принялъ.

Вторая дуэль Лермонтова.

Причины второй и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдней дуэли Лермонтова почти не выяснены. Обладая заносчивымъ

и насмѣшливымъ характеромъ, онъ довелъ своими злыми шутками и глумленіями уважавшаго его Мартынова до того, что тотъ вынужденъ былъ вызвать его на поединокъ, на которомъ безвременно и погибъ, въ разцвѣтѣ своего громаднаго таланта, могучій поэтъ, едва достигшій 27-лѣтняго возраста. Что Лермонтовъ не щадилъ свою жизнь, краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказываетъ та легкомысленность, съ которою онъ возбуждалъ непримиримыя ссоры, въ большинствѣ изъ-за пустяковъ, отвѣчая за нихъ постоянно готовностью стать у барьера.

Лермонтовъ съ маіоромъ Мартыновымъ былъ въ товарищескихъ отношеніяхъ, однако, не упускалъ ни одного случая, когда бы онъ могъ сказать ему что-либо язвительное, насмѣшливое, естественнымъ образомъ для Мартынова непріятное. Впрочемъ, досаждая его своими колкостями и остротами, Лермонтовъ никогда не касался его чести.

Мартыновъ, какъ могъ, показывалъ Михаилу Юрьевичу, что не намѣренъ служить мишенью для его шутокъ, но Лермонтовъ дѣлалъ видъ, какъ будто, не замѣчалъ этого.

Недѣли за три до дуэли, Мартыновъ былъ у Лермонтова, во время его болѣзни, и упрашивалъ его перестать надъ нимъ насмѣхаться. Поэтъ, отшучиваясь, не обѣщалъ отстать отъ своей манеры по отношенію къ товарищу, а предлагалъ ему въ свою очередь смѣяться надъ нимъ. Однако, въ продолженіи нѣсколькихъ дней Лермонтовъ сдерживался, но потомъ снова принялся за прежнее.

На вечерѣ у генеральши М. Верзилиной 13-го Іюля 1841 года, Лермонтовъ такъ досаждалъ Мартынову,

привязываясь къ каждому его слову, что вывелъ наконецъ его изъ терпѣнія. Мартыновъ рѣшилъ положить этому конецъ. При выходѣ отъ Верзилиной, онъ удержалъ Михаила Юрьевича за руку и пошелъ съ нимъ рядомъ. Тутъ онъ заявилъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти несносныя шутки и теперь предупреждаетъ, что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его объектомъ для своихъ остротъ, то онъ, Мартыновъ, будетъ вынужденъ заставить его замолчать.

Лермонтовъ перебилъ его, сказавъ, что тонъ этой проповѣди ему не нравится, что никто не смѣетъ запретить ему говорить о Мартыновѣ то, что онъ хочетъ, и въ заключеніе прибавилъ:

— Вмѣсто пустыхъ угрозъ ты гораздо лучше-бы сдѣлалъ, если-бъ дѣйствовалъ. Ты знаешь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно этимъ не испугаешь.

Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришлетъ къ нему своего секунданта.

Дѣло происходило на Кавказѣ, въ Пятигорскѣ. Дуэль назначена была 15-го Іюля, въ 6½ часовъ вечера, у подошвы горы Машука, неподалеку отъ горы Бештау. Секундантами были: со стороны Лермонтова—кн. Васильчиковъ, а со стороны Мартынова—корнетъ Глѣбовъ. Мартыновъ на мѣсто поединка поѣхалъ верхомъ, его секундантъ Глѣбовъ на бѣговыхъ дрожкахъ; за ними слѣдовали Лермонтовъ и Васильчиковъ также верхами.

Дуэль назначена была на пистолетахъ, на разстояніи 15 шаговъ, но отъ барьера въ каждую сторону отмѣрено было еще по 10 шаговъ, гдѣ противники должны были первоначально стать. Особаго права на

первый выстрѣлъ, по предварительному условію, никому изъ нихъ не дано, каждый могъ стрѣлять или стоя на мѣстѣ или подойдя къ барьеру. Когда они стали на крайнихъ точкахъ, отмѣченнаго между ними разстоянія, то одинъ изъ секундантовъ подалъ знакъ рукою. Противники подошли къ барьеру и остановились. Первымъ успѣлъ выстрѣлить Мартыновъ. Лермонтовъ получилъ рану въ правый бокъ на вылетъ, отъ которой мгновенно умеръ, не сдѣлавъ своего выстрѣла.

Секунданты—кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ, всѣми силами старались достигнуть примиренія противниковъ, но такъ какъ они не могли ничего сказать Мартынову отъ имени Лермонтова, то дуэль и состоялась, имѣвшая такія печальныя послѣдствія.

Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, признавая подсудимыхъ (Мартынова, Глѣбова и кн. Васильчикова) виновными, смягчилъ приговоръ военнаго суда, постановившаго „лишить подсудимыхъ чиновъ и правъ состоянія". Такъ: Мартынова, лишивъ чиновъ и ордена, выписать въ солдаты до выслуги, а кн. Васильчикова и Глѣбова выдержать въ крѣпости на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ и, кромѣ того, послѣдняго перевести изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ.

Государь императоръ Николай Павловичъ, разсмотрѣвъ это дѣло 3-го Января 1842 г. положилъ слѣдующую резолюцію: „маіора Мартынова посадить въ кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца и предать церковному покаянію. Титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго во вниманіе къ заслугамъ отца, а второго по уваженію полученной тяжелой раны".

Лермонтовъ первоначально былъ похороненъ въ

Пятигорскѣ на мѣстномъ кладбищѣ, но черезъ годъ прахъ его былъ перевезенъ въ село Тарханы, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, и положенъ рядомъ съ матерью въ особой часовнѣ...

Двойная дуэль графа Заводовскаго и Грибоѣдова.

Танцовщица Истомина была предметомъ заботливыхъ ухаживаній гвардейскаго офицера Василія Александровича Шереметева.

Но она также нравилась и извѣстному bon vivant двадцатыхъ годовъ, графу Александру Петровичу Заводовскому, тоже гвардейскому офицеру.

Дружившій съ нимъ поэтъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, знаменитый творецъ „Горя отъ ума", взялся познакомить Заводовскаго съ Истоминой, которую зналъ хорошо, часто посѣщая сцену въ качествѣ драматурга и пріятеля всесильнаго за кулисами князя А. А. Шаховскаго.

Дѣйствительно, Истомина посѣтила по просьбѣ Грибоѣдова, богатый домъ графа Заводовскаго, съ которымъ жилъ вмѣстѣ Грибоѣдовъ.

Этотъ незначительный визитъ балерины къ графу возбудилъ подозрѣніе въ ревнивомъ Шереметевѣ, который, почтя себя обиженнымъ, отправилъ къ Заводовскому въ качествѣ секунданта своего пріятеля Але-

ксандра Ивановича Якубовича, игравшаго впослѣдствіи не маловажную роль въ бунтѣ декабристовъ. Якубовичъ слылъ за забіяку и носилъ прозвище „сорвиголовы“.

Якубовичъ передалъ Заводовскому письмо, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Третьяго дня Истомина по приглашенію Грибоѣдова, пила у васъ чай и очень поздно возвратилась домой. Мнѣ это не нравится, а потому, не угодно ли вамъ будетъ сообщить, гдѣ и когда и на чемъ согласны вы дать мнѣ должное удовлетвореніе“.

— Я властенъ приглашать къ себѣ въ гости кого мнѣ угодно, отвѣтилъ Заводовскій Якубовичу, прочтя письмо Шереметева.—Такъ и передайте вашему другу.

— Безспорно властны, но вѣдь вамъ извѣстны были отношенія Шереметева къ Истоминой?

— Мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла. Я знаю только, что онъ ей ни братъ, ни мужъ, ни опекунъ.

— Совершенно справедливо. Однако это не отвѣтъ на его письмо?

— Скажите, что я съ нимъ стрѣляться не намѣренъ изъ-за танцовщицы. Если-бы Истомина была женою, сестрою или дочерью Шереметева,—тогда дѣло святое! Я принялъ-бы его вызовъ, но изъ-за сожительницъ дерутся только пьяные солдаты и деньщики, а мы офицеры—дворяне: намъ стыдно подражать хамовымъ отродьямъ.

— Я попросилъ-бы васъ, графъ, дать письменный отвѣтъ.

— Извольте.

Заводовскій на почтовомъ листкѣ бумаги написалъ „за Истомину я не дерусь“ и отдалъ его Якубовичу для передачи Шереметеву.

Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени является къ Грибоѣдову гусарскій поручикъ П. Н. Каверинъ, впослѣдствіи воспѣтый Пушкинымъ, какъ шалунъ, волокита и bon vivant, все свое время расходовавшій на театры, рестораны и гауптвахты. Онъ привезъ письмо отъ Якубовича, который писалъ: „Грибоѣдовъ! Пригласивъ къ себѣ Истомину, ты жестоко оскорбилъ Василія Александровича, а я, какъ другъ его, не могу относиться къ этому равнодушно. Каверинъ—мой секундантъ: уговорись съ нимъ: или пріискавъ себѣ таковаго-же, назначь самъ: когда, гдѣ и на чемъ".

Грибоѣдовъ принялъ вызовъ.

Неугомонный Шереметевъ, при встрѣчѣ съ гр. Заводовскимъ, спросилъ его:

— Если изъ-за Истоминой вы не хотите драться находя причину дуэли слишкомъ ничтожной, то, позвольте спросить, что можетъ принудить васъ дать мнѣ удовлетвореніе?

— Да вотъ, напримѣръ, вызовите меня на дерзость, а потомъ присылайте секунданта. Это будетъ хотя и мальчишество, но ваша танцовщица останется въ сторонѣ.

— Хорошо-съ! Я пріищу благовидный поводъ къ дуэли!

Вскорѣ, дѣйствительно, гдѣ-то въ публичномъ мѣстѣ, Шереметевъ вывелъ гр. Заводовскаго на дерзость. Послѣдній выплеснулъ мороженое изъ чашки въ лицо перваго.

Въ тотъ-же день у Заводовскаго были Якубовичъ и Каверинъ.

Якубовичъ объявилъ:

— Завтра въ шесть часовъ утра, на Волковомъ

полѣ; пистолеты, дистанція—восемнадцать шаговъ, барьеръ—шесть.

— Согласенъ!

Каверинъ предложилъ Грибоѣдову выразить свои условія.

— Мои условія тождественны съ условіями дуэли Шереметева съ Заводовскимъ.

Секундантомъ у Грибоѣдова былъ докторъ правъ Богданъ Ивановичъ Іонъ, бывшій его наставникъ въ Москвѣ, почтенный старикъ, серьезный, степенный, но старый „буршъ“ Іенскаго университета.

Дѣло происходило въ Ноябрѣ 1818 г.

На мѣсто дуэли съѣхались двѣ кареты. Въ одной—Шереметевъ, Якубовичъ и Каверинъ, въ другой—графъ Заводовскій, Грибоѣдовъ и Іонъ.

— Первый поединокъ, началъ Якубовичъ оффиціальнымъ тономъ—между Шереметевымъ и Заводовскимъ. Секунданты: я и Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Второй поединокъ между нами, т. е. между мною и Грибоѣдовымъ; секунданты: Каверинъ и Іонъ. Условія обоихъ поединковъ одинаковы. Согласны-ли начать господа?

Отсчитали восемнадцать шаговъ, по серединѣ воткнули саблю. .

Ступивъ два шага, Шереметевъ выстрѣлилъ. Пуля, просвиставъ вершка на три отъ уха Заводовскаго, погнула мѣдную оковку эполета и вырвала клокъ сукна изъ воротника его сюртука.

— Ага! онъ до моей жизни добирался!.. Къ барьеру! крикнулъ Заводовскій и страшное выраженіе его лица не предвѣщало пощады Шереметеву.

Секунданты стали было просить графа о великодушіи. Заводовскій разомъ смирился.

— Пусть становится на барьеръ, сказалъ онъ спокойно,—я его даже не оцарапаю...

Секунданты отошли: Шереметевъ твердо стоялъ у сабли Якубовича, воткнутой въ землю, устремивъ на графа взглядъ полный ненависти и бѣшенства. Заводовскій съ добродушною улыбкою, указывая ему на свой воротникъ, качалъ головой, какъ дядька шаловливому ребенку.

— Полноте гримасничать! задорно воскликнулъ Шереметевъ.—Великодушіемъ меня не разжалобите... Стрѣляйте! иначе я убью васъ безъ всякой дуэли, при первой-же встрѣчѣ.

Заводовскій спустилъ курокъ, сверкнулъ выстрѣлъ и Шереметевъ, бросивъ пистолетъ съ отчаяннымъ воплемъ схватился обѣими руками за грудь и рухнулъ на землю, сперва ничкомъ, потомъ откинулся навзничь.

— Что-же, сказалъ мрачно Грибоѣдовъ Якубовичу,—теперь наша съ вами очередь?

— Нѣтъ, нѣтъ, торопливо отвѣтилъ тотъ.—Отложимъ до времени нашу дуэль. Теперь же я долженъ позаботиться объ умирающемъ.

Шереметевъ скончался на третій день.

Отецъ Шереметева, правдивый и честный, лично явился къ императору Александру Павловичу и выяснилъ ему дѣло. Онъ засвидѣтельствовалъ, что покойный его сынъ былъ вообще человѣкъ сварливый, взбалмошный и запальчивый: что подстрекаемый Якубовичемъ, онъ искалъ ссоры съ графомъ Заводовскимъ и принудилъ послѣдняго принять вызовъ. Эти показанія много способствовали смягченію участи подсудимыхъ: графъ былъ только уволенъ изъ полка и высланъ за границу; Каверинъ высидѣлъ трое сутокъ на гаупт-

4*

вахтѣ; Грибоѣдову даже не сдѣлали выговора. Болѣе всѣхъ досталось Якубовичу. Его перевели въ нижегородскій драгунскій полкъ и послали на Кавказъ.

Черезъ пять мѣсяцевъ Грибоѣдовъ встрѣтился съ Якубовичемъ въ Тифлисѣ.

Первой фразой послѣдняго была:

— Не покончить ли намъ старые наши счеты?

— Пожалуй,—отвѣтилъ Грибоѣдовъ,- но надѣюсь, что исходъ нашей дуэли будетъ благополучнѣе?

— Разумѣется.

Пріискавъ себѣ сейчасъ же секундантовъ, противники, весело болтая и смѣясь всю дорогу, вышли за городъ. Выбрали удобное мѣсто и расположились на обусловленной дистанціи.

Первымъ, по жребію, стрѣлялъ Грибоѣдовъ — аршина на два въ сторону отъ Якубовича.

— Шалишь, дружище, — засмѣялся Якубовичъ, — это великодушно, но неучтиво: хоть бы слегка оцарапалъ. Дуэль такъ дуэль! Незачѣмъ понапрасну жечь порохъ... Ты, вотъ, музыкантъ, любитель играть на фортепіано—ну, больше играть не будешь!

Якубовичъ выстрѣлилъ въ ладонь лѣвой руки Грибоѣдова: пуля скользнула, поранивъ мускулъ и свела мизинецъ.

Дуэль Новосильцева.

Блестящій флигель-адъютантъ Владиміръ Дмитріевичъ Новосильцевъ сдѣлалъ предложеніе дочери небогатаго дворянина Маріи Пахомовнѣ Черновой. Они

другъ другу понравились и любовь ихъ казалась имъ прочной. Была назначена уже въ январѣ 1825 года свадьба, которой, однако, помѣшала знатная и богатая Екатерина Владиміровна Новосильцева, мать жениха. Она не могла примириться съ женитьбою аристократа-сына на какой-то безвѣстной дѣвушкѣ „средняго круга“.

Будучи безхарактернымъ, Новосильцевъ по настоянію матери, отказался отъ даннаго имъ слова невѣстѣ черезъ брата послѣдней, офицера семеновскаго полка Николая Пахомовича Чернова.

— Когда вы сватались,—отвѣтилъ Черновъ на отказъ жениха, — мы были увѣрены, что вы уже совершеннолѣтній и правоспособный. Но что дѣлать? Нельзя не повиноваться маменькѣ... Вы, конечно, свободны отъ даннаго вами слова!

Новосильцевъ молча поклонился.

— Само собою разумѣется,—продолжалъ Черновъ,— что послѣ вашего отказа вы уже никогда не будете у насъ въ домѣ.

— Ну, конечно...

— Этимъ вы выполните долгъ благовоспитаннаго человѣка. А другой долгъ человѣка честнаго требуетъ отъ васъ, чтобы вы избавили сестру мою отъ вашихъ поклоновъ и, по возможности, даже встрѣчъ... Этимъ я васъ предупреждаю, что если когда либо, гдѣ либо вы позволите себѣ сказать хоть одно слово моей сестрѣ, я назову васъ человѣкомъ не заслуживающимъ имени честнаго офицера. Повѣрьте, что я такъ же умѣю уважать честь нашей фамиліи, какъ вы умѣете уважать мнѣніе вашей матушки.

Разговоръ этотъ происходилъ Великимъ постомъ.

Новосильцевъ пообѣщалъ избѣгать встрѣчъ съ красавицей Черновой и до Пасхи ее не видѣлъ, пока не столкнулся съ ней случайно въ Лѣтнемъ саду. Однако раскланяться онъ не рѣшился.

5-го сентября, въ день тезоименитства Императрицы Елизаветы Алексѣевны, въ дворянскомъ собраніи данъ былъ великолѣпный балъ, на который съѣхался весь бо-мондъ и гвардія.

Во время танцевъ Новосильцевъ замѣтилъ между изящными дамами m-lle Чернову и вновь въ его сердцѣ проснулись прежнія чувства. Но только онъ не смѣлъ къ ней подойти, а тѣмъ болѣе разговаривать. Во время мазурки съ фигурами къ Новосильцеву подходитъ статскій кавалеръ съ двумя дамами. Одна изъ нихъ была Чернова.

Новосильцевъ приподнялся съ мѣста.

— Забвеніе или раскаяніе?—спросилъ незнакомецъ.

Влидиміръ Дмитріевичъ смутился. Отъ этого выбора зависѣло многое.

— Раскаяніе, отвѣтилъ онъ.

Чернова подала ему руку, которая замѣтно дрожала. Они сдѣлали одинъ туръ. Марья Пахомовна шепнула „довольно“ и сѣла. Новосильцевъ сталъ за ея стуломъ, и. придерживаясь за спинку, только-что хотѣлъ начать разговоръ, какъ чья-то тяжелая рука опустилась на его эполетъ. Онъ обернулся — передъ нимъ стоялъ Николай Пахомовичъ Черновъ.

— На два слова! — шепнулъ онъ Новосильцеву и повелъ его за собою въ одну изъ боковыхъ комнатъ.— Вы помните условія, на которыхъ я простилъ вамъ вашъ отказъ отъ руки моей сестры?

Новосильцевъ потупился и пробормоталъ:

— Балъ имѣетъ свои условія, основанныя на законахъ приличія.

— И я ихъ соблюдаю, и не говорю вамъ подлеца— вслухъ!.. Завтра у васъ будетъ мой родственникъ Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ — благоволите передать ему: гдѣ, когда и на чемъ?

— Къ вашимъ услугамъ!

Дуэль состоялась въ шесть часовъ утра, 14-го сентября 1825 г., возлѣ Выборгскаго шоссе, въ мѣстности, нынѣ извѣстной подъ названіемъ „Лѣсное". Въ то время вся площадь, занимаемая теперь густонаселенными Озерками, Удѣльнымъ, Лѣснымъ, была покрыта сплошнымъ лѣсомъ и вообще представляла дикую окраину столицы. На мѣстѣ нынѣшней „Новосильцевской церкви" стояла грязная, чухонская корчма, крытая соломою.

Дуэль происходила на пистолетахъ. Выстрѣлы по сигналу одновременны.

Противники сошлись, по сигналу секунданта Рылѣева, (извѣстнаго поэта, погибшаго на висѣлицѣ за декабрьскій бунтъ), на близкое разстояніе и стрѣляли другъ въ друга почти въ упоръ.

Кромѣ Рылѣева секундантами были — извѣстный декабристъ Пестель и Николай Пражецкій.

Черновъ былъ убитъ наповалъ. Пуля Новосильцева пробила ему лѣвый високъ.

Новосильцевъ прожилъ нѣсколько часовъ. Его перенесли въ корчму—онъ въ ней и умеръ.

Эта дуэль была послѣднею въ царствованіе Александра Павловича, и самою выдающеюся по тому шуму, который она произвела во всѣхъ обществахъ Петербурга.

Въ 1838 году мать Новосильцева на мѣстѣ корчмы соорудила церковь во имя св. Владиміра и богадѣльню. Такимъ образомъ, это благотворительное учрежденіе своимъ существованіемъ обязано печальному происшествію.

Деревянный домъ, гдѣ была харчевня, въ которой умеръ Новосильцевъ, перенесенъ былъ въ садъ богадѣльни Орлова-Новосильцева и цѣлъ до сихъ поръ.

Мѣсто этой знаменитой дуэли отмѣчено. Оно находится при самомъ входѣ въ паркъ Лѣсного корпуса. Два круглыхъ гранитныхъ камня, вродѣ жерноговъ, разставлены на дистанціи, которую занимали противники во время поединка.

Утверждали, что ненависть къ Новосильцеву въ семьѣ Черновыхъ была такъ велика, что старикъ Черновъ, благословляя сына Николая отомстить Владиміру Дмитріевичу, сказалъ ему:

— Если ты будешь убитъ, то слѣдующій по старшинству братъ твой будетъ стрѣляться съ Новосильцевымъ, если онъ будетъ убитъ—пойдетъ третій и т. д. до самаго младшаго, пятаго. Падетъ послѣдній — я самъ пойду: умру, или отомщу за всѣхъ васъ!..

Дуэль Жохова съ Утинымъ.

Дуэль Жохова съ Утинымъ въ свое время возбуждала большіе толки въ обществѣ, главнымъ образомъ потому, что дѣйствующими въ ней лицами были литераторы.

Титулярный совѣтникъ Александръ Θедоровичъ Жоховъ принадлежалъ къ числу постоянныхъ сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", въ лучшую пору ихъ существованія, т. е. въ періодъ издательства В. Θ. Корша.

За недѣлю до поединка Жоховъ прислалъ присяжному повѣренному Евг. И. Утину письмо, въ которомъ требовалъ объясненія по поводу распространяемыхъ будто-бы Утинымъ неблагопріятныхъ слуховъ объ участіи своими статьями его, Жохова, въ исходѣ дѣла Гончарова, судившагося за распространеніе прокламацій.

Фактическая сторона дѣла впослѣдствіи была подтверждена. Оказывалось, что, дѣйствительно, присяжный повѣренный Утинъ обвинялъ Жохова въ неправильныхъ воззрѣніяхъ на дѣло Гончарова.

Дуэль происходила 14-го мая 1872 года утромъ, въ Лѣсномъ участкѣ Беклешова, близъ Большой Муринской дороги.

Секундантами были: со стороны Утина—присяжные повѣренные С. Неклюдовъ и Викторъ Петровичъ Буренинъ; со стороны Жохова—кандидатъ московскаго университета Эрнестъ Ватсонъ и Валентинъ де-Роберти. Всѣ эти лица были причастны къ литературѣ, также какъ и противники.

Дуэль имѣла неблагопріятный исходъ для Жохова, сдѣлавшаго вызовъ. Онъ раненъ былъ въ лобъ и скончался 21-го мая того же года въ Петропавловской больницѣ. По медицинскому освидѣтельствованію найдено, что смерть Жохова послѣдовала отъ огнестрѣльной раны, которая, проходя въ срединѣ лба, поразила лѣвую половину мозга.

Участниковъ дуэли судили: Утинъ былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на пять мѣсяцевъ, а секунданты оправданы.

Первая дуэль въ Сибири.

Между проживавшими въ г. Иркутскѣ коллежскимъ совѣтникомъ Федоромъ Андреевичемъ Беклемишевымъ и коллежскимъ ассесоромъ Неклюдовымъ существовали непріязненныя отношенія, разразившіяся 13-го апрѣля 1859 года крупнымъ скандаломъ.

До слуха Неклюдова дошло, что послѣ заутрени 12-го апрѣля, Беклемишевъ назвалъ его воромъ въ залѣ, гдѣ всѣ разговлялись у графа генералъ-губернатора Муравьева-Амурскаго.

На другой день Неклюдовъ отправился къ Беклемишеву и, встрѣтясь съ нимъ въ передней, сталъ требовать отъ него объясненій по поводу распускаемой имъ клеветы. Будучи взволнованнымъ, онъ толкнулъ Беклемишева, за котораго вступилась прислуга и нанесла побои Неклюдову. Съ прислугою-же Неклюдовъ былъ отправленъ къ полиціймейстеру и посаженъ подъ арестъ, изъ-подъ котораго впрочемъ, былъ вскорѣ выпущенъ по желанію Беклемишева.

Неклюдова освободили и сейчасъ-же къ нему пріѣхалъ секундантъ Беклемишева—Федоръ Александровичъ Анненковъ, предложившій такія условія поединка: стрѣляться 14-го апрѣля, въ 5 часовъ утра, на пи-

столетахъ, на дистанціи 10 шаговъ, съ одновременными выстрѣлами по командѣ секундантовъ.

Неклюдовъ просилъ отложить дуэль до 6 часовъ вечера того-же 14 числа и измѣнить условія, а именно: драться на 20 шагахъ съ тѣмъ, чтобы выстрѣлы были не вдругъ, а по очереди, и чтобы въ случаѣ промаха, дуэль окончилась. На это согласіе не послѣдовало; въ такомъ случаѣ Неклюдовъ просилъ отсрочить дуэль до пріисканія себѣ секунданта.

Вѣсть о предстоящей дуэли быстро облетѣла весь городъ и никто не силился ее предотвратить. Напротивъ, всѣ съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдили за исходомъ дѣла. Вѣдь это былъ первый поединокъ сибирскаго края, на который, можетъ быть, смотрѣли какъ на культуру крайняго востока.

Нашелся надворный совѣтникъ Меѳодій Мироновичъ Молчановъ, который самъ напросился въ секунданты къ Неклюдову.

Иркутскій исправникъ Гурьевъ, опасаясь за внезапный отъѣздъ Неклюдова изъ Иркутска, наканунѣ дуэли два раза заѣзжалъ къ почтъ-содержателю и просилъ его, когда Неклюдовъ пришлетъ подорожную за лошадьми для себя, то въ то-же время послать ему, Гурьеву, двѣ тройки вольныхъ лошадей.

Во второй разъ онъ былъ вмѣстѣ съ Анненковымъ и просилъ, что когда Неклюдову будутъ даны лошади, то приказать ямщику, чтобы везъ тише и чаще останавливался дорогою и чтобъ ямщикъ вынулъ изъ задней оси чеку...

Однако, опасенія исправника Гурьева, почему-то слишкомъ усердствовавшаго въ этомъ тяжеломъ проис-

шествіи, были излишни. Неклюдовъ былъ далекъ отъ трусости и не думалъ о побѣгѣ.

Наконецъ, въ 7 часовъ утра 15-го Апрѣля дуэль состоялась.

Неклюдовъ былъ убитъ.

Многія подробности этого дѣла впослѣдствіи возбудили въ мѣстномъ обществѣ сомнѣніе на счетъ правильности дуэли. Возникъ вопросъ: палъ-ли Неклюдовъ отъ измѣннической руки убійцы, прикрывшагося одною дуэльною обстановкою, или-же былъ убитъ на правильномъ поединкѣ.

1-го Сентября 1859 года трупъ Неклюдова вырывали изъ земли и подвергали его анатомическому изслѣдованію.

Правительствующій Сенатъ разсмотрѣвъ дѣло по Высочайшему повелѣнію, пришелъ къ заключенію, что поединокъ Неклюдова съ Беклемишевымъ имѣлъ мѣсто по всѣмъ правиламъ, при поединкахъ обыкновенно соблюдаемымъ, съ совершеннымъ уравненіемъ дуэльныхъ случайностей и безъ всякаго измѣнническаго противъ Неклюдова съ чьей-либо стороны дѣйствія.

Такимъ образомъ, окончательно отстранена наброшенная на замѣшанныхъ въ дѣлѣ лицъ неблаговидная тѣнь обдуманнаго и заранѣе условленнаго покушенія скопомъ на жизнь одного почти беззащитнаго человѣка.

Однако Беклемишевъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 3 года; Анненковъ и Гурьевъ—въ крѣпости-же на 9 мѣсяцевъ, а Молчановъ—на 6.

РУССКІЕ ЛГУНЫ.

Любителей лжи, но не такой, которая „бываетъ во спасеніе“ и является, слѣдовательно, вынужденной,—а лжи, являющейся результатомъ плодотворной фантазіи, на Руси было и есть не мало, хотя немногіе изъ нихъ пріобрѣли популярность. Однако, въ памяти сохраняются имена нѣсколькихъ такихъ, которые могутъ быть приравнены къ знаменитому сказочному барону Мюнгаузену, лживому разсказчику, занимающему почетное мѣсто въ дѣтской литературѣ чуть ли ни всей Европы. Имя Мюнгаузена сыздавна сдѣлалось нарицательнымъ синонимомъ; этимъ именемъ называютъ всѣхъ лгуновъ, хотя въ сущности его имѣютъ право носить только такіе, если можно такъ выразиться, профессіональные лгуны, какъ нижеперечисленные.

Они обладали чрезвычайно богатой фантазіей и несомнѣннымъ талантомъ, который, какъ оказывается, потребенъ даже для хорошей, занимательной лжи.

Лживый разсказъ — творчество мудреное. Ложь должна захватывать слушателя и возбуждать его не менѣе правды, хотя въ то же время вызывать обратныя ощущенія. Она должна быть яркой, красивой,

чтобы не пройти не замѣченной, а это уже—если не искусство, то во всякомъ случаѣ сложное мастерство.

Н. Х. Рыбаковъ.

Знаменитаго трагика, сперва провинціальной, потомъ московской сцены, Николая Хрисанфовича Рыбакова называли „классическимъ лгуномъ“. Про него существуетъ такая масса анекдотовъ, что если-бы всѣ ихъ собрать да напечатать, то вышла бы объемистая книга, по своему содержанію нисколько не уступившая бы „сочиненіямъ“ барона Мюнгаузена.

Отличаясь безпредѣльною добротою, общительностью, выдающимся талантомъ и глубокимъ уваженіемъ къ искусству, Рыбаковъ снискалъ себѣ нелицемѣрную любовь среди всѣхъ его знавшихъ.

Въ свое время онъ былъ типичнымъ представителемъ театральной богемы, тогда мало распространенной и поэтому казавшейся слишкомъ рельефнымъ явленіемъ въ общественной жизни. Онъ былъ способенъ раздать все до послѣдней копейки и, оставшись ни съ чѣмъ, отправиться по образу пѣшаго хожденія изъ одного города въ другой, причемъ разстояніе не могло его смутить, будетъ ли то десять верстъ или тысяча — это все равно.

Такія прогулки не были для него рѣдкостью, особенно въ молодости. Покойный драматургъ А. Н. Островскій, рисуя типъ провинціальнаго пѣшаго тра-

гика Несчастливцева въ своей несравненной комедiи „Лѣсъ“, имѣлъ въ виду изобразить другого не менѣе извѣстнаго въ провинцiи актера Горева-Тарасенкова, всю жизнь пропутешествовавшаго, точно по обѣщанiю, изъ города въ городъ пѣшкомъ,—но на самомъ дѣлѣ далъ образъ именно симпатичнаго Николая Хрисанфовича. Въ особенности въ Несчастливцевѣ напоминаетъ намъ много Рыбакова сердечность, участливость, безкорыстiе и доброта, все то, чѣмъ такъ избыточно былъ одаренъ случайный оригиналъ замѣчательной копiи.

Его страсть къ вранью была положительно непонятной и безпричинною. Вралъ онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не гоняясь ни за довѣрiемъ слушателей, ни за эффектами, которыми непремѣнно должны бы завершаться всѣ изъ ряда вонъ выходящiе его разсказы. Его вранье было всегда безобидно, безкорыстно и отнюдь не касалось личностей, это безусловное достоинство. Но нельзя сказать и того, что свою завѣдомую ерунду онъ создавалъ исключительно для забавы слушателей, — почти всѣмъ своимъ фантастическимъ росказнямъ онъ прежде всего вѣрилъ самъ безусловно и полагалъ, по простотѣ своей души, что и слушатели вѣрятъ ему безусловно. Онъ любилъ иногда выставить себя героемъ или такимъ бывалымъ человѣкомъ, которому извѣстны всевозможныя диковины и чудеса. Николай Хрисанфовичъ былъ необыкновенно богатъ воображенiемъ, почему репертуаръ его разсказовъ былъ чрезвычайно обширенъ и заключалъ въ себѣ до того удивительные факты, часто противорѣчившiе одинъ другому, что когда кто-нибудь вздумаетъ, бывало, послѣ даже непродолжитель-

наго времени, разсказать ему его же анекдотическій случай, онъ безапелляціоннымъ тономъ говорилъ:

— Ерунда, этого быть не могло!

— Да вы же сами это на прошлой недѣлѣ разсказывали,—ловилъ его на словѣ собесѣдникъ.

— Врешь! Я никогда такой глупости не скажу... Это только ты съ своимъ дурацкимъ понятіемъ можешь такую чушь сочинить. А если ты хочешь знать сущую правду, похожую на твою ерунду, такъ я тебѣ сейчасъ разскажу одинъ фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ лѣтъ десять тому назадъ.

И приведетъ экспромтомъ что нибудь такое несообразное съ здравымъ смысломъ, такъ что первый анекдотъ, переданный собесѣдникомъ и раскритикованный имъ самимъ, блѣднѣлъ передъ этимъ и казался совершенно невиннымъ. Сомнѣвающихся Рыбаковъ не любилъ и, если кто позволялъ себѣ по неопытности выразить ему свое недовѣріе, то онъ безъ всякаго разсужденія называлъ его „дуракомъ". На этомъ обыкновенно бесѣда временно и прерывалась, къ глубокому неудовольствію словоохотливаго разсказчика.

Вотъ примѣры его разсказовъ, которые обыкновенно импровизировались имъ во время гримировки.

— Когда служилъ я въ Кіевѣ и посѣщалъ Лысую гору, познакомилась со мной одна молоденькая вѣдьма. Мы съ ней больше по любопытству сошлись: она объ актерахъ не имѣла понятія, а я ихъ сестру не могъ себѣ уяснить. Ну ладно, ходимъ, значитъ, на свиданія и разные разговоры разговариваемъ. Нашъ братъ актеръ пришелся ей, значитъ, по вкусу, а мнѣ она была безъ всякаго удовольствія, потому что съ хво-

стомъ и нечесанная. Чесанье имъ по ихнему закону запрещено. Ну, хорошо. Сезонъ театральный подходитъ къ концу, и мнѣ нужно было въ Москву на постъ ѣхать. А денегъ то у меня въ то время—ни одного франка. Прихожу я на Лысую гору, вызываю свою Углядку (это такъ знакомую вѣдьму звали) и говорю ей: „Пѣшкомъ идти въ Москву не хочется, занять денегъ не у кого,—не можешь ли ты у своего начальства малую толику добыть и меня ими подъ вѣрное обезпеченіе ссудить? Я тебѣ, говорю, свою библіотеку въ залогъ оставлю".

Она мнѣ въ отвѣтъ пропищала: „Денегъ мы не признаемъ и при себѣ ихъ не держимъ, но бѣсовскою властью обладаемъ, такъ что я могу тебя въ лучшемъ видѣ на даровщину въ Москву доставить". За это я выругался: „Какъ, говорю, ты смѣешь мнѣ предлагать на помелѣ ѣхать?"—Зачѣмъ на помелѣ, отвѣчаетъ, на какомъ угодно инструментѣ поѣзжай. Вотъ хошь на этомъ бревнѣ отправляйся". „Ну, на этомъ-то, пожалуй, говорю, можно, потому что оно все-таки больше солидности имѣетъ, чѣмъ помело". Уговорились мы съ ней учинить мои проводы на другой день.

На слѣдующее утро уложился я, взялъ чемоданъ подъ лѣвую руку, подъ правую на всякій случай зонтикъ захватилъ и отправился на условленное мѣсто къ бревну. Прихожу, а ужъ вѣдьма-то меня ждетъ съ творожными ватрушками, это она мнѣ ихъ полтораста штукъ на дорогу напекла. „Ну, говоритъ, садись да и улетай". Обхватилъ я бревно ногами, а она какія-то непонятныя три слова произнесла плюнула въ мою сторону,—я и взлетѣлъ. Летѣлъ, летѣлъ, летѣлъ—наконецъ, глядь, за что-то лѣвой ногой задѣлъ, огля-

нулся—Иванъ Великій. „Ну, теперь спускайся, приказываю я бревну, но только потихоньку“. Оно и спустилось, да неудачно — поперекъ Тверскаго бульвара расположилось, такъ что земли-то я никакъ не могъ достигнуть, пришлось на воздухѣ проболтаться всю ночь, пока утромъ меня оберъ-полиційместеръ изъ окна не увидалъ. Бревно-то было такъ велико, что черезъ весь бульваръ съ крыши на крышу перекинулось, какъ воздушный мостъ. Сбѣжались городовые и спасательные круги стали ко мнѣ бросать, но только никакъ не могли до меня докинуть. Пришлось имъ за пожарной лѣстницей сходить. Приволокли и приставили ее къ бревну. Я и полѣзъ по ней, но только дошелъ до половины, какъ хвать—лѣстница-то до земли сажени на три не достаетъ Что-жъ было дѣлать? „Растопырьте, братцы, говорю городовымъ, руки—я спрыгну“. Ну, и спрыгнулъ. Повели меня къ полиціймейстеру. „Что ты, говоритъ, за человѣкъ? И откуда, говоритъ, ты это бревно приволокъ?“ Нельзя-же обманывать полицію, я и признался, что по знакомству съ вѣдьмой на немъ съ Лысой горы въ Москву пріѣхалъ. И вышелъ чрезъ это вопіющій скандалъ: меня въ двадцать четыре часа изъ города вонъ выселили.

— Ну, тутъ-то вы, вѣроятно, проснулись? спросилъ кто-то съ улыбкой.

— Дуракъ! Чего лѣзешь, коли тебя не спрашиваютъ! закричалъ обидчиво Николай Хрисанфовичъ.

Въ другой разъ Рыбаковъ говорилъ:

— Для меня никакія плодородныя земли не диковина, потому что я видѣлъ такія удивительныя страны, какихъ вы себѣ и представить не можете. Напримѣръ, когда я былъ въ Олонецкой губерніи, то узналъ, что

существуетъ тамъ одинъ такой сверхъестественный уѣздъ, что стоитъ только на какомъ-нибудь полѣ его бросить хотя одну спичку, какъ черезъ годъ выростаетъ на этомъ полѣ цѣлый сосновый лѣсъ. Очень земля воспріимчива.

— Ну, это еще что! перебилъ его комикъ Глушковскій.—Я вотъ знаю одинъ изъ уѣздовъ Оренбургской губерніи, такъ много поинтереснѣе. Въ немъ отъ спички-то не лѣсъ выростаетъ, а прямо спичечная фабрика.

— Ну и託 дуракъ! рѣшилъ Рыбаковъ.

Какъ то передъ спектаклемъ разговорились актеры про казенные театры. Разговоръ былъ продолжительный и спорный.

— А отчего вы, Николай Хрисанфовичъ, не попробуете на Императорской сценѣ продебютировать? спросилъ Рыбакова кто-то.

— Я уже почти дебютировалъ, отвѣтилъ Рыбаковъ такимъ тономъ, послѣ котораго непремѣнно должно было слѣдовать вранье.

— Какъ такъ почти?

— А такъ. Донесъ кто-то великому князю Михаилу Павловичу, что существую я въ провинціи и всѣмъ трагикамъ носъ утираю. Вотъ онъ обрадовался и выписалъ меня въ Петербургъ. Пріѣзжаю я съ курьерскимъ и прямо во дворецъ. „А это ты,“ говоритъ великій князь. „Да, отвѣчаю, я“. „Вотъ молодецъ, говоритъ, что пріѣхалъ, а я думалъ что закапризничаешь“.

А я отвѣчаю: „Никогда ваше высочество, не капризничаю“!

Рыбаковъ перевелъ духъ и гордо произнесъ:

— Вотъ какой мнѣ пріемъ былъ, даже теперь слеза донимаетъ.

— Ну, а дальше то что? приставали къ разсказчику.

— Дальше то говоритъ Михаилъ Павловичъ: „Ты будешь служить у насъ, но долженъ предупредить тебя, что Каратыгинъ очень завистливъ и будетъ интриговать". А я отвѣчаю: „Ничего, если будетъ много шабаршить—побью". Потомъ и говоритъ: „Онъ будетъ стараться не допускать тебя до дебюта, ты какъ нибудь подкрѣпись и не пей до перваго выхода, а потомъ валяй, какъ тебѣ будетъ угодно". Я пообѣщалъ, пошелъ въ гостинницу, остановился въ ней и сталъ роль зубрить. Зубрилъ, зубрилъ, выпить страхъ захотѣлось, но я крѣплюсь. Вотъ пообѣдалъ и крѣплюсь. На другой день тоже крѣплюсь, а къ вечеру сталъ дьяволъ меня соблазнять.

— Какимъ образомъ?

— Вижу вдругъ я, въ печкѣ штофъ водки дрыгаетъ, то покажется, то опять вверхъ поднимется, и пищитъ какой то жиденькій голосишко: „Выпей, выпей, выпей". Крѣпился, крѣпился, не стерпѣлъ. Поймалъ этотъ штофъ и выпилъ. Приходятъ звать на репетицію, а я еле языкомъ шевелю; ну, конечно доложили Михаилу Павловичу. „Жаль, сказалъ онъ, Рыбакова, да ничего не подѣлаешь! а все это штуки Каратыгина". Меня отправили на казенный счетъ обратно въ провинцію, а Каратыгина за навожденіе на меня нечистой силы посадили на мѣсяцъ подъ арестъ... Вотъ такъ мое поступленіе и не состоялось...

Нужно ли прибавлять, какъ во время его разсказа присутствовавшіе еле удерживались отъ смѣха, чтобы

не разсердить Николая Хрисанфовича, не любившаго недовѣрія къ своимъ словамъ, и какимъ хохотомъ они разразились въ концѣ концовъ. На это Рыбаковъ воскликнулъ:

— Дурачье! Побывали бы въ моей шкурѣ, такъ не до смѣха бы вамъ было!

Знакомство Рыбакова съ извѣстнымъ антрепренеромъ Николаемъ Ивановичемъ Ивановымъ, прозваннымъ „палачемъ", состоялось при исключительныхъ обстоятельствахъ довольно оригинальнымъ образомъ.

Однажды, во время своего пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ивановъ заходитъ къ знакомому купцу, первому театралу въ городѣ, Останову (впослѣдствіи бросившему свою мучную торговлю и поступившему на сцену подъ именемъ Ярославцева) и застаетъ у него гостя съ типичной актерской физіономіей. Хозяинъ, по незнанію свѣтскихъ обычаевъ, не счелъ нужнымъ ихъ познакомить, такъ что они разговорились, не имѣя понятія другъ о другѣ. Разумѣется, разговоръ былъ по преимуществу театральный. Между прочимъ, къ слову, Ивановъ спросилъ Рыбакова:

— А Иванова вы знаете?

— Да какъ-же не знать? пробасилъ тотъ въ отвѣтъ и расхохотался, какъ-бы издѣваясь надъ наивностью вопроса. — Это мой закадычный другъ, самый старый пріятель.

— Вы, вѣроятно, у него служили когда-нибудь?

— Ну, еще бы! Сколько разъ! И теперь онъ со слезами меня умоляетъ идти къ нему, да я пока раздумываю.

Такая безпримѣрная ложь поставила Иванова втупикъ. Онъ не зналъ, кѣмъ представить себѣ своего не-

бывалаго друга, котораго будто-бы со слезами умолялъ идти къ нему служить—сумасшедшимъ или наглецомъ?

— Чего-же вы раздумываете? наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, спросилъ Ивановъ.

— На счетъ жалованья расходимся... А сами-то вы этого Иванова знаете?

— Знаю.

— А знаете-ли вы прошлогодній съ нимъ случай, свидѣтелемъ котораго я былъ самъ?

— Какой случай?

— При какихъ комическихъ обстоятельствахъ проѣзжій фокусникъ его на три дня усыпилъ?

— Нѣтъ, этого не знаю. Разскажите, пожалуйства.

— Пріѣзжаетъ фокусникъ въ Тверь и обращается къ Иванову съ просьбой уступить ему на одинъ вечеръ театръ. Ивановъ сдать театръ былъ не прочь, но заломилъ безобразную цѣну. Фокусникъ сталъ торговаться, а Ивановъ упрямится, и ни копѣйки не спускаетъ. Вотъ фокусникъ и говоритъ ему: „Ежели ты по моему не сдѣлаешь, то усыплю тебя на трое сутокъ и не будешь ты ни пить, ни ѣсть, ни свѣжаго воздуха нюхать“. А Ивановъ ему отвѣчаетъ, подставляя къ физіономіи кулакъ: „А не знаешь-ли ты, нѣмецкая кислота, чѣмъ этотъ параграфъ пахнетъ?! фокусникъ обозлился и пришелъ вечеромъ на спектакль. „Донъ-Жуанъ“ шелъ и Ивановъ въ немъ статую командора изображалъ. И какъ только взобрался командоръ на свой пьедесталъ, тутъ-то нѣмецъ что-то такое и сотворилъ. Ивановъ моментально въ величественной позѣ заснулъ да такъ трое сутокъ, какъ монументъ, и простоялъ.

— Ну, это вздоръ!

— Какъ вздоръ? Да я собственноручно всѣ три дня на пьедесталѣ его ощупывалъ.

— Со мной ничего подобнаго никогда не бывало, наконецъ рѣшился Ивановъ положить предѣлъ вранью.— И васъ никогда не имѣлъ чести знать. Позвольте представиться—я тотъ самый антрепренеръ Ивановъ, о которомъ вы только-что изволили разсказывать какія-то несообразности.

— Что? ты Ивановъ? нисколько не смутясь, воскликнулъ Николай Хрисанфовичъ. — А я Рыбаковъ. Очень радъ съ тобой познакомиться.

— Съ какой стати вы про меня разсказываете такую чепуху? Вѣдь это вранье!

— Дѣйствительно вранье, но только не про тебя оно, а про другого Иванова...

Однажды, сидя въ своей уборной, онъ разсказывалъ своимъ товарищамъ о своей службѣ на Кавказѣ:

— Служилъ это я, братцы мои во Владикавказѣ. Разъ это иду я по базару, вижу — видимо не видимо навалено мачтоваго лѣса. Что, думаю, за диковина! Откуда это на Кавказѣ мачтовый лѣсъ? Дай, подойду, спрошу. Подхожу ближе, и что же вы думаете? Оказывается это не лѣсъ, а кавказскій хрѣнъ.

— А терокъ, на которыхъ терли этотъ хрѣнъ, вы не видали, Николай Хрисанфовичъ? спросилъ суфлеръ

— Дуракъ! тебя не спрашиваютъ, чего лѣзешь? закричалъ обидѣвшійся трагикъ.

Въ другой разъ Рыбаковъ разсказывалъ.

— Вы знаете тѣ часы, которые мнѣ поднесла публика... вѣдь не часы, а чудеса!.. Былъ я на охотѣ и потерялъ ихъ... Искалъ, искалъ, нѣтъ ихъ!.. Ну, дѣлать нечего. Потужилъ, потужилъ,—плюнулъ. Знаю я

публику и публика знаетъ меня. Будутъ новые. Было это въ Тамбовѣ. Уѣхалъ я изъ Тамбова, три года не былъ, странствовалъ. Пріѣзжаю снова... Опять выдался свободный день—я на охоту... Иду, вдругъ собака дѣлаетъ стойку. Остановился я и кричу ей: пиль! Она стоитъ, я еще разъ: пиль! Она стоитъ. Подхожу. Слышу—въ травѣ тикъ-такъ. Думаю—стрекоза, наклонился и вскрикнулъ отъ восторга: мои часы!... И, вообразите, въ четыре года отстали всего на пять минутъ!

А вотъ его разсказъ о постройкѣ какого-то столичнаго театра, свидѣтелемъ котораго онъ непремѣнно былъ самъ.

— Прежде чѣмъ строить его начали, стали въ землю вбивать сваи... Только войдутъ они, сваи то, въ землю и сравняются съ площадью, сейчасъ-же еще другую партію свай поверхъ тѣхъ бьютъ. И такимъ образомъ штукъ сорокъ ихъ другъ на дружку въ землю стоймя ставили. Это всегда такъ фундаментальныя зданія строятъ... Вотъ это вбивали, вбивали, и вдругъ изъ Парижа заказное письмо приходитъ. Пишутъ въ немъ: „Остановитесь: ваши сваи на самомъ красивомъ мѣстѣ въ Лѣтнемъ саду сажени на четыре высунулись и производятъ безобразія". Ну, наши, конечно, остановились, потому что войны не хотѣли, и послали туда телеграмму: „Облѣпите сваю въ статую, и пусть она у васъ будетъ на манеръ памятника, а надпиливать ее не смѣйте, потому что она казенная".

— А вы, Николай Хрисанфовичъ, не видѣли этой высунувшейся сваи?

— Да какъ-же, братецъ, не видѣлъ? Разумѣется, видѣлъ, но только тогда, когда еще ее въ русской землѣ вбивали.

П. С. Степановъ.

Актеръ Александринскаго театра Петръ Степановичъ Степановъ цѣнился товарищами, какъ милѣйшая личность, относившаяся ко всѣмъ равно незлобиво, сердечно и пріятельски. Онъ умеръ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, оставивъ по себѣ множество анекдотовъ.

Онъ слылъ за охотника и за отчаяннаго враля впрочемъ, безобиднаго и невиннаго. Подобно Рыбакову, Степановъ любилъ кстати и не кстати, однако, никого не обижая, а главное, вполнѣ вѣря самому себѣ, разсказывать такія коллосальныя небывальщины, что слушатели приходили въ смущеніе и чуть не краснѣли за самого разсказчика.

Степановъ вралъ вообще, но когда разговоръ касался его конька — охоты, то онъ являлся въ своемъ родѣ неподражаемымъ. Въ пылу увлеченія его фантасія создавала такіе необычайные факты, и онъ обрисовывалъ себя такимъ необыкновеннымъ героемъ, что слушатели безъ церемоніи останавливали его въ самомъ патетическомъ мѣстѣ и указывали на его несообразности. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда, бывало, крикнетъ и въ оправданіе свое скажетъ:

— Н-да... Я и забылъ, что вамъ ничего разсказывать не стоитъ—все равно не повѣрите, а между тѣмъ, все это истинные факты.

Во всемъ онъ старался казаться большимъ знатокомъ, любилъ прихвастнуть, очень часто хватая черезъ край, и кичился своей физической силой, которой на самомъ-то дѣлѣ у него не было.

Однажды Степановъ разсказывалъ на репетиціи, во время антракта:

— Лѣтъ восемь тому назадъ, у меня была замѣчательно умная собачища. Звали ее Тамерланъ. Ахъ, какъ хорошо этотъ подлецъ Тамерланъ птицу выслѣживалъ, т. е. такъ хорошо, что я постоянно былъ подвергнутъ опасности.

— Да вѣдь ты не птица, сострилъ П. А. Каратыгинъ,— какая-же опасность могла тебѣ угрожать?

— А такая, что всѣ охотники на мою собаку зубы точили и непремѣнно хотѣли ее украсть у меня. А нужно признаться, я ее самъ за смышленность у одного пріятеля стянулъ. Ахъ, какая необыкновенная собака! Бывало, разнюхаетъ гдѣ-либо гнѣздо,—такъ не набросится на него и не спугнетъ самку, какъ дѣлаютъ это всѣ другія собаки, а тихо, неподалеку отъ находки сядетъ на заднія лапы и передними манитъ меня. Я, бывало, подкрадусь, спугну птицу самъ и близехонько ее бью. Вотъ какой удивительный песъ былъ! Другого подобнаго я никогда не видѣлъ.

Въ другой разъ онъ такъ увлекся, что сталъ было разсказывать о томъ, какъ медвѣдь его придушилъ и началъ имъ закусывать, но онъ будто-бы во время нашелся, подалъ своему кровожадному врагу флягу съ водкой, тотъ захмелѣлъ и выпустилъ изъ своихъ могучихъ лапъ бѣдную жертву. Тогда Степановъ вскочилъ на ноги, поспѣшно вынулъ изъ кармана перочинный ножъ и распоролъ медвѣдю брюхо.

— Зачѣмъ-же было пороть его, недоумѣвалъ одинъ изъ слушателей,—да еще перочиннымъ ножемъ, когда можно было его застрѣлить? Вѣдь не безъ ружья ты былъ на охотѣ? При тебѣ оно было?

— При мнѣ, да не заряжено. Вотъ я говорю, какъ иногда бываетъ полезно на охотѣ имѣть при себѣ водку и колбасу.

— А колбаса-то при чемъ? удивлялись слушатели.

— На закуску.

— Такъ вѣдь она-то въ дѣлѣ съ медвѣдемъ была не причемъ.

— Нѣтъ, очень причемъ. Если-бы я не взялъ съ собой колбасы на закуску, то не прихватилъ-бы и ножа перочиннаго. Ножъ-то у меня спеціально для колбасы былъ взятъ.

Однажды онъ дошелъ до того въ завираніи, что представилъ свою собаку феноменомъ, разговаривающимъ по человѣчески.

Дѣло было такъ. Перебравшись на дачу, онъ лишился своего любимаго сетера, заблудившагося въ незнакомой ему мѣстности. Объ этомъ грустномъ для охотника обстоятельствѣ онъ подробно разсказывалъ всѣмъ и каждому. Сочувствуя его сокрушенію, конечно, при встрѣчахъ всѣ разспрашивали его о результатѣ неустанныхъ розысковъ. Но вотъ какъ-то является онъ въ театръ въ ликующемъ настроеніи.

— Что это ты такой сіяющій? спрашиваютъ его.

— А вѣдь мой-то подлецъ пришелъ. Сегодня днемъ самъ приплелся.

— Гдѣ-же онъ пропадалъ?

— Въ Тентелевой деревнѣ.

— Да какъ-же ты объ этомъ узналъ, если онъ самъ явился?

— Да вотъ такъ и узналъ... отъ него.

— Отъ него? Полно тебѣ врать!

— Чего врать? обидѣлся Степановъ. Онъ вѣдь у

меня толковый. Мнѣ за него десятки тысячъ предлагали, да я не рѣшаюсь продать.

— Да какъ же опъ тебѣ могъ сказать? Развѣ собаки говорятъ?

— Вотъ у другихъ не говорятъ, а моя такъ умна, такъ, братецъ, умна, что, когда вернулась, я ее строго спросилъ: „Гдѣ ты, проклятая, шаталась?“ А она явственно пролаяла: Въ „Тен-те-ле-вой“!

Какъ-то въ уборной собралась группа актеровъ и о чемъ-то разговаривала. Между прочимъ, разговоръ коснулся одного общаго знакомаго, который незадолго до этого умеръ.

— Жаль бѣднягу, сказалъ Самойловъ.

— Всегда былъ здоровъ и веселъ, замѣтилъ Яблочкинъ, и вдругъ...

— Да, да, жаль бѣднаго.

На этотъ разговоръ входитъ Степановъ и, услышавъ фамилiю общаго знакомаго, какъ бы кстати замѣчаетъ:

— Ахъ, вы про него? Прелестный человѣкъ. Милѣйшiй прiятель! Я у него третьяго дня вечеромъ былъ.

— Слышите, господа, перебиваетъ его Самойловъ, онъ былъ третьяго дня у него въ гостяхъ?

Всѣ присутствующiе расхохотались.

— Чего-жъ тутъ смѣшного? обидѣлся Степановъ.

— Да какъ-же пе смѣяться надъ тобой: ты говоришь, что былъ у него третьяго дня, а его недѣлю тому назадъ похоронили.

— Ну, такъ что-жъ, хладнокровно отвѣтилъ Степановъ, быстро оправясь.—Зачѣмъ вы меня перебили и не дали мнѣ договорить?

— Ну, ну?

— Прихожу я къ нему третьяго дня и звоню. Открываетъ мнѣ дверь горничная. Я спрашиваю ее: „Баринъ дома"? Она отвѣчаетъ: „Никакъ нѣтъ, ихъ недѣлю тому назадъ похоронили". „Неужели"? воскликнулъ я съ горечью. Она прослезилась и сказала: „Да". Меня это крайне взволновало, и я печально поплелся домой.

Вообще, Петръ Степановичъ былъ увертливъ и умѣлъ выйти изъ неудобнаго положенія, въ которое онъ ставилъ самого себя.

Предлагаютъ Степанову въ знакомомъ домѣ папироску. Онъ отказывается, заявляя:

— Я курю только свои. Привычка—великое дѣло.

— Попробуйте нашихъ. Отличный табакъ, мнѣ его высылаютъ по шести рублей за фунтъ.

— По шести? Только-то?

Гостепріимный хозяинъ опѣшилъ.

— Да, по шести и я нахожу его хорошимъ.

— Вы-бы моихъ папиросъ попробовали, такъ не стали бы говорить, что ваши хороши.

— Не смѣю спорить, однако, позвольте поинтересоваться, какъ велика цѣна вашему табаку?

— Шестьсотъ рубликовъ фунтъ.

— О такой цѣнѣ я не слыхивалъ.

— Пріѣзжайте ко мнѣ, попотчую.

— Благодарю васъ, но, право, мнѣ не вѣрится, чтобы существовалъ табакъ такой баснословной стоимости. Откуда онъ у васъ?

— Прямо изъ Турціи выписываю.

— По шести сотъ рублей за фунтъ? продолжалъ переспрашивать ошеломленный хозяинъ.

— Да, по шести сотъ.

Но вдругъ Степановъ спохватился, что слишкомъ ужъ пересолилъ. На минуту сконфузился и вновь развязно добавилъ:

— По шести сотъ, это вѣрно, но только я забылъ предупредить васъ, что табакъ доставляется мнѣ вмѣстѣ съ золотомъ. Въ ящикѣ лежитъ пластъ золота и пластъ табаку, потомъ опять пластъ золота и пластъ табаку и т. д. Конечно, одного золота рубликовъ на пятьсотъ девяносто достается.

К. П. Бахтуринъ.

Умершій въ 1841 году, писатель Константинъ Петровичъ Бахтуринъ, имѣлъ очень большую страсть ко лжи. Это былъ лгунъ изъ любви къ искусству.

Онъ былъ несомнѣнно даровитымъ, и пьесы его, въ большинствѣ написанныя стихами, въ свое время пользовались успѣхомъ, доставляя хорошіе сборы театральной кассѣ.

Бахтуринъ былъ добрымъ товарищемъ, занимательнымъ собесѣдникомъ и неутомимымъ собутыльникомъ. Послѣднее причиняло ему много непріятностей и мѣшало заниматься литературой, въ которой онъ имѣлъ возможность упрочить свое положеніе.

Въ компаніи, въ особенности послѣ возліянія Бахусу, онъ позволялъ себѣ разсказывать необыкновенныя происшествія, и всегда — будто-бы съ нимъ случавшіяся. Словомъ, онъ былъ вралемъ, но вралемъ за-

нимательнымъ, во-первыхъ потому, что, имѣя пылкое воображеніе, разсказывалъ, хотя и фантастическія, но очень интересныя исторіи, а во-вторыхъ потому, что особенно нравилось слушателямъ, такъ это то, что онъ вралъ съ увлеченіемъ, т. е. самъ слѣпо вѣрилъ тому, что разсказывалъ.

Такъ, однажды, описывая ужасное сраженіе, при взятіи какого-то аула на Кавказѣ, онъ говорилъ съ жаромъ:

— Меня, отдѣлившагося отъ отряда, окружила толпа черкесовъ. Я дрался какъ левъ, рубилъ направо и налѣво, и вдругъ—моя правая рука отлетѣла вмѣстѣ съ шашкою. Кто-то ловко отрубилъ ее у самаго плеча..

— Постой, перебили его,—у тебя обѣ руки цѣлы!

Бахтуринъ на мгновенье умолкъ, посмотрѣлъ на свою правую руку, попробовалъ сдѣлать ею нѣсколько движеній и совершенно спокойно проговорилъ:

— Ахъ, да, виноватъ! Это было не со мной, а съ моимъ товарищемъ, Сережей Запольскимъ.

Гдѣ-то въ общемъ залѣ трактира, пировали актеры и другая, совершенно отдѣльная компанія, среди которой отставной офицеръ разсказывалъ свои былые, славные подвиги; но въ особенности слушатели его были поражены эпизодомъ, какъ, при взятіи какой-то крѣпости, онъ, разсказчикъ, схвативъ знамя изъ рукъ убитаго унтеръ-офицера, вскочилъ на стѣну, но, поскользнувшись, упалъ на колѣни; два непріятельскіе солдата бросаются на него съ саблями; онъ считалъ уже себя убитымъ и дѣло проиграннымъ, такъ какъ знамя достанется непріятелю, но вдругъ, на стѣну вскакиваетъ какой-то юнкеръ, юноша красавецъ собою и въ одно мгновеніе убиваетъ обоихъ солдатъ и помогаетъ

разсказчику подняться на ноги; тотъ вскакиваетъ, прижимаетъ юношу къ груди и затѣмъ оба, рука объ руку, бросаются въ схватку. Въ заключеніе-же разсказчикъ прибавилъ съ грустью:

— Но въ схваткѣ насъ разлучили, и, по взятіи крѣпости, я тщетно искалъ своего избавителя: ни среди живыхъ, ни между трупами, я не нашелъ его... О, съ какимъ-бы восторгомъ я еще разъ прижалъ бы его къ моему сердцу! — проговорилъ офицеръ съ глубокимъ чувствомъ и грустно склонился головою надъ опорожненымъ залпомъ стаканомъ.

Компанія, слушавшая его внимательно, теперь смотрѣла съ благоговѣніемъ на его глубокую грусть.

Между тѣмъ, и актеры, также молча, давно уже наблюдали за бывшимъ съ ними Бахтуринымъ, который, при разсказѣ офицера, весь превратился въ слухъ.

Когда офицеръ умолкъ, Бахтуринъ встаетъ, подходитъ къ нему и взволнованнымъ голосомъ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ произноситъ, колотя себя руками въ грудь:

— Моншеръ (Бахтуринъ всѣхъ и каждаго называлъ моншеръ), наконецъ судьба свела насъ!.. Сколько, сколько безсонныхъ ночей провелъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы взяли съ тобою крѣпость. Я только о тебѣ и думалъ, моншеръ!..

Офицеръ поднялъ голову и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Бахтурина. Тотъ продолжалъ:

— Моншеръ! Неужели не узнаешь? Я тотъ красавецъ-юноша, что убилъ двухъ солдатъ и помогъ тебѣ встать на ноги! Сюда, моншеръ, сюда, на мою грудь! закричалъ онъ трагически, раскрывъ объятья.

— Извините... я не имѣю чести васъ знать!

— Моншеръ, лѣта измѣнили мою наружность, но думаю, я тотъ-же юнкеръ, который спасъ тебя! Сюда, скорѣй въ объятья!

— Извините... но, кажется... мнѣ помнится, что на стѣнѣ были не вы.

Бахтуринъ опустилъ руки, пристально посмотрѣлъ офицеру въ лицо и сказалъ совершенно равнодушно:

— Ну, такъ вѣрно я спасъ кого нибудь другого, моншеръ!

Нашла коса на камень!

П. С. Тамара.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, проживалъ въ г. Нѣжинѣ (Черниговской губ.) отставной полковникъ, бывшій адъютантъ князя Потемкина-Таврическаго,— Павелъ Степановичъ Тамара.

Съ нимъ охотно дружили студенты Нѣжинскаго лицея, въ числѣ которыхъ были Н. В. Гоголь, Н. В. Кукольникъ, В. И. Любичъ-Романовичъ и мн. др., впослѣдствіи стяжавшіе себѣ имена въ литературѣ.

Во времена Павла Степановича въ Нѣжинѣ существовала поговорка: „Вретъ, какъ Тамара"! Ею опредѣлялась баснословная ложь, которою щеголялъ полковникъ, самъ увлекавшійся своими невѣроятными розказнями.

Будучи ветераномъ „временъ Очакова и покоренья Крыма", Тамара хранилъ свято воспоминанія объ эпохѣ

службы своей и возводилъ эту эпоху на вершину славы нашего отечества, не только на полѣ битвы, но и на всякомъ научномъ поприщѣ. Непогрѣшимость своихъ убѣжденій онъ тотчасъ же, экспромптомъ, доказывалъ какимъ-нибудь, будто бы видѣннымъ или испытаннымъ имъ самимъ случаемъ. Нерѣдко его нелѣпые разсказы доходили до Геркулесовыхъ столбовъ, но разсказчикъ никогда не смущался, хотя скептиковъ не особенно долюбливалъ.

Однажды, послѣ сытнаго обѣда у гостепріимнаго Тамары, его гости завели разговоръ о томъ, какіе дѣлаетъ успѣхи современная хирургія, и въ доказательство этого приводился недавно бывшій передъ тѣмъ случай необыкновенно серьезной и вмѣстѣ съ тѣмъ удачной операціи. Язва рака находилась на лицѣ какого-то больного. Хирургъ вырѣзалъ ее, а вырѣзанное мѣсто прикрылъ вырѣзкою мяса изъ руки самого больного. Все это срослось, на сросшемся мѣстѣ выросли волосы, прикрывшіе швы, и теперь лицо больного не представляетъ ни малѣйшаго безобразія.

Тамара, никогда не интересовавшійся чужими разсказами, нервно дослушалъ гостя и, когда тотъ окончилъ, возразилъ:

— Что въ этой операціи удивительнаго? Самая простая, обыкновенная... Вотъ въ наше время хирургія выкидывала штучки почище этой! Для примѣра я вамъ представлю такой случай, очевидцемъ котораго я былъ самолично. Слушайте-же: чрезъ нѣсколько часовъ послѣ одной большой битвы съ турками, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Возьми-ка, Павелъ Степановичъ, доктора да двухъ

фельдшеровъ и поѣзжай на полѣ битвы. Нѣтъ ли тамъ среди мертвыхъ—живыхъ. Если найдешь кого-либо изъ нашихъ, или изъ турокъ, все равно, съ признаками жизни, вели перевязать раны на мѣстѣ и отправляй въ ближайшій лазаретъ.

Хорошо. Пріѣзжаю на мѣсто битвы — содрогнулся отъ ужаса: передо мною поле, сплошь усѣянное трупами. Тысячи мертвецовъ! Вся мѣстность, на пространствѣ двухъ верстъ, представляла вполнѣ ниву смерти. Я началъ медленно объѣзжать поле брани, вглядывался въ несчастныя жертвы войны, прислушивался не услышу-ли гдѣ стона, вздоха, какого-либо признака жизни и... вдругъ слышу слабое восклицаніе:

— Павелъ Степановичъ!

Я насторожился.

— Гдѣ, кто зоветъ меня?

Оглядываюсь и вижу—мое имя произноситъ отрѣзанная голова. Всматриваюсь въ нее—да, она! и узнаю, что это голова нашего унтеръ-офицера Кузнецова...

— Кузнецовъ! Это ты?

— Такъ точно, ваше высокородіе, Павелъ Степановичъ, это я, отвѣчаетъ голова.

— Какъ это ты, братецъ, говорю поддался?

— Да что, говоритъ, съ проклятыми нечестями подѣлаешь? Одно слово, баши-бузуки.

Заплакала голова и жалобно просить стала:

— Сдѣлайте божескую милость, Павелъ Степановичъ, велите найти мое туловище...

— Зачѣмъ? спрашиваю.

— Да что-бы, значитъ, докторъ пришилъ-бы его къ моей головѣ.

— Ну, ладно. Приказалъ искать его туловище. На-

шли и отправили его въ лазаретъ, вмѣстѣ съ головой.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, свѣтлѣйшій князь приказалъ мнѣ объѣхать всѣ учрежденные при Прутѣ лазареты, осмотрѣть и донести подробно о состояніи ихъ.

Поѣхалъ.

Обходя одинъ изъ лазаретовъ, я вдругъ слышу:

— Здравствуйте, Павелъ Степановичъ!

Вообразите,—это былъ Кузнецовъ.

Онъ сидѣлъ на лазаретной койкѣ, но былъ худъ и слабъ.

— Ты-ли это? Спрашиваю.

— Такъ точно, ваше высокородіе, Павелъ Степановичъ, я.

— Ну, какъ твое здоровье?

— Какое ужъ тутъ будетъ здоровье, Павелъ Степановичъ! махнулъ рукой съ отчаяніемъ Кузнецовъ.

— Что такое?

— Вѣдь вы мнѣ бѣды надѣлали: ошибкою, полагать надо, взяли не мое, а турецкое туловище, да къ нему и пришили мою голову.

— Не можетъ быть!

— Честное слово! Такъ ужъ какое-же тутъ будетъ здоровье, тутъ и духъ-то я свой весь потерялъ, только и думаю, какъ быть мнѣ: „головою-то я русскій, а всѣмъ животомъ турка. Ну, вотъ отъ думы то такой и не поправляюсь“...

Слушатели Тамары едва сдерживались отъ смѣха, а самъ онъ совершенно серьезно закончилъ свое повѣствованіе укоромъ:

— Вотъ какая была хирургія! А вы удивляетесь на нынѣшнюю! Молоды—зелены, видовъ не видывали...

Коснулся однажды разговоръ ума животныхъ. Приводилось нѣсколько примѣровъ. Тамара слушалъ-слушалъ собесѣдниковъ и вдругъ „вставляетъ свое правдивое слово“.

— Ужъ если разговоръ коснулся ума животныхъ то я вамъ могу привести поразительный случай. Лѣтъ двадцать тому назадъ я еще любилъ охоту. У меня была чудная лягашка Діанка. Вдругъ она ослѣпла. Очень было ее мнѣ жаль, тѣмъ болѣе, что и она любила охоту, а главное—имѣла необыкновенное чутье. Бывало верстъ на пять дичъ чувствовала... Ну, такъ вотъ ослѣпла. Что было дѣлать? — Другой, вышколенной въ то время не было, а безъ собаки что за охота?! Я сдѣлалъ такую штуку: взялъ у жены болонку, привязалъ ее въ корзинкѣ къ шеѣ Діанки и пошелъ спокойно на охоту. И что-жъ бы вы думали?—Охота удалась, какъ нельзя лучше. Фифишка смотритъ, а Діанка бѣгаетъ...

Разсказамъ Тамары нѣтъ конца. И всѣ они въ такомъ видѣ, невѣроятно фантастичны и несообразны съ здравымъ смысломъ...

Полковникъ Тобьевъ.

Старый служака „временъ Очаковскихъ“ полковникъ Тобьевъ, принадлежалъ къ коллекціи забавныхъ вралей и въ свое время пользовался успѣхомъ, какъ интересный разскащикъ и фантазеръ.

„Его время“—это 1820 и 30-е годы.

Тобьевъ былъ человѣкомъ общительнымъ, часто появлялся въ многолюдномъ обществѣ, вниманіемъ котораго онъ удачно овладѣвалъ, когда начиналъ предаваться своимъ невѣроятнымъ воспоминаніямъ.

Нужно замѣтить, что онъ, какъ и всѣ врожденные лгуны, искренно увлекался своими разсказами и вѣрилъ имъ, какъ неопровержимымъ фактамъ.

Однажды, когда рѣчь зашла о Потемкинѣ, Тобьевъ привелъ „кстати" случай изъ своей жизни:

— При свѣтлѣйшемъ я служилъ адъютантомъ, знаю его вдоль и поперекъ, и скажу, не хвастаясь, я пользовался любовью князя болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его приближенныхъ.

Кто-то замѣтилъ:

— Надо полагать, вы знаете много анекдотическаго изъ жизни Потемкина? Онъ вѣдь былъ большой причудникъ...

— Еще-бы! Всѣ анекдоты знаю... Замѣчательный человѣкъ былъ, царство ему небесное... Да вотъ я вамъ скажу какой случай со мной былъ. Разъ, въ веселый часъ, князь проситъ меня ѣхать курьеромъ въ Тобольскъ. Дѣло было очень серьезное и другимъ свѣтлѣйшій не могъ его довѣрить. Григорій Александровичъ лично далъ мнѣ наставленіе, и я думалъ уже откланяться, какъ вдругъ Потемкинъ останавливаетъ меня вопросомъ:

— Что, Тобьевъ, бывалъ-ли ты когда-нибудь въ Сибири.

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость, отвѣчаю — не бывалъ.

— Ну, рекомендую тебѣ, промолвилъ Потемкинъ,— Сибирь страна рѣдкостей... Смотри-же, исполни въ

точности главное, что я тебѣ приказалъ, и затѣмъ привези для меня изъ страны рѣдкостей какую-нибудь диковинку, а затѣмъ—прощай!

«Привести что-нибудь для великолѣпнаго князя Тавриды, дивившаго всѣхъ и уже не удивлявшагося ничему, согласитесь сами, вещь, право не шуточная. Однакожъ, я не терялъ надежды. Думаю себѣ, ужъ непремѣнно разыщу что-нибудь необыкновенное.

«Хорошо-съ. По особому счастью, которое такъ частенько гонялось за мною, мнѣ удалось окончить дѣло такъ успѣшно и скоро, какъ иному—бы и во снѣ не приснилось. Я летѣлъ изъ Петербурга, какъ голубь, загналъ за дорогу болѣе ста лошадей, шесть троекъ положилъ на мѣстѣ,—ну, словомъ, летѣлъ такъ, какъ ни кому не удавалось послѣ меня. Вообразите: три тысячи верстъ я прокатилъ въ шестеро сутокъ.

Возвращаюсь въ Петербургъ.

Свѣтлѣйшій встрѣчаетъ меня такими ласковыми словами:

— Ну, Тобьевъ, молодецъ ты, удивилъ меня.

— Радъ стараться, отвѣчаю.

Явился я къ Потемкину весь въ пыли, и подробно донесъ о дѣлѣ. Князь остался очень доволенъ.

Опять онъ мнѣ ласково:

— Ну, не даромъ просилъ тебя привести мнѣ диковинку изъ Сибири—диковинка теперь ты самъ!

— Простите, ваша свѣтлость, я не забылъ и про диковинку для особы вашей.

— Не забылъ? Сказалъ князь съ разсѣяннымъ видомъ и, подойдя къ окну, сталъ барабанить по стеклу.

Я стою и молчу. Князь не любилъ, чтобы мѣшали его задумчивости.

Нѣсколько минутъ спустя, князь оборачивается отъ окна, и увидя меня, спрашиваетъ:

— А, ты еще здѣсь?

— Да.

— А гдѣ-же твоя диковинка?

— Со мною, ваша свѣтлость.

— Что же я не вижу или она уже такъ мала?

— Извините, князь! Какъ разъ на вашъ ростъ.

Съ этими словами я разжалъ правую руку и распахнулъ передъ княземъ чудеснѣйшую соболью шубу.

Разумѣется, князь такъ и ахнулъ!

Когда Тобьевъ закончилъ этотъ разсказъ, кто то изъ слушателей спросилъ:

— Неужели цѣлая соболья шуба могла помѣститься въ вашемъ кулакѣ?

— Ну, конечно, отвѣтилъ полковникъ, побѣдоносно оглядывая компанію,—ничемъ другимъ я-бы не удивилъ Потемкина.

Въ другой разъ Тобьевъ разсказывалъ:

— Недавно, пообѣдавъ въ ресторанѣ Фельста съ пріятелемъ, мнѣ вздумалось провести вечеръ въ театрѣ. Уговорилъ я на это-же и пріятеля. Вотъ вышли мы изъ ресторана и пошли пѣшкомъ. Погода была превосходная. Но не прошли мы и пол-дороги, какъ вдругъ пошелъ дождь, да вѣдь какой? самый что ни на есть проливной. Пріятелъ, конечно, раскрылъ зонтикъ и сталъ меня приглашать укрыться подъ нимъ вмѣстѣ, но я на отрѣзъ отказался. И что же бы вы думали? Приходимъ къ театру, у пріятеля шляпа мокрая и пальто тоже промокло,—я же совершенно сухъ, на мнѣ ни одной капли дождя. Представьте, я такъ ловко и искусно умѣлъ во всю дорогу отпарировать

палкою каждую каплю, что рѣшительно ни одна не попала на меня. Тутъ только мой пріятель разгадалъ, что значилъ свистъ, который всю дорогу гудѣлъ въ его ушахъ, онъ происходилъ отъ непомѣрной быстроты палки, которую я вращалъ надъ собой.

Другая редакція разсказала, „какъ вышелъ онъ сухимъ изъ воды", такова:

— На дняхъ своего стараго пріятеля я безконечно удивилъ.

— Чѣмъ же? Спрашиваютъ у Тобьева, съ вѣрнымъ разсчетомъ услышать что-нибудь невѣроятное и фантастическое.

— Являюсь я къ нему въ то время, когда на улицѣ шелъ громадный, непрерывный дождь. Цѣлый день лилъ... А я къ нему вваливаюсь въ квартиру совершенно сухимъ. Пріятель прямо-таки ротъ разинулъ.

— Ты, спрашиваетъ,—въ каретѣ?

— Нѣтъ!

— Пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ!

— Да какъ же ты не промокъ?

— Да такъ, что я умѣю очень ловко пробираться между каплями дождя.

Однажды Тобьевъ до того заврался въ какомъ-то разсказѣ о войнѣ, что чуть-ли ни въ первый разъ въ жизни остановился на минуту, чтобы найти выходъ изъ неловкаго положенія. Онъ дошелъ до точки, дальше которой идти было некуда. И самъ онъ понималъ это и въ особенности понимали слушатели, хранившіе гробовое молчаніе, чтобы потомъ разразиться гомерическимъ смѣхомъ.

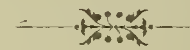
Но вотъ Тобьевъ крякнулъ, взглянулъ на стараго своего знакомаго маіора Б., съ которымъ когда-то служилъ вмѣстѣ, и его моментально осѣнила мысль.

— Вы можетъ быть мнѣ не вѣрите? Обратился онъ къ слушателямъ.—Такъ вотъ спросите у Б. Все это при немъ было.

Б. остроумно отвѣтилъ:

— Чего ты, Тобьевъ, на меня ссылаешься? Развѣ ты забылъ, что я былъ убитъ при самомъ началѣ сраженія.

Тобьевъ на этотъ разъ спасовалъ...

РУССКІЕ СИЛАЧИ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Русскіе силачи на перечетѣ. Ихъ было не много, т. е. не много такихъ феноменальныхъ, о силѣ которыхъ разсказы переходили-бы изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Извѣстностью пользуются только: морякъ Лукинъ, генералъ Костенецкій, артиллеристъ Чагинъ, кучеръ Императора Александра I—Илья.

Несомнѣнно, что въ Россіи всегда было и есть большое количество сильныхъ людей, объ этомъ уже много разъ говорилось въ печати. Русскій народъ, по удостовѣренію физіологовъ, физически развитъ хорошо. Его сила въ большинствѣ случаевъ является результатомъ тѣхъ тяжелыхъ работъ, которыя созданы деревенскою жизнью на мѣстѣ и фабричною—при отхожемъ промыслѣ. Но между сильнымъ и силачемъ значительная разница. Съ понятіемъ о силачѣ связано представленіе если не о богатырствѣ, то во всякомъ случаѣ о чемъ-то сказочномъ. Обыкновенно силачи въ глазахъ современниковъ возбуждали удивленіе, которое для потомства переходило въ легенды и имена силачей, такимъ образомъ, дѣлались героическими.

Въ наше время, когда стали обращать *спеціальное*

вниманіе на физическое развитіе организма и когда низвели это развитіе до спорта, путемъ устройства всяческихъ „атлетическихъ кружковъ“ и публичныхъ состязаній въ формѣ интереснаго зрѣлища, силачи не стали рѣдкостью. Ихъ теперь насчитываютъ не только десятками, но даже чуть-ли не сотнями. Однако, это силачи иного сорта. Увы! Нынѣшніе богатыри — не больше какъ профессіональные борцы, усвоившіе цирковую ловкость и твердо заучившіе правила новой атлетической науки. Правила эти заключаются въ одномъ параграфѣ: умѣть положить противника „на обѣ лопатки“. Ихъ сила условная, благопріобрѣтенная продолжительными упражненіями, а не врожденная. У нихъ не разберешь, гдѣ кончается ловкость и начинается сила, тогда какъ у настоящаго силача между этими двумя качествами проведена рѣзкая черта; у первыхъ — сила въ ловкости, у вторыхъ — ловкость въ силѣ.

Помимо, вышеперечтенныхъ силачей, славился своими феноменальными мускулами орловскій дворянинъ А. С. К—инъ. Ростомъ онъ былъ въ два аршина и тринадцать вершковъ; въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень; грудь на выкатѣ; толщина необъятная. Въ молодости онъ служилъ кавалергардомъ; нѣкоторое время, при императрицѣ Екатеринѣ II, провелъ въ Петербургѣ, и нѣкоторое въ Гатчинѣ—у Павла Петровича.

Сила К—ина была такова, что онъ крестился пятипудовыми гирями и ими-же игралъ, какъ мячиками, двѣнадцать пудовъ онъ выжималъ одной рукою, разрывалъ канатъ въ два дюйма толщины, сгибалъ и разгибалъ широкую желѣзную полосу.

Военную службу К—инъ несъ не долго. Онъ вы-

нужденъ былъ промѣнять ее на гражданскую, потому что никакая лошадь не могла выдержать его, такъ онъ былъ тяжелъ, да и въ пѣхотѣ онъ не могъ служить, потому что не въ состояніи былъ ходить—и тоже отъ тяжести. По восшествіи на престолъ Павла Петровича, К—инъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры и назначенъ въ Орелъ городничимъ.

Во все время своей службы въ Орлѣ, онъ былъ для всего населенія какимъ-то страшилищемъ. Матери его именемъ пугали дѣтей, базарные торговцы бѣгали отъ своихъ возовъ, только бы не попадаться на глаза богатырю-городничему, который въ гнѣвѣ былъ неукротимъ и жестокъ. Съ купцами, обличенными въ недобросовѣстности, онъ творилъ судъ скорый и не милостивый. Случалось, что въ досадѣ онъ схватывалъ купцовъ за шиворотъ и перебрасывалъ ихъ черезъ заборъ.

Его сила была такова, что лошадь онъ убивалъ кулакомъ съ одного раза. Однажды, когда онъ переходилъ улицу, на него набросился бѣшенный быкъ и К—инъ легко съ нимъ справился; онъ его схватилъ за рога и держалъ въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока подоспѣвшіе люди не спутали веревками ноги разсвирѣпѣвшаго животнаго. Одного мѣщанина, въ чемъ-то провинившагося, городничій не хотѣлъ ударить рукою, а толкнулъ пальцемъ въ бокъ и... переломилъ ему ребро.

Артиллеристъ Чагинъ былъ героемъ тридцатыхъ годовъ. Его зналъ чуть-ли не весь Петербургъ, въ особенности же онъ былъ извѣстенъ среди военныхъ, съ которыми онъ вмѣстѣ проказничалъ и повѣсничалъ. Чагинъ принадлежалъ къ тому кружку молодежи, душою котораго былъ извѣстный острякъ и анекдотистъ, офицеръ московскаго полка К. Я. Булгаковъ.

Былъ случай, когда Чагинъ и Булгаковъ, въ сопровожденіи большой компаніи пріятелей, возвращаясь пѣшкомъ домой послѣ попойки, вздумали позабавиться надъ будочникомъ. Дѣло было ночью, на Петербургской сторонѣ. Будочникъ мирно спалъ въ своей круглой будкѣ, о которой, къ слову сказать, теперь и воспоминанія не осталось въ Петербургѣ. Алебарду отложилъ онъ въ сторону и, очевидно, не подозрѣвалъ никакого неблагополучія въ своемъ околодкѣ. Булгаковъ не могъ пройти мимо безъ шалости, онъ надоумилъ Чагина опрокинуть будку на землю, но такъ, чтобы дверь пришлась плотно на мостовую. Чагинъ въ одинъ моментъ произвелъ эту курьезную операцію и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ съ пріятелями дальше. Несчастный будочникъ поднялъ такой страшный крикъ, что чуть-ли ни всѣ обыватели района, порученнаго его бдительности, выбѣжали, на улицу. А когда высвободили часоваго, проказниковъ, конѐчно, и слѣдъ простылъ.

Въ другой разъ Чагинъ, тоже ради шутки, снялъ съ пьедестала одну изъ пушекъ, которыми окруженъ Преображенскій соборъ, и поставилъ ее на землю. На другой день десятокъ рабочихъ едва водрузили ее на мѣсто.

Лукинъ.

Знаменитый силачъ капитанъ-лейтенантъ Лукинъ оставилъ по себѣ память въ видѣ массы легендарныхъ разсказовъ про свою неимовѣрную силу. Впрочемъ, всѣ эти разсказы не вымыселъ праздныхъ повѣтствователей,

а дѣйствительные факты. Чтобы судить о мускулахъ Лукина, достаточно только сказать, что онъ легко удерживалъ дрожки съ впряженнымъ въ нихъ рысакомъ, т. е. придерживая ихъ за заднюю часть онъ не давалъ лошади, при всѣхъ усиліяхъ съ ея стороны, тронуться съ мѣста.

Лукинъ воспитывался въ морскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ мичманомъ 1-го Мая 1789 года. Онъ былъ средняго роста, плотный, коренастый; обладалъ тихимъ, миролюбивымъ характеромъ и никогда не злоупотреблялъ своей силой. Нужно было очень разсердить этого кроткаго и терпѣливаго обыкновенно человѣка, чтобы онъ рѣшился пригрозить своими мускулами, но чтобы онъ привелъ въ исполненіе свою угрозу — это было чрезвычайно рѣдко и отмѣчено какъ анекдотическое происшествіе. Впослѣдствіи онъ командовалъ кораблемъ во флотѣ Сенявина и первый бросился на одинъ изъ турецкихъ кораблей, гдѣ и погибъ геройскою смертью. Императоръ Александръ I, хорошо знавшій покойнаго и не мало дивившійся его силѣ, облагодѣтельствовалъ осиротѣвшее семейство героя, по просьбѣ извѣстнаго своего лейбъ-кучера Ильи, который былъ прежде крѣпостнымъ Лукина и тоже обладалъ феноменальной силой.

Лукинъ только въ веселый часъ, и то лишь въ кругу близкихъ знакомыхъ, показывалъ подвиги своей необычайной силы. Напримѣръ, онъ легко ломалъ подковы, держалъ пудовыя ядра по полчаса въ распростертыхъ рукахъ, однимъ пальцемъ вдавливалъ гвоздь въ корабельную стѣну. Помимо силы, обладалъ еще ловкостью и проворностью, и благодаря этому, онъ являлся вдвойнѣ страшнымъ для всякаго, кто-бы попробовалъ возбудить его гнѣвъ.

Въ бытность свою въ Англіи, онъ произвелъ своей силой такую сенсацію, что имя его было окружено ореоломъ славы и обожаніе къ нему англичанъ, этихъ эксцентриковъ по натурѣ, дошло до того, что въ честь его устраивались фесты и знакомство съ нимъ считалось за очень большую честь.

Неизвѣстно, зналъ-ли Лукинъ въ молодости о своей силѣ, но одинъ случай произвелъ на него неизгладимо-грустное впечатлѣніе. Вскорѣ по выпускѣ изъ корпуса, шелъ онъ поздно ночью по Адмиралтейской площади. Въ то время эта площадь отъ зимняго дворца до Сената представляла громадное пустое пространство, еле освѣщенное ночью чуть мелькавшими масляными фонарями. Лукинъ шелъ въ тепломъ пальто, лѣвая рука была въ рукавѣ, а правая на свободѣ подъ пальто. Вдругъ на него сзади нападаютъ два человѣка: одинъ схватываетъ его за лѣвую руку и тащитъ пальто, другой уже успѣлъ его сдернуть съ праваго плеча. Но въ этотъ моментъ Лукинъ правою рукою на отмашъ ударяетъ въ лицо человѣка стащившаго шубу. Тотъ какъ снопъ рухнулся на землю. Другой видя пораженіе товарища, бросился бѣжать. Оправившись отъ неожиданнаго столкновенія съ разбойниками, Лукинъ отправляется на Адмиралтейскую гауптвахту и заявляетъ о случившемся караульному офицеру. Отправились на мѣсто происшествія. Несчастный лежалъ ничкомъ. Приподняли его, осмотрѣли — по костюму оказался корабельнымъ плотникомъ, лица-же нельзя было разсмотрѣть, потому-что оно было буквально раздроблено. Эта исторія огорчила Лукина и онъ уже самъ началъ опасаться своего тяжелаго удара...

Первый опытъ силы, выказанный Лукинымъ въ

Англіи, въ которой онъ пробылъ два года, случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ-то обѣдалъ Лукинъ въ трактирѣ. Послѣ обѣда вошелъ въ билліардную посмотрѣть на игравшихъ.

Тамъ онъ спросилъ себѣ стаканъ пунша. Отпивъ немного, онъ поставилъ стаканъ на подоконникъ открытаго окна, и продолжалъ слѣдить за играющими.

Черезъ нѣсколько минутъ Лукинъ берется за свой стаканъ, но онъ оказывается опорожненнымъ.

Лукинъ удивился, но, не слова не говоря по этому поводу, приказываетъ принесть второй стаканъ съ пуншемъ. Приносятъ. Опять отпивъ немного, онъ снова ставитъ пуншъ на прежнее мѣсто и, наблюдая по прежнему за игроками, сталъ незамѣтно слѣдить за своимъ напиткомъ.

Черезъ минуту къ окну подходитъ какой-то джентльменъ, беретъ стаканъ Лукина и разомъ его осушаетъ.

Лукинъ, умѣвшій во время быть сдержаннымъ, смолчалъ на эту безцеремонность незнакомца и, какъ ни въ чемъ не бывало, приказываетъ слугѣ принести миску пунша. Слуга постарался и притащилъ чрезвычайно вмѣстительную чашу. Лукинъ поставилъ ее передъ джентльмэномъ, посягавшимъ на его стаканы, и сказалъ:

— Вы, кажется, большой любитель пунша, не угодно ли вамъ выпить эту посудину?

Джентльмэнъ взглянулъ на Лукина съ иронической улыбкой.

— Покорно прошу! Настаивалъ Лукинъ.

Незнакомецъ что-то крикнулъ ему въ отвѣтъ заносчивымъ тономъ. Всѣ находившіеся въ билліардной,

предвкушая забавное кипроко, подошли къ разговаривавшимъ.

— Отстаньте! Произнесъ англичанинъ и хотѣлъ было отойти отъ Лукина, но тотъ его остановилъ.

— Постойте! Сказалъ русскій силачъ, едва сдерживая волненіе.—Вы выпили два моихъ пунша. Русскіе, какъ видите, не скупы на угощеніе. Извольте пить! Если вы не выпьете теперь этой миски, то я вылью ее вамъ на голову.

При этихъ словахъ въ толпѣ послышался не дружелюбный говоръ. Англичане пригрозили Лукину „постоять за своего", а джентльмэнъ, воодушевленный сочувствіемъ гражданъ, поспѣшилъ отвѣтить дерзостью.

Лукинъ, не задумываясь ни на минута, приподнимаетъ миску и окатываетъ нахала пуншемъ съ ногъ до головы.

Разумѣется, это вызвало страшнѣйшій переполохъ. Всѣ, находившіеся въ билліардной англичане, начали браниться и, вооружась кіями, подступили къ Лукину.

А онъ подошелъ къ окну и приготовился къ оборонѣ.

Вдругъ изъ окружавшей его толпы выдѣляется человѣкъ огромнаго роста, плечистый, съ сжатыми кулаками, готовый дать хорошій боксъ.

Однако, Лукинъ не труситъ; онъ во время предупреждаетъ боксера: схватываетъ его поперекъ туловища, легко приподнимаетъ и такъ же легко выбрасываетъ его за окно. Хотя окно отъ земли отстояло не высоко, но совершившій неожиданное сальтомортале застоналъ, проклиная на всю улицу неизвѣстнаго силача. Подскочилъ къ Лукину второй смѣльчакъ, но и онъ сейчасъ же оказался за окномъ; третьимъ былъ первый попавшійся подъ руку.

Англичане, озадаченные такими подвигами, съ невольнымъ ужасомъ отступили отъ Лукина и ужь въ почтительномъ разстояніи потребовали отъ него объясненій. Когда объяснилось дѣло, Лукинъ былъ единогласно признанъ правымъ. А на другой день въ лондонскихъ газетахъ разсказывались чудеса про русскаго силача.

Почти тоже повторилось на островѣ Мальтѣ.

Въ бытность свою тамъ, Лукинъ усердно посѣщалъ театры. Однажды во время какого-то выдающагося представленія, онъ чѣмъ-то, чуть-ли не черезчуръ не лестнымъ для исполнителей отзывомъ, разобидѣлъ зрителей-англичанъ, которые почти всѣмъ театромъ набросились на него съ кулаками и стали-было отчаянно боксировать. Но Лукинъ не смутился ни на минуту; схватилъ одного изъ нихъ за ноги и сталъ побивать имъ остальныхъ. Англичане въ ужасѣ отступили и вмѣсто того чтобы принять наиболѣе оборонительныя мѣры и съ честью постоять за себя, начали искренно ему аплодировать, оглашая воздухъ дружными восклицаніями:

— Фора! Виватъ! Браво!

Изъ театра они вынесли его, какъ побѣдителя, на рукахъ и церемоніальнымъ порядкомъ доставили въ гостинницу, которая была свидѣтельницей шумныхъ овацій и большаго кутежа, устроеннаго въ честь Лукина.

На другой день, въ той-же гостинницѣ, во время завтрака, къ Лукину подсаживается англичанинъ и, съ намѣреніемъ подшутить надъ нимъ, спрашиваетъ:

— Вы русскій?

— Да, русскій, отвѣчалъ силачъ.

— Сильный и храбрый?

— Не изъ трусливыхъ.

— И таки-таки ничего не боитесь?

— Ничего!

— Дайте я заколю васъ!

Англичанинъ взялся за остроконечный ножъ и замахнулся на Лукина, который спокойно растегнулъ свой мундиръ и, подставивъ англичанину обнаженную грудь, произнесъ:

— Колите!

Пораженный англичанинъ невольно отступилъ отъ храбраго русскаго офицера и въ восторгѣ сказалъ:

— Молодецъ!

Покончивъ съ завтракомъ, Лукинъ обратился почти съ подобными вопросами къ англичанину:

— Вы англичанинъ?

— Да, англичанинъ.

— Сильный и храбрый?

— О, еще бы!

— Ничего не боитесь?

— Ничего.

— Дайте я вамъ носъ отрѣжу!

— Рѣжьте, бойко отвѣтилъ англичанинъ, не пожелавшій сконфузить себя несогласіемъ и придавая всему этому шуточный характеръ.

Лукинъ съ серьезнымъ видомъ взялъ тотъ самый ножъ, которымъ англичанинъ собирался его колоть и спокойно отрѣзалъ кончикъ носа храбраго собесѣдника, поощрительно произнеся:

— Молодецъ!

Англичанинъ взвылъ, но было уже поздно. За свою шутку ему пришлось жестоко поплатиться.

Говорятъ, что англичанинъ не только не разсердился за это на Лукина, но даже подружился съ нимъ

и, вылечившись, пріѣзжалъ навѣстить друга своего въ Кронштадтѣ.

Разсказываютъ также, что Лукину въ Англіи предложили кулачный поединокъ. Вмѣсто одного, онъ вызвалъ разомъ четырехъ лучшихъ боксеровъ и каждаго изъ нихъ по очереди перекинулъ черезъ свою голову, ухвативъ за поясъ.

Однажды Лукинъ былъ высланъ на берегъ для пріема такелажа съ двадцатью матросами. На берегу въ это время происходило шумное столкновеніе англійскихъ моряковъ съ ихъ канонирами. Лукинъ вмѣшался въ споръ и, наконецъ, вступилъ въ борьбу съ обѣими партіями и въ кулачномъ бою съ своими двадцатью удальцами прогналъ всѣхъ. Въ городѣ поднялся переполохъ. Жители спрятались въ домахъ, а Лукинъ съ пѣснями возвратился на корабль.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Лукинъ какъ-то приходитъ къ своему пріятелю, и не застаетъ его дома.

— Какъ прикажете о васъ доложить спросилъ встрѣтившій его слуга.

— Подай мнѣ кочергу, сказалъ Лукинъ.

Слуга, недоумѣвая, вручилъ ему большую желѣзную кочергу. Лукинъ безъ всякаго усилія связалъ ее двумя узлами и отдалъ пораженному лакею, сказавъ:

— Когда пріѣдетъ домой баринъ, подай эту мою визитную карточку, онъ разберетъ кто былъ.

Лукинъ посѣщалъ французскія спектакли Михайловскаго театра. Однажды онъ замѣтилъ, что сидѣвшій съ нимъ рядомъ франтъ, перемигивается съ дамами, сидѣвшими въ ложѣ, и киваетъ головой на него. Тѣ смѣются. Лукинъ почувствовалъ, что онъ служитъ объектомъ какихъ-то насмѣшекъ для своего сосѣда

по креслу. Однако, онъ молчалъ, ожидая, что будетъ дальше.

А дальше было то, что франтъ съ нимъ заговорилъ.

— Не правда-ли, вы, кажется, не понимаете по французски? Спросилъ незнакомецъ Лукина.

— А вы это почему узнали? Невозмутимо произнесъ силачъ.

— Да это сейчасъ-же видно, продолжалъ франтъ,— поэтому-то я и хочу предложить вамъ свои услуги въ качествѣ переводчика. Хотите я буду объяснять вамъ, что происходитъ на сценѣ?

— Сдѣлайте одолженіе, согласился Лукинъ.

Франтъ сталъ объяснять и умышленно понесъ чепуху. Сидѣвшіе вблизи нихъ, невольно прислушивались къ этому забавному переводу и чуть не въ лицо Лукина фыркали.

Впродолженіи цѣлаго акта франтъ говорилъ вздоръ, но когда занавѣсъ упалъ, Лукинъ громко спрашиваетъ по французски своего услужливаго сосѣда:

— А теперь объясните мнѣ, зачѣмъ вы говорите такой вздоръ?

Франтъ сконфузился.

— Я не думалъ, не зналъ...

— Вѣроятно, вы такъ же не знаете, что я одной рукой могу васъ поднять за шиворотъ и бросить въ ложу къ этимъ дамамъ, съ которыми вы перемигивались?

— Извините...

— Можетъ быть вы слышали мою фамилію, — я Лукинъ.

Франтъ такъ и присѣлъ!

— Идите за мной! Сказалъ ему Лукинъ.

Тотъ безпрекословно повиновался.

Черезъ минуту они были въ буфетѣ. Лукинъ приказалъ слугѣ подать два стакана пунша.

— Пейте!

— Не могу.

— Попробуйте...

— Не пью.

— Не мое дѣло—извольте пить!

Лукинъ говорилъ такимъ тономъ, что ослушаться его франтъ побоялся. Морщась и захлебываясь, онъ опорожнилъ свой стаканъ и хотѣлъ было встать, но Лукинъ не далъ ему двинуться съ мѣста.

— Выпьемъ еще!

— Клянусь честью,—не могу...

— А заставлять другихъ слушать вашъ вздоръ — можете?! Человѣкъ, еще два стакана.

Какъ франтъ не отнѣкивался, однако, принужденъ былъ выпить второй стаканъ, за которымъ послѣдовалъ третій, четвертый. Покончивъ съ восьмымъ стаканомъ, франтъ чуть-ли не потерялъ сознаніе, его замертво-пьянаго вынесли изъ театра на рукахъ, а Лукинъ, какъ ни въ чемъ не было, не смотря на то же количество выпитаго пунша, направился въ партеръ досматривать спектакль.

У Лукина была любимая собака „Бомсъ", отличавшаяся силой и смышленностью. Однажды, когда онъ проходилъ съ нею по довольно глухой мѣстности, на него нападаютъ два мошенника. Одинъ изъ нихъ наведя на Лукина пистолетъ, хриплымъ голосомъ потребовалъ кошелекъ, другой стоялъ на нѣкоторомъ разстояніи, ожидая момента, когда его помощь понадобится для пріятеля.

Лукинъ не растерялся.

— У меня, сказалъ онъ,—денегъ нѣтъ, а есть дорогіе часы.

— Давай часы!

Лукинъ сдѣлалъ видъ, какъ будто полѣзъ за часами, а самъ уловилъ удобную минуту и схватилъ разбойника за руку съ пистолетомъ. Тотъ застоналъ. На помощь ему кинулся было второй злоумышленникъ, но стоило Лукину крикнуть своей собакѣ: „Бомсъ! Пиль!“ какъ тотъ кидается на грудь незнакомца, бросаетъ его на землю и побѣдоносно наступаетъ на него передними лапами. Послѣ нѣсколькихъ пожатій, Лукинъ безбоязненно выпустилъ руку мошенника: она и пистолетъ оказались совершенно измятыми. Пистолетъ онъ отобралъ себѣ на память, а мошенниковъ отпустилъ, напутствуя ихъ совѣтомъ въ другой разъ быть осторожнѣе...

Однажды императрица Марія Ѳеодоровна, лично знавшая Лукина, пригласила его обѣдать, въ Павловскъ и за обѣдомъ пожелала видѣть его силу. Лукинъ взялъ двѣ серебрянныя тарелки и свернулъ ихъ въ воронку такъ искусно, что нельзя было сказать, что тутъ двѣ тяжелыя тарелки. Государыня спрятала ихъ на память объ этомъ необычайномъ силачѣ.

При отправленіи изъ Кронштадта синявинской эскадры, императоръ Александръ I посѣтилъ корабль „Рафаилъ“, которымъ командовалъ Лукинъ. Замѣтивъ, что командиръ грустенъ, государь спросилъ о причинѣ. Лукинъ отвѣтилъ, что его угнетаетъ предчувствіе...

— Какое?

— Не вернуться мнѣ болѣе на родину.

(Дѣйствительно, предчувствіе его не обмануло: не-

пріятельское ядро разорвало Лукина на двѣ части въ Афонскомъ сраженіи).

Императоръ, что-бы утѣшить его, сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ и пожелалъ имѣть отъ Лукина что-нибудь на память объ его силѣ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Лукинъ.

Досталъ онъ изъ кармана серебрянный цѣлковый, въ то время большой и тяжелый, слѣпилъ изъ него-какъ будто изъ воску чашечку и подалъ государю.

В. Т. Костенецкій.

Генералъ Костенецкій, служившій въ арміи при императорѣ Александрѣ I, славился своею чудовищною силою, на избытокъ которой, однако, почти не обращалъ вниманія. Онъ умеръ въ 1831 году, уже въ почтенномъ возрастѣ и до самой смерти его желѣзные мускулы ему не измѣняли.

Государь зналъ объ его силѣ и дивился на нее.

Въ одномъ изъ сраженій съ французами въ 1800 году, когда на батарею, которою командовалъ Костенецкій, бросились польскіе уланы, перебили всю прислугу и, разумѣется, взяли-бы батарею, но Костенецкій, схвативши банникъ, началъ отмахиваться имъ направо и налѣво, благодаря чему многіе изъ враговъ оказались перебитыми, а остальные въ страхѣ убѣжали.

Когда Александръ Павловичъ сталъ благодарить его за такой подвигъ, онъ сказалъ государю, что на-

добно-бы ввести въ артиллерію вмѣсто деревянныхъ, желѣзные банники.

Императоръ ему возразилъ:

— Мнѣ не трудно сдѣлать это, но гдѣ найти такихъ Костенецкихъ, которые могли-бы владѣть ими!

Костенецкій велъ жизнь необыкновенно оригинальную: одѣвался въ длиннополый военный сюртукъ и носилъ чрезвычайно высокую форменную фуражку, по которой его можно было всегда отличить въ толпѣ.

Онъ совершенно не ощущалъ холода и никогда, даже въ жестокіе морозы, не отапливалъ своей квартиры.

Спалъ онъ на жесткомъ кожанномъ диванѣ, безъ простыни и одѣяла; подушка тоже жесткая и кожанная.

Возлѣ крыльца дома, гдѣ онъ проживалъ зимой, всегда была наметана куча снѣга, и онъ какъ только утромъ просыпался, сейчасъ-же вскакивалъ съ постели и отправлялся совершенно раздѣтымъ къ крыльцу и, кидаясь въ эту кучу снѣга, барахтался въ ней столько времени, что отъ разгоряченнаго тѣла начиналъ подниматься паръ.

У этого оригинальнаго человѣка все было по своему. Онъ и чай пилъ не такъ, какъ всѣ пьютъ: обыкновенно Костенецкій обходился безъ чайника, клалъ чай прямо въ стаканъ, наливалъ его горячей изъ самовара водой, и когда чай настаивался, онъ пилъ его безъ сахара и потомъ жевалъ чайные листья, находя въ этомъ гастрономическое наслажденіе.

Въ отношеніи пищи онъ былъ не взыскателенъ. Его любимое меню: щи или борщъ, изрѣзанная говядина и каша. Этимъ кушаньямъ онъ не измѣнялъ всю жизнь. Причемъ слѣдуетъ замѣтить, что ни водки, ни

вина не употреблялъ никогда, даже въ экстренныхъ случаяхъ.

Разумѣется, и у этого сильнаго характеромъ человѣка водилась своя слабость—онъ робѣлъ передъ какимъ-то невѣдомымъ врагомъ. Не взирая на свой миролюбивый характеръ, Костенецкій боялся какого-то мщенія и вѣчно носился съ неотвязною мыслью, что его когда-нибудь да отравятъ. Чтобы предупредить такую опасность, онъ хотѣлъ пріучить себя не бояться никакой отравы и для этого носилъ всегда въ карманѣ кусокъ мышьяку, который ежедневно поутру лизалъ языкомъ по нѣсколько разъ, каждый день постепенно увеличивая порцію пріема, и такимъ образомъ довелъ свой организмъ до того, что уже довольно-таки большое количество яда, который былъ-бы смертельнымъ для всякаго другого человѣка, на него не производилъ никакого вреднаго дѣйствія.

Костенецкій былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ; на его стройную фигуру и красивое лицо заглядывались женщины, которыхъ къ слову сказать, онъ очень любилъ. Но женитьбы, однако, боялся и умеръ холостякомъ.

Служилъ онъ въ артиллеріи, считался образованнымъ и очень свѣдующимъ въ своемъ дѣлѣ. Подчиненные его любили и боялись. Его грѣшно было-бы назвать черезчуръ взыскательнымъ, но нѣкоторые его причуды заставляли трепетать передъ нимъ многихъ.

Обладая огромной силой, Костенецкій совершенно безъ всякихъ усилій ломалъ подковы, сгибалъ серебрянные рубли, а мелкое серебро складывалъ въ четыре раза, какъ клочекъ бумаги.

Однажды, въ Кіевѣ, въ одномъ обществѣ дамы,

желая подшутить надъ нимъ, поднесли ему на тарелкѣ очень искусно сдѣланную каменную грушу и просили его скушать.

Костенецкій, замѣтя обманъ, взялъ грушу въ руку и, какъ-бы нечаянно раздавивши ее, воскликнулъ:

— Ахъ, какая она мягкая!

ШТУКАРИ И ФОКУСНИКИ.

Типы.

Автоматическій шахматистъ.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II въ Петербургѣ появился механикъ Кемпеленъ, показывавшій очень большую диковину—автоматическаго игрока въ шахматы.

Придуманный Кемпеленомъ автоматъ такъ искусно игралъ въ эту мудреную игру, что самые завзятые шахматисты не могли съ нимъ совладать.

Общему изумленію не было конца. Кемпеленъ объѣхалъ съ этой диковиной полсвѣта и всюду имѣлъ колоссальный успѣхъ.

Объ автоматѣ говорили, какъ о всемірномъ чудѣ; механика Кемпелена произвели было въ геніи. Тамъ, гдѣ Кемпеленъ не успѣлъ еще побывать, его ожидали съ нетерпѣніемъ. О матеріальномъ успѣхѣ и говорить нечего,—вмѣстѣ съ лаврами, хитроумный изобрѣтатель пожиналъ обильную дань деньгами...

Впервые автоматъ Кемпелена показывался въ Варшавѣ. Первый дебютъ его состоялся 10 октября 1776 года. Объ этомъ сохранилась точная дата.

Автоматъ былъ сдѣланъ въ ростъ человѣка, но, однако, весьма тучнаго. Облаченъ онъ былъ въ костюмъ богатаго турка. Передъ автоматомъ стоялъ ящикъ, на которомъ находилась шахматная доска. Ящикъ этотъ въ длину не превышалъ трехъ футовъ, а ширина его достигала всего только девять дюймовъ.

Передъ началомъ партіи, механикъ показывалъ публикѣ всѣ затѣйливыя пружины, различные колеса и цилиндры, устроенные въ ящикѣ. Подъ конецъ вынималъ изъ того же ящика шахматы и подушку, на которую обязательно долженъ былъ облокотиться привередливый автоматъ.

Показавъ устройство ящика, Кемпеленъ переходилъ къ автомату: снималъ съ него нѣкоторыя части туалета и давалъ зрителямъ полную возможность осмотрѣть внутреннее устройство этой изумительной куклы. Зрители очень внимательно разсматривали всѣ механическія приспособленія, пытаясь проникнуть въ секретъ изобрѣтателя, но кромѣ пружинъ и колесиковъ никто ничего не видѣлъ и автоматъ продолжалъ быть интересною загадкою для всѣхъ.

Послѣ подробнаго осмотра публикою механизма. Кемпеленъ заводилъ автоматъ ключемъ. Нарѣзные и зубчатые колесики трещали, громко передвигались цѣпи и вообще получалось впечатлѣніе весьма сложнаго механическаго движенія.

Свою готовность начать партію, автоматъ обозначалъ кивкомъ головы.

— Кому угодно съиграть съ механическимъ шахматистомъ?

Такъ приглашалъ Кемпеленъ партнеровъ для автомата.

Первый ходъ дѣлалъ автоматъ.

Онъ бралъ пальцами пѣшку, переносилъ ее на другое мѣсто и клалъ руку на лежавшую около него подушку.

До хода партнера, автоматъ обыкновенно хранилъ неподвижность и сосредоточенность. Но послѣ того, какъ партнеръ передвигалъ которую-нибудь изъ фигуръ, механическій шахматистъ дѣлалъ движеніе и поражалъ окружающихъ осмысленностью своей игры.

Такъ какъ автоматъ не могъ объясняться, то механикъ Кемпеленъ предупреждалъ обыкновенно, что троекратное наклоненіе головы куклы будетъ значить шахъ королю, а двукратное—шахъ королевѣ.

И дѣйствительно, съ точностью разумнаго существа, автоматъ объявлялъ противнику кивкомъ головы о послѣдствіяхъ своихъ остроумныхъ ходовъ и комбинацій.

Какъ бы ни былъ силенъ игрокъ, а автоматъ его побѣждалъ и обнаруживалъ при этомъ большую опытность.

Можно-ли было не удивляться на эту диковину? Но удивленія было недостаточно, народъ волновался, мучился въ догадкахъ и успѣхъ Кемпелена былъ обезпеченъ на долгое время. Онъ надѣлалъ шума не только въ Россіи, но и вся Европа слѣдила за нимъ съ непрерывнымъ интересомъ.

Сама императрица Екатерина II, много наслышанная про кемпеленовскій механизмъ, пожелала видѣть знаменитаго автоматическаго шахматиста и убѣдиться лично въ его искусствѣ.

Разумѣется, автоматъ этотъ и на государыню произвелъ громадное впечатлѣніе, она, какъ и всѣ осталь-

ные, не знала какъ назвать изобрѣтательность Кемпелена—фокусомъ или геніальностью.

Однако, будучи заинтересованной, императрица изъявила желаніе купить чудеснаго автомата, но Кемпеленъ отклонилъ это предложеніе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что безъ его личнаго присутствія, какъ изобрѣтателя и техника, эта кукла не будетъ производить надлежащаго эффекта. Онъ увѣрилъ государыню, что безъ него, автоматъ неизбѣжно потеряетъ престижъ искуснаго шахматиста, потому что механизмъ его требуетъ особеннаго вниманія, которое не можетъ быть усвоено никѣмъ другимъ, какъ только имъ, самимъ изобрѣтателемъ...

И долго еще Кемпеленъ дурачилъ публику, но въ одинъ прекрасный день его секретъ былъ случайно открытъ.

Оказалось, что его шахматный автоматъ самое обыкновенное шарлатанство, даже не заключающее въ себѣ фокуса.

Въ автоматѣ помѣщался безногій и съ одной лѣвой рукой полякъ Воронскій, пострадавшій во время смутъ перваго раздѣла Польши. Во время уличной схватки, Воронскій былъ раненъ въ обѣ ноги и руку, но не смотря на такія поврежденія все-таки успѣлъ спастись. Онъ сползъ въ ровъ и укрылся отъ побѣдителей. Искусные врачи его вылѣчили, отняли правую руку и обѣ ноги. Онъ остался калѣкой и нищимъ, потому что утратилъ способность къ труду. Что было дѣлать, за что приняться? Когда-то въ прошломъ, Воронскій былъ статенъ, красивъ, уменъ, пользовался успѣхомъ въ дамскомъ обществѣ, и—вдругъ такое уродство! Не желая вызывать сожалѣнія у лю-

дей, Воронскій поклялся не показываться никому на глаза и самоотверженно сдержалъ свое слово. Онъ самъ придумалъ механизмъ, въ которомъ могъ бы дѣйствовать, какъ автоматическій шахматный игрокъ. Механикъ же Кемпеленъ былъ только его соучастникомъ и помощникомъ.

Русскій Каліостро.

Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ въ числѣ бродячихъ фокусниковъ, заполонявшихъ нашу провинцію, былъ одинъ довольно искусный „профессоръ черной и бѣлой магіи“, разъѣзжавшій по западному краю подъ громкимъ именемъ графа Каліостро.

Благодаря своей оригинальной находчивости и дѣйствительной ловкости, онъ стяжалъ себѣ своеобразную славу, впрочемъ, очень не долговременную и не выходившую изъ предѣловъ „злобы дня“.

Разумѣется, столь популярное афишное имя его было псевдонимомъ, по виду же на жительство онъ значился „отставнымъ штабсъ-капитаномъ Григорьевымъ“.

Въ большинствѣ его фокусы были чрезвычайно интересны, тѣмъ болѣе, что продѣлывались они безъ малѣйшихъ приготовленій или аппаратовъ; все достоинство ихъ заключалось именно въ ловкости рукъ, которыя своимъ развитіемъ возбуждали неподдѣльное удивленіе зрителей.

Эпизодъ пребыванія этого новаго Каліостро въ городѣ Витебскѣ, въ 1871 году, въ свое время произвелъ сенсацію и былъ долгое время предметомъ безконечныхъ толковъ.

До появленія своего въ Витебскѣ, Григорьевъ былъ „проѣздомъ“ въ Динабургѣ и въ мѣстномъ театрѣ давалъ свои магико-волшебные сеансы. Публика, недовѣрчивая къ фокусникамъ вообще, а къ незнакомымъ въ особенности, въ скудномъ количествѣ посѣщала его представленія, не смотря даже на то, что они были анонсированы крайне заманчиво и били въ носъ своими хитроумными превращеніями, исчезновеніями и появленіями.

Обезкураженный матеріальнымъ неуспѣхомъ, Каліостро хотѣлъ-было пустить въ ходъ одно изъ вѣрныхъ своихъ средствъ, не разъ испытанное и всегда дѣйствовавшее благопріятнымъ образомъ на податливую провинціальную публику, падкую на всевозможныя надувательства, но начальствомъ таковое разрѣшено не было.

Изобрѣтательность же его въ дѣлѣ обхаживанія благодушныхъ россіянъ не имѣла границъ и въ своемъ родѣ была безпримѣрна. Многое множество различныхъ продѣлокъ, уже давно перешедшихъ, благодаря своему обыкновенно потѣшному свойству, въ область анекдотовъ, должны признать въ немъ своего остроумнаго автора. Напримѣръ, Григорьеву-Каліостро принадлежитъ вывѣска одного изъ ярмарочныхъ балагановъ, заманчиво гласившая: „здѣсь показывается лошадь, у которой хвостъ тамъ, гдѣ у всѣхъ лошадей голова“. Разумѣется, на такое чудовище публика шла охотно и усердно наполняла кассу гривенниками, полагая по

простотѣ душевной, что импрессаріо этого необычайнаго урода чрезвычайно добросовѣстный человѣкъ, ибо за такую диковину можно было бы взимать съ любопытныхъ вдвое и даже втрое дороже, а не удовлетворяться сущими пустяками.

Внутренность этого балагана изображала конюшню въ одно стойло. Глазамъ разочарованныхъ зрителей представлялась самая обыкновенная лошадь, ровно ничѣмъ не отличающаяся отъ всякой другой лошади. Вся же соль ловкаго обмана заключалась въ томъ, что этотъ мнимый феноменъ былъ привязанъ къ яслямъ не за голову, какъ это всегда дѣлается, а за хвостъ. Посѣтители за эту штуку на него не претендовали и онъ въ продолженіи всей ярмарки безпрепятственно обиралъ гривенники съ непосвященныхъ въ его фокусъ.

Такъ же извѣстна другая его балаганная вывѣска, на которой крупно, но не совсѣмъ выразительно было начертано: „здѣсь угадываютъ". Входная плата была назначена тоже что-то не болѣе десяти копѣекъ. Этотъ балаганъ имѣлъ сквозной проходъ и маленькую отгороженную каморку, въ которую публика входила по одиночкѣ. Коморка имѣла таинственный видъ: вся сплошь была обита черным сукномъ, на небольшомъ возвышеніи стоялъ черный столъ, на столѣ красовалась черная ваза, прикрытая черной же салфеткой.

У стола стоялъ самъ Каліостро. Каждому вошедшему онъ учтиво говорилъ:

— Потрудитесь окунуть палецъ въ вазу!

И когда посѣтитель исполнялъ это, Каліостро предлагалъ ему поднести палецъ къ носу:

— Прошу васъ понюхать!

Посѣтитель нюхалъ и, корча противную гримасу, обыкновенно восклицалъ:

— Фи! Какіе-то помои...

— Угадали! — торжественно объявлялъ Каліостро и впускалъ новаго посѣтителя. Такимъ образомъ угадывалъ и слѣдующій любопытный.

Нужно замѣтить, что этотъ способъ добыванія денегъ употреблялся имъ исключительно въ критическія минуты, потому что онъ не вездѣ одинаково удавался. Случалось такъ, что въ день же открытія этого балагана, полиція предлагала ему убираться по добру, по здорову, рѣзко аргументируя всю опасность дальнѣйшаго его пребыванія въ ихъ городѣ. Но бывало, разумѣется, и такъ, что онъ благодушествовалъ подъ сѣнью своего сарая продолжительное время и набиралъ изрядную сумму денегъ. Эта продѣлка его замѣчательна главнымъ образомъ тѣмъ, что всякій побывавшій въ его балаганѣ и, слѣдовательно, поддѣтый на не особенно замысловатый обманъ, былъ крайне недоволенъ происшедшимъ и при встрѣчѣ съ знакомыми навязчиво совѣтовалъ посѣтить Каліостро, увѣряя, что онъ удивитъ ихъ такъ, какъ удивилъ его, причемъ они также всѣмъ будутъ говорить то же, что теперь онъ говоритъ имъ. И дѣйствительно, новые посѣтители передавали въ точно такой же формѣ свои впечатлѣнія своимъ знакомымъ, тѣ въ свою очередь своимъ и т. д., словомъ — никто не хотѣлъ считать обманутымъ только себя

Ему же приписываютъ фокусъ, который въ какомъ то городѣ онъ помѣтилъ на афишѣ заключительнымъ номеромъ: «Г. Каліостро на глазахъ почтеннѣйшей публики съѣстъ живого человѣка». Это сильно подѣйствовало на сборъ, и народъ, тѣсно переполнившій залъ

мѣстнаго клуба, въ которомъ состоялся сеансъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца представленія. Наконецъ наступаетъ моментъ „людоѣдства". Каліостро очень развязно появляется на эстрадѣ и, обращаясь къ публикѣ, говоритъ:

— Согласно своему обѣщанію съѣсть живого человѣка, покорнѣйше прошу кого нибудь изъ васъ пожаловать ко мнѣ сюда для эксперимента.

Въ публикѣ недоумѣвающее молчаніе.

Послѣ небольшой паузы, Каліостро заявляетъ:

— И такъ никто не хочетъ быть съѣденнымъ? Въ такомъ случаѣ какъ же я могу показать этотъ фокусъ? Вы видите, господа, всю мою готовность и вмѣстѣ съ тѣмъ положительную невозможность. .

Поднимается шиканье. Ничуть не смущаясь, фокусникъ обращается къ исправнику съ вопросомъ:

— Не угодно ли вамъ быть съѣденнымъ?

— Нѣтъ, не угодно,— отвѣчаетъ тотъ.

— А вамъ? — спрашиваетъ Каліостро его сосѣда, акцизнаго чиновника.

— Тоже не угодно.

— Господа, изъ васъ кто не пожелаетъ ли попасть мнѣ на зубокъ?— обратился импровизированный людоѣдъ къ послѣднимъ рядамъ партера.

Шиканье мало-по-малу замѣнилось смѣхомъ. Каліостро хотѣлъ было, раскланявшись, покинуть эстраду, какъ въ публикѣ раздается чей-то протестующій возгласъ:

— Нѣтъ, ты погоди! Насъ не надуешь!

— Гдѣ же васъ надуть,—острите фокусникъ,—вы не пузырь...

Въ креслахъ поднимается мощная фигура купца,

въ антрактахъ дѣлавшаго обильныя возліянія Бахусу, и протискивается къ Каліостро.

— Ну-ка, слопай меня!

— Съ удовольствіемъ! Потрудитесь наклониться, я пачну васъ съ шеи...

— Купецъ исполнилъ требованіе фокусника и наклонился. Каліостро съ равнодушнымъ видомъ схватилъ зубами его шею и сталъ ее грызть. Отъ нестерпимой боли, купецъ завопилъ благимъ матомъ и, вырвавшись отъ людоѣда, при громкомъ хохотѣ всего общества убѣжалъ къ выходу.

— Этотъ субъектъ очень нервный,—замѣтилъ фокусникъ,—нѣтъ ли кого съ большей силой духа и характера?

Само-собой понятно, что другого никого не нашлось и Каліостро объяснилъ зрителямъ, что програму вечера нужно считать исполненною въ точности, ибо не по своей винѣ онъ не можетъ проглотить человѣка.

Находчивость его въ подобномъ родѣ была неисчерпаема и разнообразна. Въ Динабургѣ онъ тоже хотѣлъ было устроить что-нибудь въ этомъ духѣ и тѣмъ поправить свой финансовой кризисъ, но предусмотрительная полицейская власть на всѣ его предпріятія отвѣтствовала вѣскимъ отпоромъ.

Выѣхать изъ Динабурга непосчастливившемуся фокуснику было не съ чѣмъ, заработка не предвидѣлось никакого и пришлось ему сидѣть у моря и ждать погоды. Въ это время онъ свелъ знакомство съ актерами, и между прочимъ съ Ларинымъ, молодымъ человѣкомъ, тогда только-что начинавшимъ свою театральную карьеру. Онъ сталъ навѣщать его довольно часто и об-

стоятельно выспрашивать: у кого изъ актеровъ есть деньги?

— У нашей комической старухи,—сказалъ однажды Ларинъ, — капиталъ въ триста рублей имѣется Она на-дняхъ хвастала своимъ пятилѣтнимъ сбереженіемъ...

— А нельзя ли у ней этотъ капиталъ подъ большой процентъ занять?—радостно воскликнулъ Каліостро.

— Наврядъ—скупа и упряма.

— А пойдемъ-ка, милый мальчикъ, къ ней да поговоримъ. Быть можетъ и поладимъ.

Комическая старуха на-отрѣзъ отказала въ заимообразномъ ссуженіи своихъ сбереженій незнакомому человѣку.

— Черезъ двѣ недѣли за триста отдамъ четыреста,—сказалъ Каліостро и, указывая на Ларина, прибавилъ:—если не вѣрите моему честному слову, то повѣрьте его поручительству за меня. Онъ вашъ товарищъ и въ обиду васъ, разумѣется, не дастъ...

— Знаю я вашего брата! Пока берете — хорошо поете, а потомъ ищи васъ по бѣлу свѣту. Нѣтъ, не дамъ!

— Кого другого, а честнаго труженика не обижу. Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, что черезъ двѣ недѣли всѣ ваши деньги будутъ снова въ вашихъ рукахъ.

— Да на что онѣ вамъ?

— На оборотъ, на вѣрный, безусловно выгодный...

— Ахъ, если бъ вы знали, какимъ трудомъ, какими лишеніями скоплены мои гроши...

— Знаю, отлично знаю... И если вы меня теперь выручите, я не только сто рублей переплачу, а триста, т. е. всего я отдамъ вамъ шестьсотъ...

Такой солидный процентъ соблазнилъ старуху и при третьемъ его визитѣ, она при Ларинѣ, какъ при сви-

дѣтелѣ, вручила Каліостро все свое богатство, однако, подъ условіемъ, чтобы въ свое недалекое (г. Витебскъ) турнэ онъ непремѣнно бы взялъ Ларина, который пообѣщалъ ей «не выпускать его изъ глазъ».

— А какъ вдругъ вы не наживете, а проживете?— сказала при прощаніи старуха.—Что тогда?

— Этого не можетъ быть, — увѣренно отвѣтилъ должникъ.—Я графъ Каліостро! Я камни превращу въ золото, не отнимайте только отъ меня свободу дѣйствій. Знаменитую фразу Архимеда я ставлю своимъ девизомъ: дайте мнѣ точку опоры и я приподниму землю...

Подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ Ларинъ отпросился у антрепренера въ двухъ-недѣльный отпускъ и поѣхалъ сопровождать Каліостро въ видѣ его помощника.

Отправились они въ Витебскъ. Остановились въ лучшей гостинницѣ, заняли самый дорогой номеръ и заказали цѣнный обѣдъ съ шампанскимъ.

Ларинъ съ сокрушеніемъ посматривалъ на изводимыя напрасно деньги и даже высказалъ это своему патрону, но тотъ, разсмѣявшись, отвѣтилъ:

— Иначе нельзя: я графъ Каліостро! Въ сущности, по моему званію и это-то все мизерно. Впрочемъ, ты, милый мальчикъ, не разсуждай, а то все дѣло испортишь. Молчи, гляди да учись...

На другой день по городу появились огромнаго размѣра афиши, извѣщавшія витебскихъ гражданъ о прибытіи въ ихъ городъ „знаменитаго чародѣя“. Черезъ два дня состоялся первый магическій вечеръ, сборъ съ котораго едва покрылъ расходъ.

Ларинъ опять сталъ отчаяваться.

— Погоди,—утѣшалъ его Каліостро, —деньги лопа-

той загребать будемъ, дай только губернатора на нашъ вечеръ заманить.

— Зачѣмъ онъ намъ?

— Для увѣрованія въ мою чудодѣйственную силу. Нѣкое разрѣшеніе отъ него потребуется.

На второмъ представленіи губернаторъ съ супругой сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ. Какимъ-то образомъ, черезъ кого-то Каліостро добился желаннаго посѣщенія начальникомъ губерніи его сеанса.

Въ этотъ вечеръ Каліостро показалъ между прочими фокусами одинъ такой, который привелъ въ восторгъ всю публику, собравшуюся опять въ небольшомъ количествѣ, и самого губернатора.

Фокусъ состоялся вотъ въ чемъ: Каліостро подошелъ къ губернатору и учтиво заговорилъ:

— Ваше превосходительство! Позвольте мнѣ попросить у вашей супруги на одну минуту ея носовой платокъ. Я обращаюсь къ вашему превосходительству именно потому, чтобы почтенная публика не могла меня заподозрить въ какомъ-либо плутовствѣ или въ сообщничествѣ съ кѣмъ-либо изъ присутствующихъ.

Губернаторъ любезно согласился на это.

Получивъ отъ губернаторши платокъ, Каліостро, прежде всего, попросилъ осмотрѣть его самой владѣлицѣ, а потомъ передалъ его для обозрѣнія остальной публикѣ.

— Прошу обратить особенное вниманіе на духи и мѣтку,—предупредительно сказалъ фокусникъ.

Когда окончился осмотръ платка, Каліостро тутъ-же, на виду присутствующихъ, не входя на эстраду, разорвалъ его на мелкіе клочки и передалъ эти клочки для вторичнаго осмотра зрителямъ, которые безъ всякихъ

возраженій признали въ нихъ тотъ самый платокъ, который только-что разглядывали. Значитъ, въ подлинности платка не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что и требовалось доказать.

Послѣ этого, Каліостро приказалъ своему помощнику Ларину подать ему револьверъ, который, опять-таки среди публики, онъ зарядилъ шелковыми клочками и попросилъ присутствовавшаго въ числѣ зрителей юнаго полоцкаго кадета выстрѣлить изъ него въ горѣвшую на эстрадѣ свѣчу...

Раздался выстрѣлъ... свѣча потухла... Револьверъ пошелъ по рукамъ публики, которая не замѣтила въ немъ ничего подозрительнаго.

Каліостро взялъ потухшую отъ выстрѣла свѣчу, разломилъ ее пополамъ; въ рединѣ ея оказался маленькій аккуратный свертокъ, бантообразно перевязанный розовой ленточкой. Свертокъ этотъ онъ передалъ губернаторшѣ, прося ее собственноручно его развернуть.

Удивленію не было границъ, когда въ рукахъ губернаторши оказался ея платокъ, который, по просьбѣ торжествовавшаго Каліостро, вновь передался публикѣ для удостовѣренія. Всѣ внимательно осматривали его и съ удивленіемъ признавали въ немъ только-что разорванный.

— Прошу особенное вниманіе обратить на духи и мѣтку,—повторилъ чародѣй, созерцая впечатлѣніе, произведенное удачнымъ фокусомъ.

Губернаторъ и вся публика остались очень довольны этимъ вечеромъ, отзываясь о Каліостро съ большой похвалой.

Каліостро ликовалъ отъ успѣха и, пріѣхавъ въ гостинницу, радостно замѣтилъ Ларину:

— Ну, теперь дѣло въ шляпѣ! Послѣ этого фокуса губернаторъ разрѣшитъ намъ все, что угодно.

— Судя по первымъ двумъ сборамъ,—отвѣтилъ собесѣдникъ,—трудно разсчитывать на какія-либо барыши въ этомъ захолустьѣ...

— Ты, милый мальчикъ, юнъ и неопытенъ: молчи и приглядывайся...

На другой день съ утра до вечера Каліостро принималъ какихъ-то подозрительныхъ факторовъ, мѣстныхъ старожилъ еврейскаго происхожденія, и о чемъ-то съ ними таинственно перешептывался. Позднимъ вечеромъ онъ заявилъ Ларину, что уѣзжаетъ дня на два изъ Витебска.

— А какъ-же я-то?—испуганно спросилъ Ларинъ.

— Погоди меня здѣсь... О гостинницѣ не безпокойся, я за все заплатилъ и къ тебѣ никто не предъявитъ никакихъ требованій; на карманные расходы вотъ тебѣ десять рублей...

Ларину, разумѣется, больше ничего не оставалось сдѣлать, какъ примириться съ отъѣздомъ Каліостро и ожидать его возвращенія, на которое, впрочемъ, онъ плохо надѣялся, предполагая, что шустрый фокусникъ просто-на-просто отъ него убѣгаетъ. Однако, рѣшается прожить въ Витебскѣ эти завѣщанные два дня и не тратить карманныя деньги, которыя, въ случаѣ если оправдается подозрѣніе, должны пойти на обратную дорогу въ Динабургъ...

Фокусъ съ платкомъ губернаторши оказался чрезвычайно простымъ, но по закулиснымъ комбинаціямъ крайне сложнымъ. Каліостро разрывалъ на клочки дѣйствительно тотъ самый платокъ, который получилъ отъ жены начальника края, а ей возвратилъ другой ея же

платокъ, добытый имъ наканунѣ за приличное вознагражденіе отъ губернаторской горничной, постаравшейся для щедраго фокусника даже надушить его любимыми духами своей госпожи. Разумѣется, до такой сути дѣла додуматься никто не могъ, и фокусомъ этимъ, покрытымъ непроницаемой таинственностью, Каліостро завоевалъ себѣ довѣріе.

Аккуратно черезъ двое сутокъ, позднимъ же вечеромъ, когда Ларинъ сталъ-было отходить ко сну, въ номерѣ появился Каліостро въ сопровожденіи какой-то дамы, лицо которой скрывала густая вуаль. Магъ и волшебникъ предупредительно помогъ ей снять верхнее платье, освободилъ ее отъ вуали и представилъ своему помощнику, не безъ удивленія разсматривавшему неожиданную гостью.

— Это Сонамбула! — многозначительно произнесъ Каліостро.—Другого имени ей нѣтъ. Ты долженъ тщательно сохранить ея инкогнито

Сонамбула имѣла еврейскій типъ лица и смѣло могла называться красавицей. Густые черные волосы прихотливыми прядями спускались почти до колѣнъ; черты смуглой физіономіи были правильны и рѣзки; большіе темные глаза, обрамленные длинными рѣсницами, смотрѣли умно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плутовато. Ларинъ съ любопытствомъ разглядывалъ ее и никакъ не могъ дать себѣ отчета: что за Сонамбула и для какой цѣли привезена изъ какого-то далека хитроумнымъ штукаремъ Каліостро?

Каліостро и Ларинъ, какъ подобаетъ галантнымъ кавалерамъ, спальное отдѣленіе своего номера уступили гостьѣ, а сами помѣстились на диванахъ.

На слѣдующее утро, Каліостро отправился къ гу-

бернатору и лично просилъ его разрѣшенія показать въ Витебскѣ спящую красавицу Сонамбулу, отгадчицу и предсказательницу, пользующуюся, будто-бы, громкою извѣстностью во всѣхъ городахъ Европы. Заручившись разрѣшеніемъ губернатора, предпріимчивый импрессаріо Сонамбулы нашелъ подходящее помѣщеніе и два дня посвятилъ на его отдѣлку, имѣвшую удручающій видъ. Нанятое помѣщеніе состояло изъ двухъ просторныхъ комнатъ удобно расположенныхъ между прихожей съ одной стороны и кухней—съ другой. Два хода, дѣлавшіе квартиру сквозною, какъ нельзя лучше соотвѣтствовали цѣли нанимателя: парадная дверь—входная, задняя—выходная. Обѣ комнаты сплошь, т. е. включая полъ и потолокъ, Каліостро обтянулъ тяжелою черною матеріей, причемъ первую комнату уставилъ черными-же табуретами, а вторую — украсилъ турецкимъ диванчикомъ, обтянутымъ чернымъ бархатомъ.

По городу расклеились огромныя афиши, извѣщавшія жителей о „прибывшей на самое короткое время знаменитой дѣвицѣ Сонамбулѣ, предвѣщательницѣ и угадчицѣ, уроженкѣ дальняго Востока, славящагося колдовствомъ и тайною силою". Въ назначенный день открытія „таинственнаго капернаума", Ларинъ принялъ на себя обязанности кассира, а восточная дѣвица Сонамбула въ фантастическомъ черномъ одѣяніи возлегла на диванчикѣ. Поза ея была эффектна, глаза закрыты.

Входной билетъ стоилъ одинъ рубль, — цѣна для такого города, какъ Витебскъ, очень дорогая. Въ первый день сборъ достигъ только шести-рублевой суммы. Ларинъ отчаявался и предвѣщалъ всѣмъ затѣямъ полнѣйшее фіаско. Каліостро его утѣшалъ:

— Ты погоди до завтра, посмотри, что завтра будетъ...

На другой день сборъ дѣйствительно поднялся до ста рублей, на третій — до трехсотъ, на четвертый— Ларинъ не успѣвалъ продавать билеты.

Въ чемъ-же скрывался такой необычайный успѣхъ предпріятія Каліостро?—Въ удивительной способности Сонамбулы „разгадывать каждаго человѣка“. Процедура разгадыванія была такова: въ комнату ясновидящей посѣтители впускались самимъ Каліостро по одиночкѣ. Входившій останавливался у двери и инстинктивно слѣдилъ за движеніями губъ Сонамбулы, которая вялымъ, соннымъ голосомъ говорила, примѣрно, слѣдующее:

— Антонъ Ивановичъ Максимовъ... Вамъ тридцать пять лѣтъ... Женаты уже десятый годъ на Аннѣ Васильевнѣ Кривцовой... У васъ трое дѣтей: два сына и дочь. Зовутъ ихъ: Петръ, Александръ и Елена... въ Витебскѣ живете съ 1865 года... Служите въ земствѣ, жалованья получаете пятьдесятъ два рубля...

Такія безошибочныя свѣдѣнія поражали посѣтителя и онъ жадно прислушивался къ ея словамъ, выжидая предсказанія будущаго, которое, вѣроятно, будетъ такъ-же правдиво.

— Вы будете очень богаты... Ваши дѣти будутъ счастливы...

Или:

— Пріобрѣтите банковый билетъ — васъ ожидаетъ крупный выигрышъ...

И т. д. въ этомъ-же родѣ.

Замѣчательно, что будущее каждаго, приходившаго къ ней изъ любопытства, обрисовывалось непремѣнно въ розовомъ свѣтѣ: она слишкомъ щедро всѣхъ надѣ-

няла богатствомъ и всякому, безъ исключенія, сулила счастье. Разумѣется, на посѣтителей такія пріятныя предсказанія дѣйствовали отрадно и возбуждали симпатіи къ личности загадочной Сонамбулы.

Ея пребываніе въ Витебскѣ произвело положительную сенсацію; непремипули узрѣть ее даже такіе господа, которые до этого относились скептически ко всякимъ ворожбамъ, гаданіямъ, находя всѣ эти эксперименты наглымъ шарлатанствомъ Про Сонамбулу-же, при всемъ своемъ желаніи, они не могли сказать ничего такого, что могло-бы поколебать ея славу. Впрочемъ, вѣрные своему принципу, они отозвались о ней какъ о феномальной фокусницѣ, но какого-нибудь особеннаго значенія ей не придавали. Такая шаткость мнѣній скептиковъ, разумѣется, подорвала ихъ авторитетъ и публика еще съ большимъ довѣріемъ стала относиться къ непостижимой спящей красавицѣ.

Въ одну недѣлю Каліостро составилъ цѣлое состояніе и, вѣроятно, въ другую-бы его значительно увеличилъ, если-бы не послѣдовалъ внезапный приказъ губернатора, которымъ предписывалось фокуснику Каліостро удалиться въ двадцать четыре часа изъ предѣловъ Витебской губерніи, «за эксплуатацію жителей обманными дѣяніями, совершаемыми имъ совмѣстно съ еврейкою Ривкою Р—ль, именующею себя Сонамбулой“.

Каліостро, спящая красавица и Ларинъ въ тотъ-же день выѣхали изъ Витебска. Сонамбула отправилась по мѣсту своего постояннаго жительства—въ Варшаву, а фокусникъ со своимъ товарищемъ въ Динабургъ, гдѣ поджидала ихъ мнительная кредиторша, неимѣвшая во все время ихъ отсутствія никакихъ извѣстій и уже отчаявшаяся получить съ продувного Каліостро свои

денежныя крохи. Но какова была ея радость, когда должникъ вручилъ ей, согласно своему обѣщанію, вмѣсто трехсотъ шестьсотъ рублей.

— А ужъ я думала заплакали мои цѣлковые,— заговорила старуха, пересматривая сторублевые билеты и вдругъ ее осѣнило ужасное подозрѣніе, зародившееся подъ впечатлѣніемъ разсказовъ объ ея должникѣ:—да ужъ не фальшивыя-ли бумаги ты мнѣ подсунулъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Каліостро, улыбаясь,—у меня не могутъ быть деньги фальшивыя. Если-бы даже я самъ ихъ сдѣлалъ, то и тогда онѣ были-бы настоящими. Не забывайте, я вѣдь чародѣй...

— Думала, что ты меня обманешь...

— Я обманываю толпу, но не единичныхъ личностей, для которыхъ мое преступленіе было-бы слишкомъ тяжело. На толпѣ-же, разбиваясь на мелочи, оно почти не отражается.. Я обманщикъ, но заслуга моя въ томъ, что я знаю, кого можно обмануть и кого нельзя...

Теперь объяснимъ секретъ фокуса съ Сонамбулой, которая не была ни ясновидящей, ни фокусницей, ни даже шарлатанкой. Она была нанята Григорьевымъ за извѣстную плату на извѣстный срокъ дѣлать то, что ей будетъ приказано. Впрочемъ, при заключеніи условія ей было объяснено, что она должна будетъ выдавать себя за ясновидящую. Но какимъ образомъ она, лежавшая постоянно съ закрытыми глазами, могла такъ вѣрно безошибочно угадывать имя каждаго посѣтителя, званіе семейное положеніе и т. п. паспортныя отмѣтки? У ней было восемь помощниковъ евреевъ-факторовъ, которые скрывались въ особо устроенномъ маленькомъ отдѣленіи, находившемся за ея диванчикомъ. Весь городъ былъ раздѣленъ на восемь кварталовъ; на обя-

занности каждаго фактора лежало собрать подробныя свѣдѣнія о всякомъ, проживающемъ въ его кварталѣ или участкѣ, и занести каждаго въ свою алфавитную книжку. Въ черной обивкѣ незамѣтно для посторонняго глаза было продѣлано восемь отверстій, черезъ которыя услужливые евреи разсматривали посѣтителей. И тотъ факторъ, въ околодкѣ котораго обиталъ посѣтитель, подходилъ къ трубкѣ, проведенной къ самому уху Сомнамбулы, и диктовалъ его біографію. Разумѣется, на посѣтителя производили сильное впечатлѣніе безспорныя свѣдѣнія ясновидящей и онъ, полный недоумѣнія, приписывалъ это чему-то сверхъестественному...

Все это опытнымъ Каліостро организовано было остроумно, интересно и съ тонкимъ разсчетомъ на простоту публики. Эта продѣлка, кажется, болѣе уже нигдѣ имъ не повторялась, и потому, вѣроятно, что очень дорога ея обстановка, и потому, что за нее возможна расплата.

Свѣдѣній объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Григорьевѣ-Каліостро вообще очень мало, а о послѣдующихъ его дѣяніяхъ и путешествіяхъ такъ и вовсе неизвѣстно. Куда онъ дѣлся? Чѣмъ кончилъ?...

СУДЕБНЫЯ ОШИБКИ.

(Изъ хроники старыхъ процессовъ) *).

„Лучше оправдать десять виновныхъ чѣмъ обвинить одного невиннаго“.
Екатерина II.

Судебная волокита добраго стараго времени создала не мало юридическихъ ошибокъ, послѣдствіемъ чего являлись невинно осужденные, успѣвшіе уже отбывать полный срокъ наказанія, пока открывалась истина и пока находились настоящіе виновные.

I.

Изъ судебныхъ ошибокъ 50-хъ годовъ особенное впечатлѣніе произвелъ на современниковъ случай осужденія въ Москвѣ двухъ родныхъ сестеръ, молодыхъ женщинъ, Анну Денисову и Лидію Васильевскую. Онѣ были осуждены въ каторгу на 10 лѣтъ каждая за убійство своей кухарки.

Въ квартирѣ Денисовой и Васильевской найдена была убитою ихъ кухарка, пожилая женщина Фролова.

---

*) Факты эти сообщены Я. А. Харламовымъ.

У этой Фроловой водились деньжонки, которыя она отдавала подъ проценты. Между прочимъ, ея кліентками были и обѣ ея барыни, Денисова и Васильевская, которыя должны были ей что-то около 300 рублей. Объ этомъ знали сосѣди ихъ по квартирѣ. Знали они также, что Фролова требовала отъ своихъ барынь деньги обратно и что она собиралась уѣзжать въ деревню. Въ одинъ прекрасный день Фролова найдена была въ своей комнатѣ убитою. Она была зарѣзана ножемъ и кромѣ того голова ея оказалась пробитою въ двухъ мѣстахъ какимъ-то тупымъ орудіемъ,—не то молоткомъ, не то утюгомъ. Въ моментъ раскрытія преступленія обѣихъ сестеръ не было дома. Между тѣмъ, въ ихъ комнатѣ найдены были два полотенца съ ясными отпечатками окровавленныхъ пальцевъ. Орудіями убійства оказались: принадлежащій Денисовой кинжалъ и утюгъ Васильевской. И кинжалъ, и утюгъ найдены были потомъ заброшенными въ саду, находившемся въ дворѣ дома. Когда Денисова и Васильевская вернулись вечеромъ того-же дня домой, онѣ были арестованы по подозрѣнію въ убійствѣ своей кухарки.

Уликъ противъ нихъ было много: и долгъ ихъ покойницѣ, и эти окровавленныя полотенца, и орудія убійства, имъ лично принадлежащія, и наконецъ, то обстоятельство, что обѣ онѣ, при видѣ окровавленнаго трупа ихъ кухарки, страшно поблѣднѣли и даже упали въ обморокъ. Все это, вмѣстѣ взятое, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ не могли доказать свое alibi,—гдѣ онѣ находились въ моментъ совершенія преступленія, убѣдили полицію и слѣдственнаго пристава въ томъ, что Денисова и Васильевская убили свою кухарку съ корыстной цѣлью.

Свидѣтели, сосѣди подсудимыхъ, показали, что они часто слышали, какъ покойница кричала своимъ барынямъ: „ограбить меня хотите. Мои 300 рублей прикарманили“. Затѣмъ тѣ-же свидѣтели видѣли, какъ за часъ до раскрытія преступленія обѣ сестры уходили по парадному ходу изъ квартиры своей и заперли ее на ключъ.

Напрасно подсудимыя отрекались, напрасно онѣ клялись и божились въ невиновности своей,—имъ вѣры не было; ихъ сослали въ каторгу по 10 лѣтъ каждую.

Прошло 5 лѣтъ. Сестры Денисова и Васильевская отбывали уже давно каторгу въ нерчинскихъ рудникахъ. Къ приставу рогожской части явился какой-то человѣкъ и заявилъ ему, что въ эту ночь онъ ночевалъ на съѣзжей, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ находился какой-то субъектъ, который сознался ему, что пять лѣтъ тому назадъ онъ убилъ въ Москвѣ кухарку Фролову и до сихъ поръ никто даже не подозрѣваетъ его въ убійствѣ.

Субъекта этого нашли. Онъ оказался крестьяниномъ Силинымъ, бывшимъ дворникомъ того дома, гдѣ жили сестры Денисова и Васильевская и убитая Фролова.

Силинъ разсказалъ подробно, какъ онъ вошелъ въ отсутствіе обоихъ сестеръ въ ихъ квартиру, нашелъ на столѣ маленькій кинжалъ одной изъ сестеръ и ударилъ этимъ кинжаломъ по горлу Фроловой, затѣмъ онъ два раза ударилъ ее утюгомъ по головѣ. Далѣе Силинъ объяснилъ, что онъ находился съ Фроловой въ близкихъ отношеніяхъ и нерѣдко получалъ отъ нея деньги. За недѣлю до убійства она наотрѣзъ отказалась давать деньги; тогда онъ рѣшилъ самъ взять. Онъ убилъ ее и вынулъ у нея изъ-за пазухи ситцевый мѣшочекъ, въ

которомъ находилось около 200 рублей. На сестеръ Денисову и Васильевскую онъ былъ сердитъ за то, что онѣ гнали его съ кухни, когда онъ приходилъ къ кухаркѣ, и потому онъ видимо старался сдѣлать такъ, чтобы подозрѣніе въ убійствѣ пало на нихъ, что ему и удалось. Онъ продолжалъ служить дворникомъ въ томъ же домѣ, гдѣ совершилъ убійство, но за послѣднее время на него напала тоска; ему начала мерещиться покойница; онъ запилъ и ушелъ съ мѣста. Совѣсть его мучила до тѣхъ поръ, пока онъ не излилъ душу свою передъ совершенно незнакомымъ ему человѣкомъ, съ которымъ начевалъ на съѣзжей, куда онъ взятъ былъ за пьянство. Силина посадили въ тюрьму и осудили въ каторгу. Невинно осужденныхъ Денисову и Васильевскую вернули въ Москву. Впрочемъ, вернулась только одна, Васильевская; другая сестра отъ большой радости и волненія, на обратномъ пути изъ Сибири въ Москву захворала и умерла дорогою.

II.

Въ 1858 году сосланъ былъ въ рудники на 12 лѣтъ ямщикъ Матвѣй Дорофѣевъ за убійство, съ цѣлью грабежа, курской помѣщицы Наталіи Калужной. Убійство это въ свое время взволновало весь курскій уѣздъ и служило поводомъ къ различнымъ толкамъ и пересудамъ.

Ямщикъ Матвѣй Дорофѣевъ, молодой парень, лѣтъ 22-хъ, явился поздно ночью, на масляницѣ, въ волостное правленіе и заявилъ, что онъ везъ изъ деревни Рядново въ имѣніе помѣщицу Калужную, которая дорогою невѣдомо куда исчезла изъ кибитки, въ которой

она находилась. Становой приставъ съ понятыми, осмотрѣвъ кибитку, въ которой ямщикъ Дорофѣевъ везъ помѣщицу Калужную, нашелъ тамъ лужу крови. Руки ямщика тоже оказались въ крови.

На другой день нашли въ глубокомъ оврагѣ, по дорогѣ въ деревню Рядново, трупъ помѣщицы Калужной... Помѣщица была въ одномъ платьѣ; всѣ драгоцѣнности, находившіяся при ней—браслеты, кольца, серьги, золотыя часы, а также дорогая лисья ратонда—исчезли. Дознано было также, что покойная везла съ собою въ помѣстье оброчныхъ денегъ около 5000 рублей, которыя тоже исчезли. Ямщикъ Дорофѣевъ, на котораго пало подозрѣніе въ убійствѣ, объяснилъ, что, барыня, когда ѣхала лѣсомъ, приказала пустить лошадей шагомъ. Тройка шла шагомъ; онъ заснулъ на козлахъ; барыня повидимому тоже дремала. Ночь была лунная, свѣтлая. Когда онъ проснулся, то замѣтилъ, что барыни въ кибиткѣ нѣтъ. Онъ слѣзъ съ козелъ и началъ шарить подъ сидѣньемъ кибитки, предполагая—не спитъ-ли тамъ барыня.

Подъ сидѣньемъ было мокро; онъ увидѣлъ кровь. Тогда онъ поѣхаль въ ближайшее волостное правленіе заявить о случившемся.

Слѣдствіе волось довольно долго. Ямщикъ Дорофѣевъ все время сидѣлъ въ острогѣ. Уликъ противъ него было много. Во-первыхъ, руки его были въ крови, во вторыхъ въ саняхъ у него нашли золотую брошку, принадлежавшую убитой помѣщицѣ; наконецъ, дворовые люди покойной Калужной свидѣтельствовали, что они не разъ слышали отъ Дорофѣева, какъ онъ говорилъ: «Э-эхъ! И красавица-же ваша барыня, Наталія Сергѣевна! Кажись, полюби она меня, жизнь отдалъ-бы за нее»!..

Дорофѣевъ клялся и божился, что онъ не виноватъ, что онъ никогда бы не взялъ грѣха на душу пролить кровь человѣческую, „особливо барыни Калужной", которая была такъ добра къ нему, что подарила ему тройку лошадей...

Дорофѣевъ былъ сосланъ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ и сосланъ въ нерчинскіе рудники.

Прошло пять лѣтъ. Въ 1863 году племянница покойной Наталіи Калужной, дворянка Лигина, будучи проѣздомъ въ Петербургѣ, посѣтила Александринскій театръ. По окончаніи спектакля, г-жа Лигина увидѣла въ театральномъ корридорѣ какую-то даму въ лисьей ратондѣ. Бархатная покрышка этой ратонды и воротникъ показались г-жѣ Лигиной очень знакомыми. Всматриваясь ближе, г-жа Лигина вспомнила, что такая именно ратонда была у ея покойной тетушки въ ту злополучную ночь, когда ее убили по дорогѣ изъ деревни Рядново въ имѣніе.

Дежурный частный приставъ, которому г-жа Лигина немедленно сообщила о своемъ открытіи, остановилъ даму въ ратондѣ и узналъ отъ нея, что ратонда куплена была ею годъ тому назадъ на аукціонѣ у купца Финогенова, послѣ смерти его жены. Нашли и этого купца, который въ свою очередь объяснилъ, что ратонду эту, вмѣстѣ съ дамскими золотыми часами, двумя браслетами и бриліантовыми серьгами, онъ купилъ года три тому назадъ у буфетчика одного изъ трактировъ въ Курскѣ.

Когда г-жѣ Лигиной предъявили эти часы, браслеты и серьги, она признала въ нихъ драгоцѣнности принадлежавшія ея покойной теткѣ, убитой въ 1858 году.

Нашли и этого буфетчика, въ Курскѣ. Оказалось, что буфетчикъ этотъ, крестьянинъ Ярославской губерніи Леонтьевъ, спеціально занимался покупкою краденаго. Притиснутый къ стѣнѣ, онъ указалъ человѣка, у котораго купилъ эти вещи. Это былъ одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, Мартынъ Колчинъ, державшій въ селѣ кабакъ. Ночью у него сдѣлали внезапно обыскъ и нашли на 2,500 рублей банковыхъ билетовъ, хранившихся въ бумажникѣ, принадлежавшемъ, по свидѣтельству г-жи Лигиной, убитой Калужной.

Колчинъ сознался, что на масляной недѣлѣ въ 1858 году, онъ возвращался ночью въ деревню Рядново, когда встрѣтилъ плетущуюся тройку шагомъ Дорофѣева. Онъ зналъ, что это—возвращается къ себѣ въ имѣніе помѣщица Калужная съ оброчными деньгами. Ямщикъ въ это время крѣпко спалъ на облучкѣ; барыня, повидимому тоже дремала.

Внезапно у него блеснула мысль убить задремавшую помѣщицу и ограбить ее. Идя рядомъ съ санями, онъ „полоснулъ“ ножемъ барыню по горлу и затѣмъ вытащилъ ее изъ саней. Все это было дѣломъ одной минуты. Ямщикъ не проснулся, лошади продолжали плестись шагомъ. Еслибы ямщикъ проснулся, Колчинъ убилъ-бы и ямщика. Преступленіе это Колчинъ совершилъ въ полной увѣренности, что подозрѣніе падетъ на ямщика Дорофѣева. Такъ оно и случилось.

Ямщика Матвѣя Дорофѣева вернули съ каторги, на которой онъ успѣлъ уже пробыть 5½ лѣтъ и на его мѣсто послали бывшаго кабатчика Мартына Колчина.

III.

Въ іюлѣ 1863 года къ сестрорѣцкому берегу финскаго залива подплылъ трупъ молодой женщины, одѣтой въ щегольское шелковое платье. Шея оказалась туго стянутой сахарной бичевкою. Въ карманѣ платья найденъ былъ маленькій кошелекъ и въ немъ вчетверо сложенная визитная карточка, на которой напечатано было: „Сергѣй Никифоровичъ Ладонниковъ“. На оборотной сторонѣ карточки что-то написано было перомъ. Разобрать написанное трудно было, такъ какъ чернила смыло водою. Изъ всего написаннаго можно было только прочесть отрывочныя три слова: „лодка... Ораніенбаумъ... Троица“.

Слѣдствіемъ обнаружено было, что утонувшая—дочь купца Татьяна Лосева, 21-го года, что она ушла изъ дому въ Троицу и съ тѣхъ поръ не возвращалась. Объ исчезновеніи дочери своей купецъ Лосевъ, проживавшій въ Лиговѣ, довелъ до свѣдѣнія мѣстной полиціи, которая энергично принялась за розыски. Но всѣ поиски молодой дѣвушки оказались тщетными, пока, наконецъ, трупъ ея не былъ прибитъ волнами Финскаго залива къ сестрорѣцкому берегу. Въ шифоньеркѣ, принадлежавшей покойной Лосевой, найдена была пачка писемъ. Большинство этихъ писемъ было за подписью: „Сержъ Ладоша“. Послѣднее письмо помѣчено было 20-мъ апрѣля 1863 г. и было угрожающаго свойства. Между прочимъ, имѣлись тамъ слѣдующія строки: «если-же еще разъ замѣчу я твою склонность къ телеграфисту этому, то такъ и знай—

порѣшу я съ тобою"... Письмо было подписано: „Сергѣй Ладонниковъ".

Начали искать этого Ладонникова. Въ Петербургѣ его не оказалось. Нашли его въ Выборгѣ и арестовали по подозрѣнію въ убійствѣ Лосевой. Ладонниковъ оказался фельдшеромъ, носилъ военный мундиръ съ галунами и былъ на прекрасномъ счету у своего медицинскаго начальства, которое командировало его въ іюнѣ, въ Выборгъ, въ лазаретъ финскаго баталіона.

Ладонниковъ объявилъ, что дѣйствительно катался съ дѣвицей Лосевой въ Троицу на лодкѣ близъ Ораніенбаума, но вечеромъ того-же дня возвратился съ нею обратно въ Ораніенбаумъ и за позднимъ временемъ, уговорилъ ее остаться съ нимъ ночевать. На другой день она распростилась съ нимъ и уѣхала къ отцу.

Во время предварительнаго слѣдствія, къ слѣдственному приставу ораніенбаумскаго участка явился крестьянинъ Василій Морозовъ и заявилъ, что онъ, катаясь въ Духовъ день на парусной лодкѣ близъ ораніенбаумскаго берега, видѣлъ въ гребной лодкѣ кавалера и даму. Кавалеръ былъ въ военной фуражкѣ и сидѣлъ на веслахъ; дама сидѣла у руля. Онъ хорошо замѣтилъ, что на борту лодки была надпись: „Свѣтлана". Когда онъ черезъ полчаса опять встрѣтилъ эту лодку, то увидѣлъ, что кавалеръ въ военной фуражкѣ былъ одинъ на веслахъ, а его спутницы не было. Это его тогда очень удивило, почему онъ и счелъ себя теперь обязаннымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія слѣдственнаго пристава.

Ладонниковъ не отрицалъ, что онъ дѣйствительно ревновалъ покойную Лосеву къ неизвѣстному ему те-

леграфисту и даже угрожалъ, что убьетъ ее, если она ему измѣнитъ, но въ настоящемъ преступленіи онъ невиненъ и какъ это случилось, что Лосева съ веревкою на шеѣ очутилась въ волнахъ Финскаго залива, не можетъ себѣ и представить. Лодки съ надписью: „Свѣтлана" у него не было. Онъ катался на наемной лодкѣ, которую бралъ въ селѣ Мартышкино.

Судъ призналъ Ладонникова виновнымъ въ убійствѣ и приговорилъ къ каторгѣ на 5 лѣтъ.

У осужденнаго Ладонникова, котораго послѣ суда отправили по мѣсту назначенія въ каторгу, остался въ Петербургѣ довольно состоятельный дядя, нѣкій Офросимовъ. Этотъ Офросимовъ, убѣжденный въ томъ, что его племянникъ невинно осужденъ, задался цѣлью— найти настоящаго преступника. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на лодку „Свѣтлана", которая въ процессѣ промелькнула какъ-то незамѣтно. Онъ вскорѣ нашелъ яличную пристань въ Ораніенбаумѣ, гдѣ отдавались на прокатъ желающимъ лодки для катанья.

Тамъ, оказалось, была лодка „Свѣтлана", которую въ Духовъ день 1863 года взялъ для катанья какой-то молодой человѣкъ съ барышней. Яличникъ не помнитъ—вернулся-ли этотъ молодой человѣкъ съ катанья одинъ или съ барышней, но помнитъ очень хорошо, что молодой человѣкъ этотъ былъ въ формѣ телеграфиста.

Всѣ эти, собранныя имъ, свѣдѣнія Офросимовъ довелъ до бывшаго въ то время петербургскимъ губернаторомъ свѣтлѣйшаго князя А. А. Суворова-Рымникскаго, который приказалъ справиться во всѣхъ телеграфныхъ отдѣленіяхъ Петербурга и его окрестностей— кто изъ молодыхъ телеграфистовъ былъ въ Духовъ

день въ Ораніенбаумѣ. Нашелся такой телеграфистъ, молодой человѣкъ, 22-хъ лѣтъ, Романъ Головлевъ, который сознался, что онъ страстно любилъ Лосеву и ревновалъ ее къ Ладонникову. Въ Духовъ день, зная, что она въ Ораніенбаумѣ и что она ночевала у Ладонникова, онъ встрѣтился съ нею, когда она шла отъ Ладонникова, и пригласилъ ее кататься на лодкѣ. Когда они отъѣхали версты двѣ отъ ораніенбаумскаго берега, онъ накинулъ ей на шею бичевку, затянулъ ее крѣпко и выбросилъ Лосеву въ воду. Яличникъ узналъ въ Головлевѣ того самаго телеграфиста, который взялъ у него на прокатъ „Свѣтлану".

Головлева судили и приговорили къ каторгѣ, а невинно осужденнаго Ладонникова вернули съ каторги, послѣ 8-ми мѣсячнаго пребыванія его тамъ.

IV.

Въ селѣ Терехово случился пожаръ. Сгорѣли двѣ избы и гумно, а вмѣстѣ съ одной избой сгорѣлъ также и мѣстный крестьянинъ Василій Ѳедуловъ. Когда пожаръ кончился, то подъ обломками полусгорѣвшей избы нашли обуглившійся трупъ Ѳедулова, причемъ на оставшихся какимъ-то чудомъ нетронутыми огнемъ ногахъ покойнаго найдены слѣды веревки, которыми онѣ были связаны. Въ этомъ фактѣ усмотрѣнъ былъ поджогъ, съ цѣлью избавиться отъ Василія Ѳедулова.

Начали, конечно, допытываться прежде всего, кому мѣшалъ покойный и кто скорѣе всего могъ-бы посягать на его жизнь?

По слухамъ, ходившимъ въ селѣ и окрестныхъ де-

ревняхъ, больше всего могъ мѣшать покойный Ѳедуловъ его односельчанину, молодому 23-хъ-лѣтнему парню Николаю Лопатову. Причина тому лежала въ томъ, что покойный Ѳедуловъ ревновалъ Лопатова къ своей женѣ и однажды поколотилъ его такъ сильно, что тотъ цѣлую недѣлю не могъ изъ дому выходить. Когда онъ поправился, то въ сельскомъ трактирѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, говорилъ Ѳедулову: „погоди-жъ ты у меня. Попомнишь эти колотушки!..“

Когда случился этотъ пожаръ, причемъ Василій Ѳедуловъ сдѣлался жертвою огня, то всѣ односельчане рѣшили, что это дѣло рукъ Николая Лопатова. Его отвезли въ сосѣдній городъ къ допросу. У судебнаго слѣдователя онъ хотя говорилъ наотрѣзъ: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю“, но его подвергли предварительному заключенію и посадили въ острогъ. Тѣмъ временемъ, пока Лопатовъ сидѣлъ въ острогѣ, къ становому приставу явилась жена покойнаго Ѳедулова, молодая, красивая бабенка, Анисья Ѳедулова, и заявила ему, что Николай Лопатовъ безвинно сидитъ въ острогѣ, такъ какъ онъ ни въ поджогѣ избы, ни въ смерти ея мужа неповиненъ, и что подожгла избу и сожгла мужа своего она, Анисья Ѳедулова, по злобѣ къ покойному, такъ какъ онъ ее ко всѣмъ ревновалъ и каждый день колотилъ. Въ особенности-же созрѣла у нея мысль избавиться отъ мужа послѣ того, какъ онъ исколотилъ до полусмерти Николая Лопатова, котораго она любитъ „пуще своей жизни“.

Анисью Ѳедулову отправили въ городъ, къ слѣдователю. Тамъ она подтвердила свое показаніе и заявила категорически, что Николай Лопатовъ въ этомъ преступленіи не причемъ, что она сама, воспользовав-

шись тѣмъ, что мужъ пьянъ, связала ему, сонному, веревкою ноги и затѣмъ на задворкахъ подожгла избу, а сама убѣжала. Показаніе это было такъ правдоподобно, что Анисью Ѳедулову тоже арестовали. Такъ какъ она на отрѣзъ отрицала какое-бы то нибыло участіе въ этомъ преступленіи Николая Лопатова, а последній твердилъ по прежнему, что онъ ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, то его отъ слѣдствія освободили и выпустили изъ острога.

Анисью судили. На судебномъ слѣдствіи она подробно разсказала, какъ она облила керосиномъ щепки на задворкахъ избы, какъ она подожгла избу и пр. Ее приговорили къ 10 годамъ каторги.

Лопатовъ занимался извозомъ. Изъ села Терехова онъ перевозилъ на тройкѣ пассажировъ въ сосѣдній городъ, гдѣ была ближайшая желѣзнодорожная станція. Случилось такъ, что въ тотъ самый день, когда Анисью Ѳедулову приговорили на каторгу, онъ возилъ изъ города въ село купца Ивана Зорькина, который былъ присяжнымъ засѣдателемъ по дѣлу Анисьи.

Дорогою Лопатовъ обратился къ своему пассажиру съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ на томъ свѣтѣ съ неправеднымъ судьей?

— Какъ не знать? По головкѣ за это не погладятъ.

— Такъ вотъ... Тебя тоже по головкѣ не погладятъ, потому что осудилъ ты сегодня на каторгу человѣка безвиннаго... Убилъ Василія Ѳедулова и поджогъ его избу я, а не Анисья, которую вы сегодня закатали въ каторгу.

— Значитъ, ты каешься чистосердечно въ преступленіи?—спросилъ Зорькинъ.

— Каюсь... Не хочу, чтобъ изъ-за меня Анисья напрасно и безвинно страдала...

— Ну, въ такомъ случаѣ,—сказалъ Зорькинъ,—поворачивай лошадей и ѣдемъ обратно въ городъ.

Лопатовъ покорно повернулъ лошадей. Черезъ часъ онъ уже стоялъ передъ судебнымъ слѣдователемъ и, упавъ передъ нимъ на колѣни, каялся въ преступленіи.

Во время предварительнаго слѣдствія по обвиненію Лопатова въ поджогѣ и убійствѣ Ѳедулова, выяснилось, что въ ту ночь, когда онъ совершилъ преступленіе это, Анисья Ѳедулова ночевала въ его избѣ и всю ночь неотлучно находилась въ этой избѣ вмѣстѣ съ его старухой матерью и семилѣтней дѣвочкой, племянницей его. Далѣе оказалось, что онъ нарочно заперъ избу свою на замокъ, чтобы Анисья не могла выдти оттуда, и помѣшать ему совершить задуманное имъ преступленіе, и что если Анисья приняла на себя это преступленіе, то только изъ страстной любви своей къ нему, Лопатову.

Мать Лопатова и племянница его подтвердили, что Анисья, съ 8 часовъ вечера и до 3 ночи, когда раздался набатъ о пожарѣ, находилась неотлучно съ ними въ избѣ и что Анисья все время повторяла только одно: „боюсь, какъ бы Николай чего не надѣлалъ!"...

Допрошенная слѣдователемъ Анисья Ѳедулова долго стояла на томъ, что она совершила преступленіе, а не Николай Лопатовъ, но когда послѣдній упалъ передъ нею на колѣни и умолялъ ее—снять съ себя вину и дать ему возможность очиститься отъ грѣха, который на немъ лежитъ, она сказала слѣдователю: „Да, я не

совершила этого преступленія и хотѣла только освободить его, моего милаго, отъ наказанія“...

Дѣло снова разбиралось. Никита Лопатовъ приговоренъ былъ къ каторгѣ, а Анисью Ѳедулову освободили.

V.

Въ селѣ Рожковскомъ Мелитопольскаго уѣзда, назначена была свадьба. Дочь сельскаго старосты, Ольга Полащукъ, выходила замужъ за сына мѣстнаго кабатчика и богача, Трофима Кольчугу. Уже всѣ поѣзжане и женихъ, и его родные были въ церкви; не было только невѣсты, которая должна была пріѣхать къ вѣнцу изъ сосѣдней деревни, верстъ за пять отъ села. Ждали ее часъ, другой; послали за ней нарочнаго, который, вернувшись, заявилъ, что невѣста къ вѣнцу не явится, такъ какъ она неизвѣстно куда скрылась и родители уже ищутъ ее нѣсколько часовъ кряду и не могутъ найти. Понятно, всѣ разъѣхались изъ церкви по домамъ, а женихъ отправился съ отцомъ своимъ къ сельскому старостѣ Полащуку—узнать, что случилось съ невѣстой? Тамъ они нашли страшную суматоху. Вся деревня была на ногахъ. Отецъ и мать невѣсты заливались горючими слезами. Пропала дочь ихъ среди бѣла дня и не могутъ они ее никакъ найти. Ночью кто-то вошелъ въ овинъ крестьянина Лебедяна и наткнулся тамъ на валявшагося на полу человѣка. Когда зажгли огонь, то увидѣли, что это лежитъ пропавшая невѣста, Ольга Полащукъ, вся въ крови и безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. На шеѣ ея оказались двѣ ко-

лотыя раны, отъ которыхъ и послѣдовала смерть несчастной Ольги, погибшей почти передъ самымъ вѣнцомъ.

Явившейся на другой день въ деревню судебной власти пришлось разбираться въ цѣлой массѣ догадокъ и предположеній, сложившихся въ умахъ односельчанъ покойной. Большинство, и въ томъ числѣ родители покойной и ея женихъ, убѣждены были въ томъ, что преступленіе это совершилъ сынъ крестьянина Лебедяна, Онисимъ, молодой парень, который, какъ всей деревнѣ извѣстно было, влюбленъ былъ въ Ольгу Полащукъ и засылалъ къ ней сватовъ, которые, однако, не были приняты. Нѣкоторые увѣряли даже, что они слышали какъ Онисимъ Лебедянъ говорилъ по поводу предстоящей свадьбы Ольги съ Трофимомъ Кольчугой,—„не я буду, коли не помѣшаю этой свадьбѣ"...

Это обстоятельство и главнымъ образомъ тотъ фактъ, что убитая найдена была въ овинѣ Лебедяна, а самъ Онисимъ Лебедянъ неизвѣстно куда скрылся, заставили судебную власть предположить, что убійство Ольги Полащукъ совершено было имъ.

Начали искать Онисима Лебедяна. Гонцы полетѣли во всѣ концы, но найти его не могли. Такъ и порѣшили: убилъ, дескать, и самъ скрылся. Дня черезъ два послѣ обнаруженнаго убійства Ольги Полащукъ, въ одномъ изъ колодцевъ той же деревни нашли трупъ утонувшаго въ немъ Онисима Лебедяна. Никакихъ знаковъ насилія на трупѣ не было, кромѣ нѣкоторыхъ царапинъ и ссадинъ на рукѣ, которыя могли образоваться при паденіи его въ колодезь.

При вскрытіи трупа Лебедяна, выяснилось, что онъ лежалъ въ водѣ не болѣе двухъ дней.

Такъ всѣ и рѣшили, что Онисимъ Лебедянъ убилъ сначала Ольгу Полащукъ, а затѣмъ самъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Между тѣмъ крестьянка села Рожковскаго Прасковья Вавилова, явившись къ мѣстному становому приставу, заявила, что въ тотъ самый день, когда обнаружилось убійство, мужъ ея, Леонтій Вавиловъ, явился домой пьяный, руки его и платье были въ крови и въ карманѣ его пальто она нашла окровавленный ножъ.

При допросѣ Вавиловъ сознался, что онъ зарѣзалъ Ольгу Полащукъ, а Антона Лебедяна онъ столкнулъ въ колодезь.

На вопросъ судебной власти, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, Вавиловъ отвѣтилъ: „просто такъ; мѣшали они мнѣ оба; я ихъ и порѣшилъ“.

Его судили и приговорили на 15 лѣтъ въ каторгу.

Черезъ два года послѣ того, какъ Вавилова сослали на каторгу, жена его, оставшаяся по прежнему жить въ селѣ Рожковскомъ, послала мѣстному прокурору заявленіе слѣдующаго содержанія:

„Крестьянинъ Трофимъ Кольчуга, сынъ нашего кабатчика, спаивалъ все время моего мужа, Леонтія Вавилова, дабы ему легче было имѣть со мною преступную связь. Невѣсту, которую онъ долженъ былъ по приказу отца своего взять себѣ въ жены, онъ ненавидѣлъ и старался какъ-нибудь отъ нея избавиться ради чего просилъ меня помочь ему. Условились мы такъ: я порѣшу съ Ольгой, а онъ, Трофимъ Кольчуга, бросить въ колодецъ Антона Лебедяна. Съ Антономъ Трофимъ покончилъ еще наканунѣ свадьбы, а Ольгу я заманила въ овинъ Лебедяна, когда стемнѣ-

ло, и тамъ съ нею порѣшила. На мужа я свалила всю вину, чтобы избавиться отъ него, а онъ за четвертную вина возьметъ на себя какую хошь вину".

Прасковью Вавилову и Трофима Кольчугу арестовали, затѣмъ послали въ тюрьму, гдѣ находился осужденный Вавиловъ, чтобы допросить его подробно. Онъ чистосердечно сознался, что не зналъ, кто убилъ Ольгу Полащукъ и Антона Лебедяна, но что жена приказала ему принять на себя вину и онъ такъ сдѣлалъ.

Его вернули съ каторги, а Трофима Кольчугу, который сознался въ убійствѣ, и Прасковью Вавилову судили и отправили въ каторгу на 12 лѣтъ каждаго.

НЕЗАМѢТНЫЕ ГЕРОИ.

Ихъ много, этихъ незамѣтныхъ героевъ, но они не популяризированы, потому что не ищутъ славы и своимъ подвигамъ не придаютъ точнаго значенія.

Незамѣтные герои—на каждомъ шагу. Русская жизнь богата героическими личностями, которыя совершая подвиги, не стараются выдѣлить себя изъ толпы и такимъ образомъ окружаютъ свои имена еще большимъ уваженіемъ и вызываютъ къ себѣ еще бо́льшее удивленіе современниковъ и потомства...

Мы упомянемъ не многихъ, не дѣлая подробнаго перечня, что бы только не упустить случая отмѣтить одну изъ присущихъ русскому человѣку черту храбрости.

Петръ Телушкинъ.

Ярославской губерніи, казенный крестьянинъ, кровельнаго цеха мастеръ, Петръ Телушкинъ, узнавъ, что предпринимается необходимая починка въ крестѣ

и въ ангелѣ на колокольномъ шпицѣ Петропавловскаго собора въ Петербургѣ, и сообразивъ, сколько тысячъ рублей и времени должно будетъ употребить на устроеніе лѣсовъ, для безопаснаго и спокойнаго производства сего дѣла, явился съ письменною просьбою, въ которой объяснилъ лицамъ завѣдывавшимъ ремонтомъ собора, что онъ всѣ исправленія въ крестѣ и въ ангелѣ берется произвести безъ всякихъ лѣсовъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ ему заплачены были матеріалы, нужные для сихъ починокъ (за матеріалы слѣдовало Телушкину получить 1471 руб.), за труды же свои онъ ничего не назначалъ, предоставляя высшему начальству наградить его по благоусмотрѣнію. Выгодныя сіи предложенія были приняты—и Телушкинъ, какъ бѣдный мастеровой, не имѣя залога, *заложилъ*, такъ сказать, *жизнь свою* въ обезпеченіе принятаго имъ на себя дѣла. Вся его надежда была на свое безстрашіе, ловкость и большую тѣлесную силу (Будучи средняго роста, онъ поднималъ до 13-ти пудовъ вѣсу). Шесть лѣтъ сряду передъ симъ предпріятіемъ, онъ искалъ лучшихъ способовъ къ исполненію дерзновеннаго своего намѣренія, и произвелъ его въ дѣйствіе слѣдующимъ образомъ:

Въ колокольномъ шпицѣ Петропавловскаго собора, сверхъ отдѣленія надъ колоколами, или сверхъ слуховыхъ оконъ, имѣются два люка, или отверстія въ $^3/_4$ аршина въ квадратѣ. Эти люки отворяются наружу, и чрезъ нихъ можно выходить на мѣдную золоченую одежду шпица.

Верхній люкъ отстоитъ отъ слуховыхъ оконъ на 8 или 10 саженъ. Телушкинъ войдя во внутренность шпица изъ отдѣленій слуховыхъ оконъ, добрался сквозь

деревянныя внутреннія укрѣпленія (пролѣзая въ иныхъ мѣстахъ, по стѣсненію, въ одной рубашкѣ), до втораго или верхняго люка, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ окинуть около шпица веревку, дабы изъ нея сдѣлать родъ веревочнаго кольца, которое придерживало бы его плотно къ самому шпицу, въ то время, когда онъ по немъ полѣзетъ къ кресту. Къ несчастію Телушкина, въ этомъ мѣстѣ, т. е. при верхнемъ люкѣ, шпицъ былъ такъ еще широкъ въ своемъ поперечникѣ, что никакъ нельзя было окинуть около него веревку. Это обстоятельство принудило его привязать один конецъ веревки ко внутреннимъ укрѣпленіямъ шпица, а другимъ накрѣпко себя охватить около пояса, скрѣпивъ тутъ веревку глухимъ узломъ, и такимъ образомъ спустился на ней по наружности шпица, изъ верхняго люка на 6 сажень внизъ. Здѣсь Телушкинъ, остановясь, началъ, вмѣстѣ съ веревкою, привязанною къ поясу, обходить винтомъ около шпиля, упираясь сильно ногами (т. е. носками сапоговъ) въ вертикальные фельцы, или загибы золоченыхъ листовъ покрывающихъ Петропавловскій шпицъ. Фальцы эти имѣютъ не болѣе двухъ вершковъ ширины; упираясь въ нихъ ногами Телушкинъ, захватывалъ ихъ пальцами рукъ, такъ какъ придерживаться иначе было нельзя. Отъ этого у него часто изъ подъ ногтей выступала кровь. Обходя такимъ образомъ около шпица винтомъ и подымаясь все выше, подбирая за собой веревку, онъ достигъ снаружи до верхняго люка. Войдя во внутренность шпица, онъ придѣлалъ петлю къ веревкѣ, обвязанной вокругъ пояса и отвязавъ другой конецъ ея, прикрѣпленный къ внутреннимъ укрѣпленіямъ шпица, продернулъ этотъ конецъ сквозь петлю у пояса, чтобы

дать возможность веревочному кольцу вокругъ шпица съуживаться по мѣрѣ утоненія послѣдняго. Надо замѣтить, что вдоль по шпицу въ $1^1/_2$ саж. другъ отъ друга, отъ верхняго люка до оконечности, прикрѣплены желѣзные крюки. Телушкинъ какъ нельзя лучше ими воспользовался. Сдѣлавъ на концѣ каждой изъ двухъ веревокъ по глухой петлѣ, и нѣсколько ниже еще по такой же петлѣ, онъ продѣлъ въ послѣднюю другой конецъ веревки. Эти веревки онъ накинулъ на крюкъ верхними петлями, отъ верхняго люка черезъ одинъ крюкъ. Придерживаясь одной рукой за веревку отъ петли. висящей у крюка, а ногою ставъ на веревку продѣтую во вторую петлю, онъ другой рукой притягивался къ крюку вверхъ. Онъ продѣлывалъ этотъ сложный маневръ поочередно для обѣихъ ногъ и поднимался до самаго крюка, въ то же время затягивая кольцо около шпица.

Достигнувъ до шара, вѣнчающаго шпицъ, Телушкину оставалось совершить самое трудное и опасное— взобраться на шаръ. Надо замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ поперечникъ шпица не болѣе одного аршина. Телушкинъ, захвативъ шпицъ около этого мѣста другими веревками, сдѣлалъ себѣ изъ нихъ два новыя стремени или петли, въ которыя онъ просунулъ ступни ногъ своихъ до подъема; другою же веревкою, также за оконечность шпица захваченною, онъ обвилъ себя накрѣпко около пояса, и, тогда, опираясь ногами въ шпицъ, повисъ всѣмъ тѣломъ на этой веревкѣ. Въ таковомъ почти горизонтальномъ положеніи, Телушкинъ, собравъ въ обѣ руки, свернувши бухтою, имѣвшуюся за поясомъ его шестисаженную веревку которой одинъ конецъ былъ привязанъ къ оконечности шпица, взбро-

силъ другой на яблоко, чтобъ захватить имъ крестъ. Пользуясь сильнымъ вѣтромъ, который раскачивалъ даже самый шпицъ, Телушкинъ такъ ловко и удачно окинулъ свою веревку около креста, что свободный ея конецъ помощію вѣтра мигомъ попалъ къ нему въ руки. Тогда, сдѣлавъ петлю на самомъ этомъ концѣ, онъ началъ веревку передергивать около креста, такъ, чтобы она вдвойнѣ его захватывала, и чтобы тѣмъ концомъ можно было затянуть ее за крестъ. Такимъ образомъ Телушкинъ, передернувъ веревку около креста, началъ дѣлать петли на свободномъ ея концѣ, чтобы изъ нихъ составить себѣ родъ лѣсенки, которая бы однимъ концомъ была прикрѣплена къ кресту, а другимъ къ оконечности шпица. По этой лѣсенкѣ взобравшись на шаръ, спокойно принялся за свою работу.

Народъ внизу съ замираніемъ сердца слѣдилъ за смѣлымъ кровельщикомъ. Иногда казалось, что вотъ вотъ онъ сорвется; многіе не выносили этого зрѣлища и уходили прочь, другіе одобрительно подбодряли смѣльчака и всякую удачу его привѣтствовали радостными кликами.

— Ай да мы! Знай нашихъ, кричали въ толпѣ.

— Рассейскіе!

— Ужъ нѣмцу-колбаснику ни въ жисть не придумать!

— Куда нѣмцу до нашего Петра... тутъ и англичанинъ пардону запроситъ, убѣжденно подтверждали въ разныхъ мѣстахъ.

А виновникъ торжества тѣмъ временемъ усердно работалъ на 60 саженной вышинѣ.

Нерѣдко его видѣли то поднимающимъ ангела, (имѣющаго 5 аршинъ вышины), то сидящимъ на его

крылѣ и починивающимъ его,—то на самой перекладинѣ креста (имѣющаго 9 аршинъ вышины), спокойно прикрѣпляющимъ оторванные отъ него листы. На третій день воздушныхъ походовъ Телушкинъ, приготовя веревочную лѣсенку, или трапку, въ 26 саженъ длины, втащилъ одинъ ея конецъ на яблоко, и привязалъ его за крестъ, а другой къ деревяннымъ слуховымъ окнамъ. Такимъ образомъ онъ сталъ свободно уже ходить на работу, отстоящую отъ поверхности земли на 57 сажень безъ креста, а съ крестомъ на 65 сажень. По этой-то лѣстницѣ Телушкинъ, взлѣзая на шаръ, въ теченіи шести недѣль, починилъ на крестѣ оторванные вѣтромъ листы, крыло у ангела, и поднялъ его по кресту на 8 вершковъ, не могши возвысить на 3/4 аршина, потому что крестъ, отъ движенія ангела по вѣтру, слишкомъ въ этомъ мѣстѣ обтерся.

Объ этомъ подвигѣ Телушкина была издана брошюра очевидцемъ, президентомъ Академіи Наукъ Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, который до ея изданія поѣхалъ въ Ноябрѣ 1830 г. къ государю императору Николаю Павловичу и доложилъ все дѣло, какъ онъ слышалъ отъ Телушкина. Государь пожелалъ видѣть отважнаго кровельщика. Алексѣй Николаевичъ далъ знать объ этомъ Телушкину и назначилъ день, въ который онъ долженъ былъ явиться къ нему, чтобы, потомъ, представиться государю. Для такого случая у Телушкина не нашлось приличной одежды, почему онъ и нарядился въ чуйку своего товарища. Государь обласкалъ смѣльчака и повелѣлъ выдать ему 5000 руб. и медаль.

Телушкинъ прославился, и въ этотъ же годъ получилъ отъ разныхъ лицъ работы на сумму около 300,000 руб.

Полковникъ Л. К. Артамоновъ.

Въ началѣ марта 1898 года абиссинскій Негусъ Меneликъ предпринялъ походъ въ центральную Африку, пославъ туда отрядъ войскъ подъ начальствомъ дадьязмача (генерала) Тассамы. Цѣлью экспедиціи было закрѣпленіе за Абиссиніей обширной страны, лежащей къ западу до самаго берега Бѣлаго Нила.

Навстрѣчу абиссинцамъ спѣшили и французы подъ начальствомъ маіора Маршала, который былъ уполномоченъ своимъ правительствомъ на мѣстѣ рѣшить могущіе возникнуть вопросы и недоразумѣнія при разграниченіи владѣній. Менелику поэтому крайне желательно было на Бѣломъ Нилѣ присутствіе безпристрастнаго свидѣтеля.

Нашъ представитель, г. Власовъ, согласился на просьбу Менелика, и полковнику Артамонову пришлось взять на себя лично исполненіе этой сложной и трудной задачи.

Надо было торопиться выступленіемъ изъ столицы Менелика, чтобы догнать армію Тассамы еще въ предѣлахъ Эѳіопіи. Менеликъ, узнавъ, что самъ начальникъ военной части русской миссіи, полковникъ Артамоновъ, согласился ѣхать къ Тассамѣ, крайне обра-

довался и повелѣлъ отдавать въ пути нашему офицеру царскія почести, далъ проводниковъ и письма къ Тассамѣ, сердечно простился и напутствовалъ Артамонова.

Полковникъ Артамоновъ отправился съ двумя казаками—изъ состава русской миссіи въ Абиссиніи, а именно: л.-гв. 6-й Донской батареи старшимъ урядникомъ, Василіемъ Щедровымъ и урядникомъ Атаманскаго полка—Василіемъ Архиповымъ. Оба они вызвались сопровождать полковника Артамонова добровольно.

3-го марта 1898 года Леонидъ Константиновичъ Артамоновъ выступилъ въ походъ и, послѣ сорока шести-дневнаго путешествія по горамъ и лѣсамъ, нагналъ армію Тассамы. При этой арміи находились между прочимъ два европейца: французъ - офицеръ Фавръ и швейцарскій художникъ-фотографъ Поттеръ.

Армія Тассамы, несмотря на удивительную выносливость абиссинцевъ была такъ утомлена, что выполнить задачу—достигнуть береговъ Бѣлаго Нила на широтѣ Ладо—не могла. Особенно она терпѣла отъ полнаго отсутствія годной къ употребленію воды. Тассама собралъ военный совѣтъ, на которомъ участвовали и европейцы. Было рѣшено отправить къ Бѣлому Нилу только отборный отрядъ въ полторы тысячи воиновъ подъ начальствомъ командира Хайлэ. При послѣднемъ, въ качествѣ лѣтописца состоялъ офицеръ Азаджъ-Дубали. Онъ велъ дневникъ; этотъ дневникъ вошелъ въ донесеніе Тассамы Негусу.

Вотъ что написалъ Азаджъ-Дубали:

6-го іюля выступили въ походъ въ 6 час. утра, стали бивакомъ у рѣки Няньдень. Здѣсь собрали совѣтъ, позвали иностранцевъ, такъ какъ офицеры го-

ревали, дабы не подумали, что они повернули назадъ вслѣдствіе нерадѣнія и сказали начальнику отряда: „ты все знаешь, мы въ этомъ не отвѣтственны“. Когда спросили иностранцевъ: „что вы думаете?“ то французы сказали: „Вернемся“, а полковникъ Артамоновъ сказалъ: „Эта рѣка не представляетъ затрудненія въ нашей странѣ, я съ 20-ю солдатами построилъ бы мостъ и переправился; что же касается до абиссинцевъ, то я ихъ не знаю“. Обиженные офицеры, не находя лучшаго выраженія, отвѣтили: „Построй намъ мостъ и мы перейдемъ“, а Наньязмачъ Аба-Сензо сказалъ: „Ты ферендусъ, если такъ много знаешь, такъ построй намъ мостъ и мы перейдемъ“. Послѣ этого всѣ разстались по бивакамъ, а я сказалъ Фитаурари Хайлэ: „Надо теперь достать для постройки длинныя бревна и свить веревки; утромъ, подойдя къ рѣкѣ, построимъ мостъ; прикажи сейчасъ это сдѣлать“. Черезъ 10 часовъ окончили. Ширина рѣки была 80 локтей, поперекъ рѣки торчало 10 кольевъ, на которыхъ вѣроятно, былъ устроенъ мостъ, разрушенный туземцами при приближеніи“.

„16-го подошли къ Бѣлому Нилу. Когда подошли, нашли три большихъ дома; рѣку нашли въ этомъ мѣстѣ раздѣленною на три рукава.

„Послали въ первый рукавъ пловцовъ и они сказали, что вода доходитъ до шеи. Флаги были поручены Руфи; Руфи взялъ одинъ флагъ, я взялъ другой и сказалъ, что „если потомъ будутъ говорить, что насъ унесла вода, когда мы ставили флаги Джангоя, то это будетъ для насъ славно“ и вошли въ воду: вода доходила до шеи, и мы вышли на сухую землю. Нашли двѣ хижины: на одной прикрѣпилъ флагъ я,

на другой—Фитаурари Руфи, говоря: „Да укрѣпится царство Менелика на многія лѣта!“ Потомъ мы стали смотрѣть въ подзорную трубу и увидѣли, какъ выше по рѣкѣ спасались на лодкахъ негры; ихъ было очень много: лодки изъ тростника; на каждой сидѣло человѣкъ по 30; переправлялись на ту сторону. Послѣ этого пришли Хайлэ съ колонелемъ (Л. К. Артамоновымъ), мусье Фавръ и Поттеръ, Шадро (Щедровъ) и Аркипо (Архиповъ). Французы сказали одному Ямбо, который шелъ съ ними: „Переправься и поставь нашъ флагъ“; онъ связалъ дерево, на него навязалъ тростникъ и вошелъ въ воду. Длина плота 5 локтей, ширина—2. Русскій полковникъ, говоря: „какъ можетъ наемникъ ставить государственный флагъ; я помогу французскому государству“,—взялъ двухъ своихъ солдатъ и вошелъ въ воду. Онъ плылъ быстрѣе рыбы. За нимъ бросились въ воду Шадро и Аркипо и также поплыли. Въ срединѣ догналъ плотъ, на которомъ гребъ шанкала и, уцѣпившись за него, достигъ берега“.

„Тамъ онъ взялъ флагъ у шанкалы и, перейдя островъ, на томъ берегу поставилъ его и всѣ втроемъ крикнули. Когда возвращались назадъ, колонель сидѣлъ на плоту, за края его держались двое слугъ и направляли плотъ. Въ рѣкѣ было много гиппопотамовъ и крокодиловъ.

„Когда все кончилось, всѣ красиво стали и Поттеръ снялъ фотографію, а мы возвратились въ Фелусъ“.

Вотъ событіе, какъ оно разсказано абиссинцами.

Сущность же дѣла состоитъ въ томъ, что нашъ русскій человѣкъ, Л. К. Артамоновъ провелъ на 2000

верстъ абиссинскій отрядъ по непроходимымъ дебрямъ Африки, гдѣ не ступала еще нога европейца, гдѣ нѣтъ ни картъ, ни дорогъ, годныхъ для движенія войскъ, ни обезпеченнаго продовольствія, гдѣ климатъ убійственъ не только для непривычныхъ къ нему европейцевъ, но и для туземцевъ... Даже французы среди пути, хотя вся экспедиція была предпринята въ интересахъ Франціи, совѣтовали повернуть назадъ, какъ это и сдѣлала еще ранѣе французская экспедиція, посланная изъ Джибути. Только Л. К. Артамоновъ рѣшилъ, что надо идти впередъ и повелъ другихъ.

Онъ привелъ абиссинцевъ къ Бѣлому Нилу. Здѣсь, исполняя желаніе царя Менелика, засвидѣтельствовалъ постановку абиссинцами флаговъ и именемъ Божьимъ объявилъ только что занятую страну принадлежностью царя царей Эѳіопіи. На томъ берегу Бѣлаго Нила еще не было французовъ и объ отрядѣ Маршала никто изъ туземцевъ даже не слышалъ. Между тѣмъ абиссинцы рѣшили немедленно вернуться назадъ.

На другой день надо было водрузить знамя Франціи. Изъ двухъ французовъ одинъ (Поттеръ) совершенно больной, другой не умѣетъ плавать. Никто не соглашается идти въ воду ни за какія деньги. Ширина Нила 600 саженъ. Идти въ воду—вѣрная смерть. Кругомъ крокодилы и гиппопотамы, которые не пощадятъ человѣка. Съ трудомъ французамъ удалось уговорить одного негра переправиться на маленькомъ плотикѣ.

Но когда онъ спустился на воду, черные солдаты стали глумиться надъ бѣлыми людьми, обвиняя ихъ въ трусости. Въ эту минуту видя, что надо поддержать достоинство и значеніе русскаго человѣка. Ар-

тамоновъ перекрестился и бросился въ воду, за нимъ не говоря ни слова, бросились два русскіе казака. Господь ихъ видимо хранитъ: они переплываютъ рѣку и съ крикомъ русскаго „ура!“ водружаютъ французскій флагъ на противоположномъ берегу.

Возвращеніе назадъ опять вплавь черезъ Нилъ было еще труднѣе. Когда они уже подплыли къ зарослямъ у берега, къ нимъ бросились два крокодила, но уставшіе пловцы напрягли всѣ свои силы и во время успѣли вскочить изъ тростниковъ на высокій берегъ. Они были спасены. Л. К. Артамоновъ перекрестился и, сказавъ русское спасибо молодцамъ казакамъ, Щедрову и Архипову, поцѣловалъ ихъ. Русскихъ встрѣтили единодушные крики радости абиссинцевъ: „Великъ Богъ земли русской“, великъ народъ имѣющій такихъ удальцовъ.

Полковникъ генеральнаго штаба Леонидъ Константиновичъ Артамоновъ, пользуется громкою извѣстностью не только въ военномъ, но и въ ученомъ мірѣ. Онъ совершилъ цѣлый рядъ путешествій по Азіи и Африкѣ и обогатилъ географическую и этнографическую литературу весьма цѣнными изслѣдованіями, коллекціями и съемками. Двадцатилѣтнимъ юношей, въ 1879 году Л. К. попалъ въ качествѣ офицера на службу въ батарею 20-й артиллерійской бригады, стоявшей тогда въ станицѣ Михайловской, терской области. Отличаясь большою любовью къ природѣ, онъ предпринялъ цѣлый рядъ экскурсій въ дальніе чеченскіе аулы Черныхъ горъ и впервые ознакомился съ Кавказомъ, гдѣ ему впослѣдствіи пришлось еще не

разъ бывать и дѣйствовать. Въ томъ же году онъ добровольно присоединился къ экспедиціи, предпринятой съ цѣлью изслѣдованія и умиротворенія заповѣдныхъ пустынь и оазисовъ центральной Азіи. Леонидъ Константиновичъ во время этой экспедиціи велъ подробный дневникъ, который въ настоящее время является весьма интереснымъ описаніемъ не только походной и боевой жизни, но и страны, нравовъ, обычаевъ и образа жизни ея обитателей. О результатахъ этой экскурсіи Леонидъ Константиновичъ читалъ неоднократно доклады въ Императорскомъ россійскомъ географическомъ обществѣ, которое его въ 1882 г. и выбрало своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Доклады эти содержатъ еще дотолѣ неизвѣстныя данныя о Закаспійскомъ краѣ и его отдаленныхъ оазисахъ, особенно много интересныхъ фактовъ объ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ и о туркменскихъ племенахъ.

Въ 1885 году г. Артамоновъ поступаетъ въ академію генеральнаго штаба и, по окончаніи въ ней полнаго курса, снова отправляется на Кавказъ. На этотъ разъ онъ совершаетъ цѣлый рядъ экскурсій съ военно-географическими цѣлями въ мало изслѣдованные районы Закавказья и въ азіатскую Турцію. Здѣсь ему пришлось путешествовать переодѣтымъ, чтобы не быть узнаннымъ турецкими пограничными властями. Вернувшись въ 1889 году въ Тифлисъ, онъ опубликовалъ свои изслѣдованія эрзерумскаго вилайета, богатыя этнографическими и географическими свѣдѣніями. Но недолго пришлось Леониду Константиновичу отдыхать. Въ томъ же году онъ получаетъ порученіе изслѣдовать Малый Кавказъ и Сѣверный Азербейджанъ (часть Персіи, прилегающей къ Закавказью). Онъ это порученіе выполнилъ съ

свойственными ему трудолюбіемъ, знаніемъ дѣла и талантливостью и обогатилъ этнографическую литературу новыми цѣнными изслѣдованіями мало извѣстныхъ земель и маршрутовъ. По окончаніи этихъ работъ, онъ нѣкоторое время служилъ въ Закаспійскомъ краѣ, въ завоеваніи и изслѣдованіи котораго принималъ живое участіе.

Въ 1891 году Артамоновъ былъ посланъ въ Персію для изслѣдованія астрабадской, шахрудо-бостамской провинцій и Сѣвернаго Хоросана. Онъ прошелъ свыше 4,000 верстъ по мало извѣстнымъ областямъ, собралъ богатый научный матеріалъ и произвелъ барометрическія опредѣленія высотъ. Результаты этого путешествія онъ изложилъ въ трудѣ „Астрабадъ-Шахрудо-Бостамскій районъ и Сѣверный Хоросанъ", изданномъ въ двухъ частяхъ па средства штаба войскъ Закаспійской области. Этотъ трудъ далъ возможность составить карту Персіи въ 20-ти верстномъ масштабѣ и заполнить пробѣлы на семи листахъ пятиверстной карты сѣверной Персіи. Возвратившись въ Закаспійскій край, онъ продолжалъ свои изслѣдованія этого края и другихъ частей нашихъ среднеазіатскихъ владѣній.

Въ 1893 г. онъ въ качествѣ члена коммиссіи, назначенной для разрѣшенія споровъ по поводу р. Кушки, четыре мѣсяца провелъ у границы Афганистана и составилъ единственное въ своемъ родѣ описаніе гератской провинціи.

Въ 1897 году судьба заноситъ нашего талантливаго и неутомимаго изслѣдователя въ другую часть свѣта—въ Африку. Къ тому времени возрасталъ интересъ къ Абиссиніи, судьбы которой, въ виду особыхъ

историческихъ и политическихъ событій, заинтересовали и наше общество Въ 1897 году снаряжена была чрезвычайная миссія къ императору Эѳіопіи Менелику II. Въ эту миссію входилъ и полковникъ Артамоновъ.

За свои выдающіеся труды онъ въ 1899 г. былъ награжденъ Императорскимъ россійскимъ географическимъ обществомъ одной изъ высшихъ наградъ общества—золотою медалью имени графа Ѳ. П. Литке.

Леониду Константиновичу теперь всего сорокъ лѣтъ. Можно съ увѣренностью сказать, что добрую треть своей жизни онъ провелъ въ скитаніяхъ по неизвѣстнымъ землямъ, среди дикихъ звѣрей и варварскихъ народовъ. Отвага, любознательность и трудолюбіе были его неразлучными спутниками и лучшими помощниками. Благодаря имъ, онъ открылъ міру новыя страны, обогатилъ отечественную литературу цѣннѣйшими трудами и возвеличилъ русское имя.

Василій Маринъ.

Имя Ярославскаго крестьянина Василія Марина въ пятидесятыхъ годахъ пользовалось громкою извѣстностью и даже попало въ учебныя христоматіи, такъ велико было обаяніе подвига этого незамѣтнаго героя.

„Подвигъ“ Марина связанъ съ большимъ пожаромъ Московскаго Большого театра, весною 1853 г. Театръ сгорѣлъ въ среду, 11-го марта. Случился онъ, къ счастью, не вечеромъ, во время спектакля, а утромъ, часовъ въ 10. Москва избѣжала страшной катастрофы.

Но утренній пожаръ стоилъ нѣсколькихъ человѣческихъ жертвъ.

Василій Маринъ, по ремеслу котельщикъ, возвращался съ родины въ Петербургъ, гдѣ работалъ на Колпинскомъ заводѣ. Онъ опоздалъ на поѣздъ и остался переночевать въ Москвѣ. На утро по городу побѣжала, нагоняя ужасъ, вѣсть, что горитъ, точно костеръ. махина-театръ. Маринъ пошелъ поглазѣть на это пожарище — и нашелъ тамъ свою славу.

Трое изъ рабочихъ театра выскочили на крышу, двое, спасаясь отъ огня, рѣшились спрыгнуть на мостовую и нашли тамъ смерть. Третій колебался. Вдругъ отъ толпы вкругъ пылающаго театра отдѣлился какой-то средняго роста мужикъ, сбросилъ полушубокъ, и, захвативъ веревку, полѣзъ по лѣстницѣ, далеко не достигавшей верхней крыши. Маринъ,—это былъ онъ,— сталъ карабкаться по водосточной трубѣ.

— Трещитъ труба,—разсказывалъ потомъ Маринъ,— не больно крѣпка была, голубушка, да стало быть, такъ ужъ угодно было Господу, и я взобрался на карнизъ. Тамъ, благо, полегче стало, я сталъ на твердую ногу.

Маринъ бросилъ несчастному, стоявшему на крышѣ, веревку, и у огня была отнята лишняя жертва.

Когда Маринъ и спасенный имъ Петровъ спустились на землю, толпа бросилась къ безстрашному крестьянину, цѣловала, совала въ руки деньги. А Маринъ, плохо чувствуя себя въ нежданномъ положеніи героя, смущаясь этими шумными выраженіями восторга и благодарности, сталъ торопливо уходить отъ толпы. И въ три часа дня герой уже скромно сидѣлъ въ вагонѣ и мчался по рельсамъ желѣзнымъ къ Колпину, къ своей обычной, незамѣтной работѣ.

Слухъ о геройскомъ поступкѣ Марина дошелъ до Петербурга. Дошелъ и до Государя. Государь пожелалъ видѣть Марина, и колпинскаго котельщика привезли во дворецъ.

Умеръ Маринъ лѣтомъ 1900 г. въ глуши Ростовскаго уѣзда, на родинѣ.

Матросъ Семенъ Удалой.

Въ знаменитую кампанію 1854 г., во время побѣдоноснаго отраженія французской эскадры отъ береговъ Камчатки, былъ взятъ въ плѣнъ французами русскій ботъ съ нѣсколькими матросами. Въ числѣ плѣнниковъ оказался одинъ бойкій матросъ, балагуръ и весельчакъ, душа общества что называется, по имени Семенъ, а по прозвищу—Удалой. Вѣчно веселый, вѣчно неунывающій и безшабашный, Семенъ своими разсказами, шутками да прибаутками много способствовалъ въ поддержаніи въ своихъ товарищахъ бодраго духа и надежды. Такъ прошло почти съ годъ, до весны 1855 г., когда французы снова рѣшились попытать удачи на берегахъ Камчатки противъ Петропавловской крѣпости. Къ этому времени русскіе плѣнники успѣли пообвыкнуть въ плѣну, который надо сказать правду и не былъ особенно тягостнымъ. Между русскими и французами несмотря на непріязненныя дѣйствія чувствовалась какая-то взаимная симпатія. Наши выучились кое-какъ говорить ломаннымъ французскимъ языкомъ, французы прекрасно запомнили трехъ-этажныя „рассейскія“ ругательства. Семенъ Удалой со-

шелся съ французскими матросами за панибрата, потѣшалъ ихъ неистощимыми выдумками и чувствовалъ себя на непріятельскомъ кораблѣ не плѣнникомъ, а гостемъ.

Плаваніе и зимовка въ холодномъ климатѣ обошлась дорого французской эскадрѣ. Люди болѣли и умирали, команды порѣдѣли. А тутъ вышло приказаніе бомбардировать Петропавловскую крѣпость. Возлѣ орудій не хватало прислуги и вотъ французское начальство придумало употребить для дѣйствія изъ пушекъ русскихъ плѣнниковъ.

— Умѣешь ты стрѣлять изъ орудій? спросилъ капитанъ корабля у Семена.

— А то какъ же? Извѣстно умѣю, сами, чай, знать должны, отвѣтилъ Семенъ, не понимая зачѣмъ его спрашиваютъ.

— Отлично, такъ вотъ ты и будешь наводчикомъ, а твои товарищи у ядеръ.

— А для чего бы это, ваше благородіе?

— Крѣпость вашу брать будемъ, а ты будешь стрѣлять по укрѣпленіямъ.

— По своимъ-то?

Семенъ послѣ этого разговора совсѣмъ перемѣнился. Куда дѣвалось его веселье, его смѣхъ и шутки! Онъ замолчалъ, пріунылъ. Французы-пріятели старались успокоить его, но не могли и только головами качали да грустно улыбались.

Приплыли въ Аванчинскую губу, забили тревогу.

— Всѣ на верхъ!

Удалой и трое другихъ плѣнниковъ дѣйствительно оказались назначенными къ орудію.

— Я не пойду, отвѣтилъ онъ, когда ему приказали занять мѣсто у пушки.

— Берегись, пригрозилъ капитанъ, за ослушаніе тебя ожидаетъ веревка.

Семенъ стоялъ блѣдный, но съ твердой рѣшимостью во взорѣ; съ минуту онъ подумалъ, затѣмъ, вдругъ, бросился по снастямъ вверхъ по мачтѣ, перепрыгнулъ на ванты и закричалъ товарищамъ:

— Братцы! Не поднимайте руки на своихъ!..

Онъ перекрестился и кинулся въ море, предпочитая смерть измѣнѣ.

Матросъ Шевченко.

Во время Севастопольской войны, 19 января 1855 г. Контръ-Адмиралъ Панфиловъ назначилъ вылазку охотниковъ для уничтоженія союзническихъ ложементовъ, слишкомъ близко подведенныхъ къ русскимъ укрѣпленіямъ. Начальникомъ охотниковъ былъ лейтенантъ Бирюлевъ, человѣкъ беззавѣтно-отважный.

Построились охотники, сняли шапки, перекрестились и двинулись за линію укрѣпленій.

— Ишь, снѣгъ-то выпалъ,—говорили солдаты, — кабы не запримѣтили...

И дѣйствительно, изъ англійской траншеи разразился выстрѣлъ.—Завидѣли, проклятые!..

Взвились ракеты... По всей линіи затрещалъ батальный огонь. Но охотники молча и быстро подвигались впередъ, стараясь достигнуть ложементовъ прежде нежели подоспѣютъ непріятельскіе резервы.

Съ бастіона прибѣжалъ унтеръ-офицеръ.

— Адмиралъ приказалъ сказать вашему благородію, насилу проговорилъ онъ тяжело переводя духъ,—ой! молъ, не воротиться ли назадъ?

— Скажи адмиралу, отвѣчалъ Бирюлевъ, что у насъ пока все благополучно, а что молодцы впередъ просятся. Такъ ли, братцы? заключилъ онъ обращаясь къ солдатамъ.

— Точно такъ! Отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

Охотники подвигались все ближе и ближе къ ложементамъ.

— Кто идетъ? послышался окликъ французскаго часового.

Отвѣта не было.

— Кто идетъ? Кто идетъ? прокричалъ снова французъ.

— Русскіе, отвѣтилъ лейтенантъ Бирюлевъ и крикнулъ,—ура!

Охотники ворвались въ ложементы. Началась рукопашная схватка. Зуавы дрались отчаянно, но должны были уступить стремительному натиску русскихъ. Бирюлевъ рубился впереди всѣхъ рядомъ со своимъ ординарцемъ и постояннымъ спутникомъ на вылазкахъ матросомъ Шевченкой. Вдругъ послѣдній видитъ, что нѣсколько непріятельскихъ стрѣлковъ прицѣлились въ его командира. Не долго думая, храбрый матросъ рѣшается пожертвовать собой, чтобы спасти офицера, Шевченко перекрестился и заслонилъ собой любимаго начальника. Грянулъ залпъ. Шевченко упалъ, не сказавъ ни слова. Лейтенантъ Бирюлевъ бросился къ нему, но было ужь поздно...

Вылазка кончилась удачно. Ложементы были при-

ведены въ негодность и охотники вернулись приведя нѣсколько плѣнныхъ. Главнокомандующій князь Меньшиковъ отдалъ приказъ по войскамъ, гдѣ писалъ:

„Сдѣлавъ распоряженіе объ отысканіи семейства Шевченко, которое имѣетъ право пользоваться щедротами Государя, я спѣшу, храбрые солдаты, поздравить васъ, что вы имѣли въ рядахъ своихъ товарища, которымъ должны вполнѣ гордиться".

А. И. Юдина и Е. И. Катышева.

Анастасія Исааковна Юдина, жена золотопромышленника, и Евгенія Ивановна Катышева,—отличились геройскимъ подвигомъ въ 1900 г., во время послѣдняго китайскаго движенія.

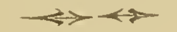
4-го іюля, въ виду предполагавшейся возможности высадки манчжуръ на нашъ берегъ въ Благовѣщенскѣ, было приказано, собрать всѣ лодки и сосредоточить ихъ въ одномъ мѣстѣ ниже мола.

На это предпріятіе вызывали охотниковъ, но ихъ не находилось. такъ какъ китайцы поддерживали непрерывный ружейный огонь. Наконецъ нашлись двѣ женщины—Анастасія Исааковна Юдина и Евгенія Ивановна Катышева, которыя приняли на себя эту трудную задачу.

За ними послѣдовало нѣсколько мужчинъ. Нужно замѣтить, что мужчины сплавили по одной лодкѣ, а двѣ женщины—три. Когда онѣ гнали третью лодку и не могли съ ней справиться веслами, то имъ пришлось соскочить въ воду. Въ это время одной изъ нихъ

двѣ пули прострѣлили юбку, но не причинили никакого вреда. Китайцы все время, пока происходило собиранiе лодокъ. производили усиленный, но безуспѣшный ружейный огонь.

Обѣ героини представлены были къ наградѣ.

Екатерина Ведяпина.

Екатерина Петровна Ведяпина, крестьянка деревни Вяжлиново, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губернiи, служившая переѣздною сторожихой на Тамбовско-Камышинской линiи, возвращаясь изъ города Балашова и поднявшись изъ-подъ откоса по лѣстницѣ на насыпь пути, замѣтила возлѣ моста въ концѣ эстакады, со стороны г. Балашова, двухъ мужчинъ, наваливавшихъ камни на рельсовый путь.

— Что вы дѣлаете?!—закричала она не своимъ голосомъ:—сейчасъ пассажирскiй поѣздъ пойдетъ!

На крикъ ея злоумышленники не обратили никакого вниманiя и продолжали свое дѣло. Тогда Ведяпина не раздумывая долго и, вся проникнутая стремленiемъ предупредить катастрофу, отважно вступила въ борьбу съ обоими мужчинами. Она не отступила передъ явною опасностью даже и тогда, когда одинъ изъ злоумышленниковъ (легковой извозчикъ Петръ Васильевъ), схвативъ ее за руки, потащилъ по мосту съ явнымъ намѣренiемъ сбросить въ воду. Ведяпина не растерялась и въ этотъ роковой моментъ: взывая къ помощи, она имѣвшимся при ней складнымъ ножомъ стойко оборонялась до тѣхъ поръ, пока не подоспѣлъ

путевой сторожъ Демьянъ Ковалевъ, при приближенiи котораго оба злоумышленника бѣжали въ ближайшiй лѣсъ. Едва освободившись отъ смертельной опасности, Ведяпина, несмотря на пережитое ею потрясенiе и физическую боль, не теряя ни секунды, бросилась къ полотну и съ лихорадочною поспѣшностью, уже въ виду приближающагося поѣзда, стала разбрасывать лежавшiе на пути камни. Ей удалось довести до конца свой благородный поступокъ, камни были свалены и поѣздъ прошелъ благополучно.

Правленiе общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги, выдавъ Ведяпиной денежную награду въ размѣрѣ 300 руб., сочло своимъ долгомъ сообщить обо всемъ министру путей сообщенiя съ ходатайствомъ о пожалованiи Екатеринѣ Ведяпиной медали за ея геройскiй поступокъ, спасшiй жизнь многихъ людей.

РУССКІЕ САМОРОДКИ.

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай,—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди пустыхъ холодныхъ
И напыщенныхъ собой.

Н. А. Некрасовъ.

Справедливы слова поэта, поставленныя эпиграфомъ.

На волжскихъ пристаняхъ, въ приморскихъ гаваняхъ, въ глухихъ деревенскихъ углахъ, по проселочнымъ дорогамъ, а то такъ и прямо въ трущобахъ встрѣчаются люди до того богато одаренные, умные, талантливые, что ихъ способности прорываются наружу даже въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя давили ихъ съ колыбели, хотя, увы! иногда прорываются въ уродливой формѣ.

Въ силу своей творческой, богато одаренной натуры, неуравновѣшенные и неустойчивые въ жизни,

не примиряющіеся съ враждебными имъ условіями, они, чаще всего, осуждены на гибель, сжигаемые тѣмъ самымъ божественнымъ огнемъ, коему предназначено было согрѣвать людей и освѣщать окружающую тьму. Вмѣсто того, этотъ огонь превращалъ въ пепелъ самихъ носителей его. Рѣдко кому изъ нихъ посчастливится выйти на свѣтъ и блеснуть своей стихійной силой.

Большинство ихъ выдѣляются опять-таки совершенно случайно. Встрѣтятъ ихъ чуткіе, добрые люди, научатъ грамотѣ и тому, что сами знаютъ, — вотъ и поднялся человѣкъ, а безъ этого до конца своей жизни— „пребывалъ-бы въ неизвѣстности, пресмыкаясь въ нищетѣ“.

Попавъ на благопріятную почву, эти люди вдругъ выростаютъ, становятся гигантами. Съ удивленіемъ, закинувъ голову кверху глядитъ на нихъ толпа и не подумаетъ, что въ ея же средѣ быть можетъ находится другой такой же гигантъ, которому только „случай“ не выпалъ. Эти скрытые гиганты, часто неграмотные и неразвитые, не лишены однако особой печати божіей, по которой ихъ можно отличить въ толпѣ и которую мы именуемъ—„русской смѣткой“.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

На Пютерлакской плитной ломкѣ спускали съ берега на суда колонну, назначенную для монумента Александру I, что находится теперь противъ Зимняго дворца въ Петербургѣ. Лѣса, сдѣланныя для спуска колонны, подломились. Завѣдывавшій этимъ дѣломъ архитекторъ Монферанъ отправился въ Петербургъ до-

нести, что къ назначенному времени колонна не можетъ быть доставлена. При спускѣ колонны находился кн. В. В. Долгорукій. Онъ обратился къ подрядчику; купцу Яковлеву и сказалъ:

— Вотъ вы, русскіе, и этого не могли сдѣлать порядочно.

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ Яковлевъ,—этотъ случай намъ послужитъ къ лучшему: стоитъ только наложить тяжести на концы переломленныхъ балокъ и колонна сама ляжетъ на суда. Вольно было торопиться архитектору ѣхать съ докладомъ.

Въ случаѣ удачнаго окончанія этой работы князь обѣщалъ рабочимъ по 5 руб. на брата. По распоряженію подрядчика, тяжести на концы балокъ были положены и колонна благополучно спустилась на суда. Тотчасъ же повезли ее въ Петербургъ. При обратномъ пути, Монферанъ встрѣтилъ колонну около Петербурга, и не мало этому дивился.

Второй примѣръ:

Въ городѣ Валдаѣ, Новгородской губерніи, отлитъ былъ колоколъ въ 2,000 пудовъ для Петербургскаго Троицкаго собора, что въ Измайловскомъ полку. Чтобы доставить этотъ колоколъ на мѣсто, требовалось по разсчетамъ инженеровъ, 80 лошадей. Это загородило бы все шоссе и стоило бы дорого. Къ А. Н. Оленину, бывшему членомъ при построеніи собора, явился валдайскій мѣщанинъ и объявилъ, что онъ привезетъ колоколъ на 6-ти или даже на 4-хъ лошадяхъ.

— Какимъ манеромъ? спросилъ его Алексѣй Николаевичъ.

— Это ужь мое дѣло; если я скажу, то и всякій его привезетъ.

— Будь спокоенъ, я твоего секрета никому не открою.

— А вотъ, надо сдѣлать въ величину колокола 4 обода,—объяснилъ мѣщанинъ,—въ боковыхъ ободахъ сдѣлать оси, обшить досками и катить его, такъ что не только не испортится дорога, а еще укатается шоссе.

Послѣ доклада объ этомъ Государю, Алексѣй Николаевичъ снабдилъ подрядчика задаткомъ и формальнымъ предписаніемъ. Колоколъ привезенъ былъ изъ Валдая въ Петербургъ благополучно. Мѣщанинъ получилъ 5,000 р. и золотую медаль на анненской лентѣ.

Еще примѣръ:

На одномъ изъ Петербургскихъ заводовъ нужно было выкрасить высокую дымогарную трубу. Нашлись свѣдущія лица, которыя соглашались сдѣлать окраску трубы за 800 руб. Дѣло было почти уже рѣшено. Но вотъ въ контору завода приходитъ нѣкій Софронъ Куликъ, кланяется и говоритъ:

— Дозвольте ваше высокородіе, трубу эту, значитъ, мы выкрасимъ и за все возьмемъ 40 рублевъ.

Начальство было поражено, но предложеніе Софрона Кулика приняло. Куликъ купилъ пять дѣтскихъ воздушныхъ шаровъ, въ родѣ тѣхъ, которые продаются на вербахъ, соединилъ ихъ длинной-предлинной тоненькой шелковинкой и пропустилъ снизу сквозь дымогарную трубу, держа катушку шелка въ рукахъ. Когда, затѣмъ, шары поднялись изъ трубы на должную высоту, Софронъ въ шары выстрѣлилъ и конецъ шелковинки съ простреленными шарами упалъ на землю. Что и требовалось доказать. Послѣ этого окраска трубы не представляла уже особенной трудности. Софронъ привязалъ къ концу шелковинки сначала тоненькую би-

чевку, потомъ бичевку потолще, потомъ еще потолще и т. д., пока ему не удалось продѣть сквозь дымогарную трубу веревку такой толщины и крѣпости, чтобъ она могла поднять русскую люльку. Съ этой люльки и производилась затѣмъ обыкновеннымъ маляромъ окраска трубы. Начальство, за успѣшное исполненіе этой работы, подарило Софрону 20 руб. на чай.

Близъ города Юхнова, Смоленской губерніи, нужно было очистить рѣку Угру отъ свай, оставшихся отъ стараго моста. Эти сваи препятствовали сплаву лѣса. Инженеры составили смѣту расходовъ на это дѣло въ 200000 р. Назначены были торги на сдачу работъ.

Извѣстіе объ этомъ скоро разнеслось по деревнямъ, и вотъ, одинъ крестьянинъ. крѣпостной богатаго помѣщика князя Оболенскаго, услыхавъ о громадной суммѣ, вычисленной инженеромъ, явился къ своему барину и предложилъ вытаскать сваи всего за 200 р.

— Съ ума ты сошелъ?! воскликнулъ удивленный князь.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ крестьянинъ,—изволите ли видѣтъ: нужно сдѣлать на сваяхъ зарубки, и къ нимъ привязать толстые канаты, а къ послѣднимъ—бревна; съ наступленіемъ морозовъ канаты начнетъ поджимать льдомъ, отчего всѣ сваи должны сами выскочить; если же они не выскочатъ осенью, то весной ихъ непремѣнно выпретъ со льдомъ.

Это умное предложеніе было принято, и дѣло поручено мужику, который при помощи мороза и полой воды, дѣйствительно, безъ всякаго труда, вытаскалъ сваи. За это онъ получилъ достойное вознагражденіе— не 200 рублей, а цѣлыхъ 5.000 руб., и такимъ обра-

зомъ, благодаря своей находчивости сразу сдѣлался богатымъ человѣкомъ.

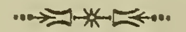
При сооруженіи памятника Петру I. возлѣ Сената въ Петербургѣ, отъ подножнаго камня былъ отколотъ огромный кусокъ, который надо было убрать съ площади, но недоумѣвали, какъ это сдѣлать. Одинъ крестьянинъ взялся его «прибрать» за ничтожную плату. Когда это было дозволено, онъ вырылъ яму по близости монумента, свалилъ въ нее камень и засыпалъ его, а землю увезъ въ койкахъ.

И такъ:

Кто знаетъ что было бы изъ этихъ людей если-бы имъ дать образованіе, развить въ нихъ скрытыя способности. Сколько бы новыхъ именъ стояло родомъ съ именами такихъ самородныхъ, какъ Ломоносовъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Кулибинъ, Посошковъ и пр. и пр.

Эти самородныя—таланты также можетъ быть не пошли бы дальше „смѣтки", если бы благопріятныя обстоятельства имъ не помогли.

Ниже мы приводимъ цѣлый рядъ нашихъ русскихъ самородковъ, которые еще не успѣли, такъ сказать, овладѣть вниманіемъ и удивленіемъ общества. Они выдѣлились изъ толпы, обнаружили свое творчество, проявили свои плодотворные силы, но не успѣли по свойственной русскому человѣку скромности окружить свое имя заслуженною популярностью...

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ.

(Архитекторъ).

Андрей Никифоровичъ происходилъ изъ крестьянъ графа Строгонова. Онъ родился 17-го Октября 1760 года въ селѣ Новое-Усолье, Пермской губер. Соликамскаго уѣз. Въ дѣтствѣ проявилась въ немъ охота къ рисованію; когда же ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, рисунки его случайно попали въ руки графа А. С. Строгонова, и Воронихинъ былъ отправленъ въ Москву для обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ его приписали къ сельцу Давыдовкѣ, крестьяниномъ которой онъ и былъ показанъ въ отпускной, данной графомъ 25 іюня 1786 г. Въ Москвѣ Андрей Никифоровичъ занимался подъ руководствомъ знаменитыхъ архитекторовъ того времени— Казакова и Баженова, и пользовался особеннымъ покровительствомъ митрополита Платона. Переведенный графомъ Строгоновымъ въ Петербургъ, Воронихинъ продолжалъ тамъ свои занятія, а черезъ нѣкоторое время отправился съ сыномъ графа Пав. Алекс. въ путешествіе. Они объѣздили южную Россію и всю западную Европу. Въ Парижѣ Воронихинъ усердно изучалъ живопись и архитектуру, а также метематическія и естественныя науки.

Въ 1800 году Андрей Никифоровичъ получилъ назначеніе преподавать архитектуру въ академіи художествъ, а 14 Ноября того же года утвержденъ былъ его проэктъ Казанскаго собора. Въ 1802 г. онъ былъ возведенъ въ званіе профессора архитектуры. Въ 1811 году, награжденъ орденомъ Владиміра 4-й сте-

пени. При освященіи церкви Казанской Божіей Матери, 26-го Октября того же года ему былъ пожалованъ орденъ Св.-Анны 2-й степени съ брилліантами.

Воронихинъ умеръ скоропостижно 21-го Февраля 1814 года. Императоръ Александръ Благословенный пожаловалъ пенсію, получаемую Воронихинымъ еще при жизнѣ, женѣ его, съ переводомъ отъ нея къ его дѣтямъ. Воронихинъ похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Кромѣ Казанскаго собора, имъ построены въ Петербургѣ: горный корпусъ, домъ государственнаго казначейства, первую русскую терапевтическую клинику въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, колоннаду въ Петергофѣ, террасу въ Стрѣльнѣ и нѣкоторыя другія постройки въ Гатчинѣ и Павловскѣ.

Лаврентій Аксеновичъ Сѣряковъ.

(Граверъ-академикъ).

Сѣряковъ былъ родомъ изъ крестьянъ помѣщика Макавѣева, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи. Онъ родился въ селѣ Холенковѣ 28-го января 1824 года. Отецъ Лаврентія Аксеновича былъ сданъ въ солдаты, а потому и послѣдній носилъ форму кантониста. Семи лѣтъ его обучили грамотѣ и пѣнію. Когда же ему исполнилось девять лѣтъ, начальникъ дивизіи во время царскосельскихъ маневровъ обратилъ вниманіе на голосъ Сѣрякова и перевелъ его въ дивизіонные пѣвчіе. Въ дивизіонныхъ пѣвчихъ мальчику

пришлось не легко. Помѣщались они въ деревнѣ, въ восьми верстахъ отъ города Пскова, гдѣ была дивизіонная церковь. Ходить на церковныя службы приходилось нерѣдко по грязи, жарѣ, а зимой по морозу и въ вьюгу, разумѣется пѣшкомъ. На мѣстѣ своего квартированія пѣвчіе жили въ холодной избѣ, спали на дворѣ или въ ригѣ, а питались чѣмъ попало. Кромѣ пѣнія мальчиковъ учили чтенію, письму и ариѳметикѣ.

Въ 1836 году дивизіонные пѣвчіе были зачислены въ рядовые, но Сѣряковъ по недостиженію 16 лѣтъ оставленъ кантонистомъ и опредѣленъ въ музыканты; игралъ на кларнетѣ и на флейтѣ, но черезъ два года у него обнаружилось кровохарканье. По просьбѣ матери пазначить во фронтъ, его зачислили въ 1-ю роту Псковскаго полубаталіона кантонистовъ и опредѣлили въ канцелярію писаремъ.

Здѣсь приходилось самому мыть полъ, наравнѣ съ прочими, недосыпать ночей, ходить на ученье и въ классы, испытать всю строгость аракчеевскихъ правилъ, по которымъ допускалось замучить девять человѣкъ изъ десяти, чтобы этотъ десятый сдѣлался образцовой машиной-писаремъ въ какомъ-либо карабинерномъ полку. На дѣйствительную службу Сѣряковъ былъ зачисленъ въ 1840 году. Его назначили учителемъ ариѳметики и рисованія въ батальонѣ кантонистовъ съ жалованьемъ 12 рублей въ годъ ассигнаціями. Въ это время онъ считался уже весьма хорошимъ рисовальщикомъ и нарисованный имъ портретъ государя Николая Павловича долго висѣлъ въ классѣ, даже послѣ отъѣзда Сѣрякова въ Петербургъ. Учительствуя и оставаясь пѣвчимъ Лаврентій Аксеновичъ въ то же время испра-

влялъ должность фельдфебеля во 2-й ротѣ. Непосильныя обязанности заставили его обратиться къ знакомому писарю въ Департаментъ военныхъ поселеній, прося показать начальству образецъ его почерка. Черезъ два съ лишнимъ мѣсяца Департаментъ вытребовалъ Сѣрякова въ Петербургъ, куда онъ и былъ отправленъ по этапу. Въ столицѣ Лаврентій Аксеновичъ былъ зачисленъ писаремъ съ жалованьемъ въ 1 руб 80 коп. въ мѣсяцъ, но изъ нихъ вычитали на артель 1 р. 20 к., спать за неимѣніемъ свободной койки приходилось просто на полу и самому стирать свое бѣлье. Въ свободные дни Сѣряковъ усердно занимался чтеніемъ и рисованіемъ. Разъ въ августѣ 1845 года, во время ночнаго дежурства его засталъ за рисункомъ начальникъ топографовъ полковникъ Поповъ, который посмотрѣвъ рисунокъ замѣтилъ:

— Прекрасно сдѣлано, да у меня нѣтъ ни одного такого топографа.

Рисунокъ этотъ былъ показанъ директору и Сѣрякову велѣли готовиться къ экзамену на топографа на что дали всего два мѣсяца.

Ставъ топографомъ Лаврентій Аксеновичъ мало улучшилъ свое матеріальное положеніе, которое стало особенно тягостно, когда къ нему переѣхала мать. Занятія перепиской давали всего 20 коп. съ листа, а иныхъ занятій не находилось. Чтобы имѣть даровое помѣщеніе Сѣряковъ принялъ подвернувшееся мѣсто дворника.

Въ 1846 году ему случайно попался листокъ французскаго иллюстрированнаго изданія; его заинтересовало то что рисунки были отпечатаны среди типографскаго набора. Сообразивъ, что каждая линія въ рисункѣ сдѣ-

лана на доскѣ рельефомъ, какъ типографскія буквы. Сѣряковъ попробовалъ рѣзать на кускѣ березоваго дерева перочиннымъ ножемъ. Его постигла неудача. Тогда въ гостинномъ дворѣ онъ купилъ болѣе подходящаго дерева и снова принялся за работу, вовсе не имѣя представленія, какъ рѣжутъ граверы. Вырѣзавъ удачно рисунокъ, Лаврентій Аксеновичъ обратился за заказомъ въ магазинъ издателя Смирдина и встрѣтился тамъ съ учителемъ Студитскимъ. Послѣдній заказалъ ему 12 политипажей для дѣтской книжки «Путешествіе вокругъ свѣта“ по 3 р. за рисунокъ. Каждый рисунокъ Сѣряковъ рѣзалъ перочиннымъ ножемъ по нѣсколько дней, съ чрезвычайными усиліями. Заказчикъ остался доволенъ и заплатилъ вмѣсто 3 р. по 5 р.

Не смотря на полное незнакомство съ пріемами настоящихъ граверовъ, самоучка Сѣряковъ выполнилъ многіе изъ этихъ политипажей тонко и изящно, пожалуй лучше даже опытныхъ русскихъ ксилографовъ того времени.

Вскорѣ подвернулся случай скопировать планъ имѣнія князю Одоевскому, на планѣ былъ раскрашенный гербъ, которымъ Сѣряковъ очень заинтересовался и весьма тщательно его отдѣлалъ на своемъ планѣ. Когда же онъ представилъ князю свою работу, то тотъ пришелъ въ восторгъ отъ исполненія и замѣтилъ:

— Къ чему было гравировать гербъ.

— Нѣтъ, это я перомъ сдѣлалъ, отвѣчалъ Сѣряковъ.

— Неужели! Не можетъ быть!

И подошедши къ окну сталъ тщательно разсматривать рисунокъ, а затѣмъ позвалъ жену и показалъ ей.

— Смотри! вотъ мы посылаемъ заграницу заказы

рисунковъ для моихъ сочиненій (разсказы дѣдушки Иринея) тогда какъ у насъ въ Россіи есть свой граверъ.

Князь Одоевскій познакомилъ его съ издателемъ „Иллюстраціи“ Кукольникомъ, который предложилъ ему работать для Иллюстраціи и выписалъ для него граверные инструменты. Съ того времени заработки Сѣрякова увеличились (50—70 р.) и онъ отказался отъ мѣста дворника. Тутъ ужъ начинается его знакомство съ литераторами и артистами и ему предсказываютъ блестящую будущность. Кукольникъ посовѣтывалъ Лаврентію Аксеновичу посѣщать Академію Художествъ для усовершенствованія въ рисункѣ; доложено было Директору Департамента, но тотъ, призвавъ Сѣрякова къ себѣ, раскричался на него, за то, какъ онъ, солдатъ, осмѣлился думать объ Академіи. Кукольникъ написалъ докладную записку Военному Министру, при которомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій и подалъ ему во время доклада, когда тотъ ѣхалъ во дворецъ. Въ тотъ же день на запискѣ рукою Императора было написано „согласенъ“. Съ Марта 1847 года Сѣряковъ началъ посѣщать старшіе классы Академіи Художествъ вольноприходящимъ: черезъ 2 мѣсяца его перевели изъ 1 въ слѣдующій классъ, а еще черезъ мѣсяцъ въ другой.

Цѣлый день, а то и ночи, проводилъ онъ за работой, утромъ отправлялся въ Академію, днемъ занимался дома гравированіемъ для „Иллюстраціи“, вечеромъ опять въ Академію, а оттуда домой.

Государь однажды спросилъ о занятіяхъ Сѣрякова. Сѣряковъ осчастливленный этимъ вниманіемъ представилъ чрезъ Военнаго Министра альбомъ 15 гравюръ;

гдѣ находилась группа изъ 3 фигуръ, по 4 верш. величины, срисованная съ натуры: солдатъ Кавалергардскаго полка въ полной формѣ, унтеръ-офицеры Преображенскаго полка и Семеновскаго полка въ походной формѣ: за эту работу онъ получилъ денежную награду.

Въ 1853 году Сѣряковъ получилъ званіе художника за исполненіе гравюры на деревѣ „голова старика“ Рембрандта въ полъ натуры. Императоръ Николай Павловичъ посѣтивъ выставку, на которой была выставлена въ числѣ прочихъ и работа Сѣрякова, остался очень доволенъ и уходя сказалъ:

— Надо его поддержать.

Въ Августѣ 1854 года Высочайше разрѣшено производить Сѣрякову жалованье по 150 р., а въ 1857 году онъ получилъ мѣсто рисовальщика при Департаментѣ Главнаго Штаба.

Въ Маѣ того же года онъ приступилъ къ выполненію программы на званіе академика, гравюры „Невѣріе апостола Ѳомы“ 12 вершковъ ширины и 14 вершковъ вышины. Для этой работы, которая обыкновенно требовала пять и болѣе лѣтъ, Государь приказалъ выдать Сѣрякову 500 р. „Невѣріе апостола Ѳомы“ было готово къ веснѣ слѣдующаго года. Всѣ знатоки восхищались прекраснымъ исполненіемъ гравюры; находили что ему могли бы позавидовать лучшіе англійскіе граверы на стали. Однако званіе академика на этотъ разъ Сѣрякову не дали, а Академія командировала его на годъ во Францію для еще большого усовершенствованія.

Во Франціи Лаврентій Аксеновичъ превзошелъ самыхъ лучшихъ граверовъ. Вмѣсто года онъ пробылъ

за границей пять лѣтъ, объѣздилъ Германію, Швейцарію, Италію и Испанію, Въ Октябрѣ 1864 года онъ былъ признанъ наконецъ, академикомъ.

За границей и въ Россіи Сѣряковъ былъ заваленъ работой. Между прочимъ онъ гравировалъ портретъ Императора Александра II для распространенія въ народѣ по дешевой цѣнѣ. За эту работу ему пожаловали званіе гравера Его Императорскаго Величества „во вниманіе къ отличному таланту и заслугамъ по усовершенствованію въ Россіи гравированія на деревѣ."

Лаврентіемъ Аксеновичемъ выполнена масса всевозможныхъ рисунковъ, основана школа гравированія, давшая талантливыхъ граверовъ: И. И. Матюшина и Г. И. Грачева. Въ обыденной жизни Сѣряковъ отличался отзывчивостью и добродушіемъ. Онъ былъ преданный и любящій сынъ. Старушка мать не разставалась съ нимъ. Устроившись за границей въ 1878 году на маленькой квартиркѣ, Сѣряковъ выписалъ ее изъ Петербурга въ Парижъ, гдѣ вскорѣ и похоронилъ ее. Смерть матери очень огорчила Лаврентія Аксеновича, труды и лишенія вынесенные имъ въ дѣтствѣ и молодости разстроили его здоровье. Сѣряковъ умеръ въ Ниццѣ 2-го Января 1881 года.

Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ.

(Художникъ-археологъ).

Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ родился 14 Апрѣля 1801 года въ селѣ Верхненикульскомъ, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи Отецъ его занималъ должность кассира Императорскихъ театровъ въ С.-Петербургѣ и по происхожденію былъ изъ крѣпостныхъ графа Мусина-Пушкина. Мать Солнцева была грамотна, понимала необходимость образованія для человѣка и сама начала обучать сына грамотѣ, когда послѣднему исполнилось шесть лѣтъ. Дальнѣйшее обученіе велось подъ руководствомъ старика управляющаго графскимъ имѣніемъ. У мальчика рано проявилась любовь къ рисованію и онъ часто вмѣсто зубренія букваря, занимался рисованіемъ въ тетрадяхъ, на поляхъ книгъ, всюду, гдѣ ни попало. За тетради ему порядкомъ доставалось, у него отбирались карандаши и чернила. Онъ умудрялся рисовать цвѣтными мягкими камушками съ береговъ Ильты или Сити. Онъ срисовывалъ все, что попадалось на глаза, но особенно любилъ копировать лубочныя картинки. До 1815 года онъ жилъ въ селѣ съ матерью и только во время наѣздовъ отца, видѣлся съ послѣднимъ. Въ 1815 году, когда отецъ, по обыкновенію, посѣтилъ ихъ, на юнаго рисовальщика посыпались жалобы, что онъ ничего не дѣлаетъ, только и знаетъ—тетради пачкаетъ разными рисунками, больше все церковныхъ предметовъ. Отецъ разсмотрѣвъ тетради, нашелъ что у сына есть способность къ рисованію и увезъ его въ Петербургъ, гдѣ въ томъ же году опредѣлилъ въ Академію Художествъ. Солнцевъ поработалъ въ рисовальномъ и гипсовомъ классахъ, а

затѣмъ перешелъ въ натурный и избралъ своей спеціальностью историческую и портретную живопись.

Въ 1822 году Императрица Марія Θеодоровна пожелала имѣть сюжеты для живыхъ картинъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ для раздачи участникамъ въ нихъ. Президентъ Академіи А. Н. Оленинъ приказалъ выбрать для копированія четырехъ учениковъ. Въ числѣ ихъ былъ назначенъ и Солнцевъ. Государыня лично выбирала въ эрмитажѣ картины, большей частью Рембрандта и Ванъ-Дика, съ которыхъ назначенные ученики и срисовывали. Рисунки очень понравились и такимъ образомъ Солнцевъ сталъ лично извѣстенъ Оленину.

Спустя годъ совѣтъ Академіи далъ порученіе Θедору Григорьевичу нарисовать Пютерланскую плитную ломку. По окончаніи картины Солнцевъ представилъ ее самъ Оленину и заслужилъ похвалу отъ него. Но особенное вниманіе Оленинъ обратилъ на него въ то время, когда задана была программа на вторую золотую медаль. Назначены были 2 сюжета,—изобразить: „крестьянское семейство“ и „шашечная игра“. Сюжеты рисовались въ общей залѣ, причемъ не позволялось выходить изъ залы. Нарисованные имъ эскизы понравились Совѣту и Оленину, такъ что ему предложено было написать красками любой изъ нихъ. Солнцевъ избралъ „крестьянское семейство“, состоящее изъ 4 фигуръ. Натурщиками служили у него: сторожа, которые носили въ Академіи дрова, старуха нянька изъ лазарета и мальчикъ—сынъ сторожа.

Передъ окончаніемъ программы, Совѣтъ, въ полномъ составѣ, обходилъ кабинеты, гдѣ работали ученики. Замѣтивъ въ картинѣ Солнцева, что у него написано плохо молоко, тутъ же призвалъ эконома и

приказалъ ему отпускать Солнцеву ежедневно на завтракъ крынку неснятаго молока. За эту картину Солнцеву дали 2-ю золотую медаль.

Для полученія 1-й золотой медали задано было изобразить Спасителя съ фарисеями, по Евангельской притчѣ о монетѣ. Въ 1827 году картина была окончена, удостоена 1-й золотой медали, и ему объявили, что нужно ѣхать заграницу въ Китай, но онъ отказался.

Вниманіе Президента Академіи Оленина принесло Ѳ. Г. громадную пользу, такъ однажды онъ зашелъ къ Оленину на домъ и тотъ поручилъ ему нарисовать „Липицкое сраженіе", бывшее близъ г. Юрьева-Польскаго, въ 1216 г. За эту работу онъ получилъ 200 р.; послѣ того Оленинъ предложилъ ему нарисовать „Рязанскія древности", найденныя въ 1822 г. тремя крестьянами близъ с. Старая Рязань, Спасскаго уѣзда, 13 золотыхъ бляхъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, *бармы* — (украшеніе царской или велико-княжеской одежды), разныя кольца, перстни и мн. др. Рисовалъ Ѳедоръ Григорьевичъ въ кабинетѣ Оленина; между прочимъ у него нарисована была бляха; рисунокъ этотъ лежалъ на столѣ. Однажды пріѣхалъ къ Оленину профессоръ перспективы, Воробьевъ, замѣтивъ на столѣ бляху и принявъ ее за настоящую, онъ хотѣлъ рукою сдвинуть ее; но, увидѣвъ свою ошибку, сказалъ:

— Неужели это нарисовано!

На что Оленинъ замѣтилъ:

— Да, ужъ, лучшей похвалы искусству нельзя сдѣлать.

Вскорѣ Ѳедоръ Григорьевичъ сдѣлался своимъ че-

ловѣкомъ въ домѣ Оленина. Здѣсь онъ встрѣчался съ Крыловымъ, Брюловымъ, Пушкинымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ и др.

Послѣ окончанія рисунковъ „рязанскія древности“, Оленинъ поручилъ Солнцеву рисовать Керченскія и Фанагорійскія древности. Нѣкоторыя вещи имъ рисованы на камнѣ. Оленинъ остался чрезвычайно доволенъ его рисунками и представилъ ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, Императору Николаю Павловичу. Государь обратилъ на него свое милостивое вниманіе, которое и продолжалось до самой кончины Императора.

9 Мая 1830 г. Солнцевъ былъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію въ Москву и многіе другіе города и монастыри „для срисовыванія старинныхъ нашихъ обычаевъ, одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и прочихъ предметовъ, принадлежащихъ къ историческимъ, археологическимъ и этнографическимъ свѣдѣніямъ“. Порученіе это Солнцевъ выполнилъ съ присущей ему талантливостью.

Въ 1836 году Ѳедоръ Григорьевичъ получилъ званіе академика. За возстановленіе въ то же время въ Кремлѣ древнихъ теремовъ, Государь лично пожаловалъ ему орденъ Св. Владиміра.

Въ 1843 году Солнцевымъ открыты и возобновлены въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ древнія фрески и мозаики.

По случаю свадьбы великаго князя Константина Николаевича, Ѳедору Григорьевичу поручили сдѣлать рисунки для разной утвари: фарфора, хрусталя, бронзы, золотыхъ и серебрянныхъ вещей въ *русскомъ стилѣ*. Англійскій магазинъ нашелъ, что рисунки Солнцева не изящны и сдѣлать вещи по нимъ отказался, выписавъ

въ то же время образцы изъ Англіи. Рисунки Ѳедора Григовьевича были выполнены Сазиковымъ, вещи оказались лучше англійскихъ и получили одобреніе Государя.

20-го Мая 1876 года Императорское Русское Археологическое Общество поднесло Ѳедору Григорьевичу золотую медаль съ его портретомъ.

Въ теченіи болѣе полувѣковой неутомимой дѣятельности, Солнцевъ неоднократно посѣтилъ для археологическихъ изысканій древнѣйшіе города и монастыри нашего отечества, находилъ, изслѣдовалъ и въ превосходныхъ рисункахъ сохранилъ памятники религіознаго, государственнаго и домашняго быта нашихъ предковъ, восходя до XII и XI вѣка. Семь громадныхъ томовъ монументальнаго изданія: „Древности Россійскаго Государства“, вышедшаго въ 1846—1853 гг. и, къ сожалѣнію, непродолжаемаго, украшены рисунками, числомъ свыше 500—исполненными единственно Солнцевымъ. Эти рисунки составляютъ лишь часть всего количества произведеній маститаго художника, исполненныхъ имъ со свойственными его кисти—точностью, изяществомъ и живостью красокъ. Кисть Солнцева вызвала изъ мрака забвенія останки старины, воскресила въ живыхъ образахъ быта всѣ стороны древней Руси. Въ рисункахъ Солнцева, любитель древности найдетъ наиболѣе чтимыя народомъ русскимъ иконы; тутъ же кресты запрестольные и наперстные, утварь церковная, облаченія сана духовнаго; предметы древняго обихода царскаго: вѣнцы, скипетры, державы, бармы и т. п.; доспѣхи воинскіе, сбруи конскія, всякаго рода оружія; древнѣйшія великокняжескія, царскія, боярскія и мѣстныя народныя одѣянія, и не только въ

изображеніяхъ одеждъ—но въ портретахъ—таковы, напримѣръ: князья Репнины, Скопинъ—Шуйскій, думный дьякъ Власьевъ, цари: Михаилъ Феодоровичъ Алексѣй Михайловичъ, Θеодоръ, Іоаннъ, Петръ Алексѣевичи; патріархи: Филаретъ, Никонъ; наши царицы и царевны XVII вѣка и мног. друг. Далѣе въ рисункахъ Солнцева воспроизведена древняя столовая и домашняя утварь: кресла, скамьи, столы, поставцы и проч., наконецъ, памятники древняго русскаго зодчества во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; здѣсь фасады храмовъ и частныхъ зданій, разрѣзы, планы, отдѣльныя части: окна, двери, рѣшетки, своды, куполы—съ приложеніемъ масштабовъ.

Изъ каждаго древняго города, Солнцевъ—неутомимый собиратель художественныхъ произведеній земли Русской—выбралъ типичныхъ представителей и слилъ ихъ, въ изданіи „Древностей", въ одно стройное цѣлое.

Почти каждый великокняжескій или княжій „стольный" городъ послужилъ Солнцеву источникомъ для выбора образцовыхъ произведеній зодчества, ваянія, живописи или вообще какого-либо мастерства нашихъ предковъ. Вся обстановка быта, весь такъ сказать, домашній обиходъ древней Руси воспроизведенъ въ рисункахъ Солнцева.

Важность изданія „Древностей" въ отношеніи научномъ давно и по достоинству оцѣнена знатоками и любителями отечественной старины. Такъ-же нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыя оказали и продолжаютъ оказывать произведенія Солнцева наизящныя художества и на развитіе у насъ въ Россіи нѣкоторыхъ ремеслъ. Безъ справокъ съ изданіемъ „Древностей" не можетъ обойтись ни

художникъ—иконописецъ, ни живописецъ историческій; не минуетъ рисунковъ Солнцева своимъ вниманіемъ зодчій, желающій строить въ чисто-русскомъ стилѣ, который возстановленъ у насъ, по волѣ императора Николая I, восхищеннаго видами зданій нашихъ древнихъ храмовъ въ рисункахъ Солнцева.

„Древности“ Ѳедора Григорьевича необходимы и для писателя историческаго романа и для театра при постановкѣ театральныхъ пьесъ. Благодаря трудамъ Солнцева всѣ виды русскаго мастерства возрасли до высоты народныхъ художествъ; наши мастера бросили слѣпое подражаніе иноземнымъ образцамъ и обратились къ своимъ, русскимъ, къ своеобразному русскому стилю. „Рисунки Солнцева,—говоритъ М. И. Семевскій—въ научномъ и художественномъ отношеніяхъ—*живописная лѣтопись* древней Руси, источникъ возрожденія отечественнаго стиля“. „Солнцевъ, путемъ своихъ археологическо-художественныхъ изысканій, напалъ на неистощимый родникъ русскаго искусства, а произведеніями своими пробудилъ въ русскихъ художникахъ чувство народнаго самосознанія и уваженія къ образцамъ, завѣщаннымъ намъ предками“.

Ѳедоръ Григорьевичъ параллельно съ рисованіемъ отечественныхъ древностей, подвергалъ ихъ критической оцѣнкѣ, провѣрялъ по документамъ—лѣтописямъ, грамотамъ, актамъ, монастырскимъ хартіямъ и т. п.—время сооруженія храмовъ, выдѣлки утвари, оружія, доспѣховъ и облаченій. Эти чисто ученые труды вознаградились многими важными хронологическими открытіями.

Археологическія открытія Солнцева подтвердили подлинность многихъ памятниковъ старины, древность ко-

торыхъ еще не была доказана. Между прочимъ Ѳедоръ Григорьевичъ доказалъ принадлежность найденнаго шишака великому князю Александру Невскому, шлема Ярослава Всеволодовича, дверей временъ Грознаго, разныхъ временъ доспѣховъ, предметовъ царскаго обихода и т. д. Имъ же возстановлены въ ненарушимой цѣлости царскіе терема XVII вѣка; его стараніями и искусствомъ спасены и возстановлены нѣкоторыя святыни древняго Кіева. Знатокъ отечественныхъ древностей, нерѣдко до мелочей взыскательный, А. Н. Оленинъ при отъѣздахъ Солнцева на археологическія изысканія не затруднялъ его инструкціями, говоря: „ученаго учить—только портить".

Отъ пытливаго взора художника не укрывалось ни пуговки, ни черепка, ни самаго малѣйшаго обломка древности. Изъ массы предметовъ онъ выбиралъ преимущественно одинъ, совмѣщавшій въ себѣ типичныя черты въ мастерствѣ эпохи и изображалъ его во всѣхъ подробностяхъ. По масштабамъ, приложеннымъ, Солнцевымъ, къ рисункамъ, и чертежамъ церквей и теремовъ можно отстроить эти зданія: по выкройкамъ древнихъ одѣяній—ихъ можно сшить съ безукоризненною вѣрностью желаемой эпохѣ; по рисункамъ предметовъ столовой утвари можно заказать золотыхъ или серебряныхъ дѣлъ мастеру воспроизвесть братину, кубокъ-сулею и т. п. въ чистомъ старинно-русскомъ вкусѣ.

Художественно археологическіе труды Солнцева тѣмъ болѣе достойны уваженія, что въ нихъ онъ не имѣлъ предшественниковъ, какъ, увы, почти не имѣетъ и преемниковъ. Онъ шелъ не по проторенной дорогѣ, но прокладывалъ ее самъ и неуклонно шелъ

къ своей цѣли. Для подобнаго подвига, помимо таланта и силы воли, надобно быть истинно *русскимъ*, надобно страстно любить и родину и науку. Древности, обрѣтенныя и рисованныя Солнцевымъ, зачастую были имъ находимы по чердакамъ монастырей, дворцовъ и частныхъ зданій: они тлѣли въ церковныхъ подвалахъ подъ грудами щебня и известки, въ мучныхъ закромахъ, въ сараяхъ, въ погребахъ. Срисовывать эти памятники весьма часто приходилось художнику при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: въ осеннее ненастье, въ сырости, въ холоду. Помимо этихъ физическихъ неудобствъ, не мало терпѣлъ нашъ почтенный труженикъ отъ явнаго равнодушія и отъ тайнаго недоброжелательства, недовѣрія и подозрительности ближайшихъ хранителей археологическихъ сокровищъ, которымъ они и сами не знали цѣны. При посѣщеніи Солнцевымъ какой-либо древней обители, тамошніе келари и ризничіе нерѣдко уничтожали описи древнихъ вещей, утаивали инвентари ризницъ изъ боязни, что пріѣзжій художникъ не иное что, какъ ревизоръ, могущій уличить ихъ въ небрежности и нерадѣніи.

Государь Николай Павловичъ самъ направлялъ археологическія поѣздки Солнцева, всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ относился къ его открытіямъ и художественнымъ произведеніямъ. Изданіе „Древностей Россійскаго государства" исполнено по волѣ и на сумму, пожалованную Императоромъ Николаемъ I, *100,000 р.* и—въ отношеніи художественномъ—т. е. во всемъ, что исполнено въ немъ Солнцевымъ, можетъ назваться совершенствомъ, отъ котораго очень далекъ текстъ описанія.

Редакторы изданія „Древности“ на первыхъ оттискахъ рисунковъ Солнцева не допустили подписи его имени. На это обстоятельство обратилъ вниманіе Императоръ Николай Павловичъ: приказавъ сдѣлать выговоръ коммисіи изданія за это небреженіе къ трудамъ художника, Государь повелѣлъ, чтобы имя Солнцева выставлено было на каждомъ листѣ рисунковъ.

Рисунки Солнцева спасли отъ утраты многіе памятники старины, въ дѣйствительности нынѣ уже исчезнувшіе. Таковы: парчевый кафтанъ Бориса Годунова; древняя кольчуга русской работы, на каждомъ звѣнѣ которой читаемъ кличъ христіанскаго воинства „съ нами Богъ, никто же на ны“—растрачена посѣтителями Оружейной Палаты, отрывавшими по колечку; совершенно цѣльная въ 1831 г., эта кольчуга нынѣ превратилась въ ничтожный лоскутокъ, и др.

Өедоръ Григорьевичъ Солнцевъ скончался на 92-мъ году жизни, 3 марта 1892 года. „Древности“ его въ настоящее время библіографическая рѣдкость, пріобрѣсти которую *почти невозможно.*

Григорій Саввичъ Сковорода.

(Философъ-проповѣдникъ).

Григорій Саввичъ Сковорода родился въ 1722 году въ селѣ Чернухахъ Лубенскаго уѣзда, Полтавской гу-

берніи. Родители его были простые казаки. Жили они очень небогато, но были извѣстны на селѣ своей честностью, гостепріимствомъ и добротой.

Уже въ семь лѣтъ Сковорода выказалъ любовь къ музыкѣ и чтенію. Сперва онъ игралъ на „сапелкѣ", а потомъ сталъ учиться на флейтѣ. Онъ любилъ уединеніе, часто бродилъ по рощамъ или сидѣлъ дома въ уголку, повторяя на память читанное въ книгахъ. Въ церковь онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и пѣлъ съ пѣвчими. Любимою пѣснію его былъ стихъ Іоанна Дамаскина «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, Тріе твои отроцы небрегоша безбожнаго велѣнія».

По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ Кіевскую академію. Здѣсь пріятнымъ голосомъ и любовью къ музыкѣ обратилъ на себя вниманіе дирижера пѣвческой капеллы и немедленно поступилъ въ хоръ.

При восшествіи на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной пѣвческой капеллы. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ. Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни: «Иже Херувимы», который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украйнѣ.

Кромѣ того, онъ же сложилъ радостный торжественный напѣвъ: «Христосъ Воскресе» и канонъ Пасхи: „Воскресенія день", нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго ирмолойнаго напѣва.

Въ Августѣ 1744 г. Императрица предприняла путешествіе въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ другими пѣвчими прибылъ туда и Сковорода. Но при отбытіи Двора въ Петер-

бургъ, Сковорода получилъ увольненіе съ чиномъ придворнаго Уставщика, что означало запѣвалу и остался въ Кіевѣ продолжать ученіе.

Въ Академіи молодой Сковорода занялся еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, естественной исторіи и богословіи. Благодаря острому уму и рѣдкимъ способностямъ, онъ скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ. Соученикъ его Михаилъ Миславскій, впослѣдствіи Митрополитъ Кіевскій, во всемъ оставался ниже его, но Сковорода совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго, однако, отецъ назначалъ его: это нерасположеніе къ духовному званію было поводомъ его исключенію изъ бурсы. Этого то и хотѣлъ Сковорода, такъ какъ онъ пожелалъ видѣть чужіе края.

Скоро къ тому представился удобный случай.

Генералъ-маіоръ Вишневскій, посланный въ Венецію, взялъ съ собой Сковороду. Вишневскій для находившейся тамъ православной церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію.

Сковорода, извѣстный уже знаніемъ музыки, голосомъ и желаніемъ своимъ быть въ чужихъ краяхъ, также знаніемъ нѣкоторыхъ языковъ, былъ представленъ Вишневскому и взятъ имъ подъ покровительство. Онъ осмотрѣлъ достопримѣчательности многихъ европейскихъ городовъ и завелъ знакомства съ учеными людьми. Послѣднее ему было легко достигнуть, такъ какъ онъ прекрасно зналъ древніе языки, а также и нѣмецкій. Благодаря этимъ знакомствамъ, Сковорода пріобрѣлъ массу новыхъ познаній, какихъ на родинѣ онъ не имѣлъ и не могъ имѣть.

За неимѣніемъ средствъ, онъ пѣшкомъ обошелъ полъ Европы и пришелъ къ выводу, что не у насъ только, но и вездѣ поклоняются богатому и презираютъ бѣднаго, глупость предпочитаютъ разуму, возвеличиваютъ ничтожество и не замѣчаютъ достойнаго; онъ увидѣлъ, что и тамъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, полный учености, но съ весьма скуднымъ состояніемъ, Григорій Саввичъ не засталъ въ живыхъ много изъ родныхъ, кромѣ брата, который неизвѣстно гдѣ находился. Побывавши дома, посѣтивъ родныя могилы, онъ снова вооружился посохомъ и пошелъ въ Харьковъ. Тамъ онъ остановился у своихъ друзей и терпѣлъ самую горькую бѣдность.

Въ это время нуждался въ учителѣ для сына богатый помѣщикъ Тамара. Сковородѣ удалось занять это мѣсто и онъ горячо принялся за воспитаніе молодого человѣка. Ученикъ сильно привязался къ учителю, но однажды на вопросъ о чемъ то послѣдняго, далъ весьма неприличный отвѣтъ. Григорій Саввичъ возразилъ, что такъ думать можно имѣя только свиную голову. Кто-то изъ слугъ донесъ о такомъ непочтеніи учителя къ барчуку старому барину, который можетъ быть не обратилъ бы вниманія на доносъ, но его жена настояла на удаленіи непочтительнаго педагога.

— Прости, государь мой, сказалъ старый помѣщикъ на прощанье:—мнѣ жаль тебя.

Сковорода снова оказался на улицѣ въ тяжелой нуждѣ. Снова его пріютили пріятели и вмѣстѣ съ однимъ изъ нихъ уѣхалъ въ Москву и въ Троице-Сергіевскую Лавру. Намѣстникъ Лавры Кириллъ, большихъ

познаній человѣкъ, сталъ уговаривать Сковороду остаться въ Лаврѣ, но любовь къ родинѣ влекла его въ Малороссію и онъ снова возвратился въ Переяславль.

Не успѣлъ онъ устроиться въ Переяславлѣ, какъ помѣщикъ Тамара просилъ его вновь къ сыну. Сковорода не согласился. Тогда одинъ знакомый перевезъ его въ домъ Тамары соннаго, ночью. Тамъ его удалось уговорить остаться.

Въ 1759 году, по приглашенію епископа Бѣлгородскаго Іоасафа, Григорій Саввичъ занялъ мѣсто учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ (университетѣ). И здѣсь онъ продолжалъ вести скромную жизнь. Одѣвался просто, питался овощами, на сонъ тратилъ не болѣе 4 часовъ; вставалъ до зари и любилъ совершать прогулки; несмотря на свой зрѣлый возрастъ былъ очень подвиженъ, легокъ и бодръ; считалъ своимъ долгомъ посѣщать больныхъ, утѣшать печальныхъ, дѣлиться съ неимущими.

Черезъ годъ онъ навѣстилъ въ Бѣлгородѣ епископа Іоасафа.

Послѣдній съ цѣлью удержать его на болѣе продолжительное время при училищѣ, поручилъ игумену Гервасію склонить Григорія Саввича къ принятію монашества, обѣщая въ скоромъ будущемъ довести его до высокаго духовнаго сана. Такое предложеніе не только не имѣло успѣха, но, наоборотъ, заставило Сковороду разстаться съ епископомъ. Отсюда онъ отправился къ новому своему другу, въ деревню Старицу, близъ Бѣлгорода, гдѣ принялся изучать себя и на эту тему написалъ нѣсколько сочиненій.

Сосѣди искали знакомства со Сковородою. Самъ онъ посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Спустя нѣкоторое

время онъ побывалъ въ Харьковѣ и здѣсь познакомился съ Коваленскимъ, котораго очень полюбилъ и ради котораго даже сстался въ Харьковѣ преподавать въ Коллегіумѣ.

Григорій Саввичъ говорилъ, *«что счастіе есть ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исправленіе долга* и жизнь его соотвѣтствовала этимъ словамъ. Въ бесѣдахъ съ Коваленскимъ, раздѣляя человѣка на внутренняго и внѣшняго, Сковорода внутренняго человѣка называлъ Минервою (творческая силаизобрѣтательность). Часто, видя робкаго военачальника, судью грабителя или хвастуна, онъ замѣчалъ съ досадою: „Вотъ люди безъ Минервы!“ Часто онъ ходилъ съ Коваленскимъ на кладбище и здѣсь говорилъ о безумной людской боязливости при видѣ мертвыхъ. Иногда онъ пѣлъ что-нибудь духовное или же, удаляясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтѣ-траверсѣ, оставя своего ученика между могилъ одного, чтобы издали ему было пріятнѣе слушать музыку.

Любимымъ занятіемъ Сковороды была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихиры для литургіи. Всѣ они гармоничны, просты, и проникаютъ въ душу. Кромѣ того онъ не оставлялъ своихъ занятій музыкой, игралъ на скрипкѣ, флейтѣ, бандурѣ и гусляхъ.

Въ Харьковѣ однажды съ нимъ произошелъ слѣдующій случай: Губернаторъ Щетининъ ѣхалъ по улицѣ въ пышномъ рыдванѣ съ гайдукомъ и замѣтилъ Сковороду, который сидѣлъ у гостинаго двора на тротуарѣ. Онъ послалъ за нимъ адъютанта.

— Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство, сказалъ тотъ подбѣгая къ философу.

— Какое превосходительство? спросилъ Сковорода.

— Господинъ Губернаторъ!

— Скажи ему, что мы незнакомы.

Адъютантъ передалъ губернатору отвѣтъ Григорія Саввича. Щетининъ послалъ его вторично.

— Васъ проситъ къ себѣ Евдокимъ Алексѣевичъ Щетининъ, сказалъ на этотъ разъ адъютантъ.

— А! объ этомъ слыхалъ! воскликнулъ Сковорода,— говорятъ добрый человѣкъ и музыкантъ!

Онъ снялъ шапку и подошелъ къ рыдвану. Этотъ случай послужилъ началомъ ихъ сближенію. Въ первые дни знакомства Щетининъ спросилъ его:

— Честный человѣкъ, для чего не возьмешь ты себѣ извѣстнаго состоянія?

— Милостивый Государь,—отвѣчалъ философъ:— свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить никакого лица удачно, кромѣ простого безпечнаго и уединительнаго; я сію роль выбралъ и доволенъ. Если бы я почувствовалъ сегодня же, что могу рубить турокъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому!

Въ 1766 году Сковородѣ предложили мѣсто преподавателя правилъ благонравія въ Харьковскомъ коллегіумѣ и онъ охотно принялъ это мѣсто, безъ опредѣленнаго жалованья, только потому, что оно доставляло ему удовольствіе. Въ руководство ученикамъ онъ написалъ сочиненіе: „Начальная дверь къ христіан-

скому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи“.

Но и на этомъ мѣстѣ Григорій Саввичъ не долго побылъ. У него явились завистники и недоброжелатели. Особенно напугали нѣкоторыхъ слова, сказанныя имъ при вступленіи на каѳедру:

— Весь міръ спитъ! Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется. Спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!

Сковороду отрѣшили отъ должности и онъ удалился изъ Харькова въ помѣстье Земборгскихъ—Гужвинское, гдѣ и поселился на пасѣкѣ. Отсюда онъ перебрался къ помѣщику Иромскаго уѣзда, Сошальскому, въ его деревню Гусинку. И тамъ онъ поселился на пасѣкѣ въ обществѣ стараго пчельника и своей любимой собаки.

Въ 1775 г. Сковородѣ минуло 53 года, но онъ оставался все тѣмъ же безпечнымъ старымъ ребенкомъ. Съ этого времени онъ начинаетъ предпринимать длинныя путешествія за сотни верстъ съ краткими отдыхами у своихъ друзей.

Слава о немъ распространилась по всей Украйнѣ. Его посѣщеніе считалось благодатью. Многіе хулили его, многіе хвалили и всѣ хотѣли его видѣть. Постояннаго жилища онъ нигдѣ не имѣлъ. Въ крайней бѣдности переходилъ онъ изъ избы въ избу, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ.

Одежду его составляла сѣрая свита, пищу—самое грубое кушанье. Проживши нѣсколько дней въ одномъ

домѣ, гдѣ лѣтомъ ночевалъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ сараѣ, бралъ онъ свою Библію, въ карманъ флейту, и пускался далѣе, всегда пѣшкомъ. Чтобы ему не предлагали, онъ всегда отказывался, говоря: „дайте неимущему!“ Иногда жилъ онъ у кого либо только для того, чтобы своими бесѣдами нечувствительно привлечь человѣка *въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла.*

Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, черезъ Потемкина, послала ему приглашеніе переселиться изъ Украйны въ столицу. Гонецъ Потемкина засталъ Сковороду съ флейтой, сидящаго при дорогѣ, близъ него ходила овца хозяина, пріютившаго на время философа. Сковорода, выслушавъ приглашеніе отвѣтилъ.

— Скажите Матушкѣ Царицѣ, что я не покину родины...

Мнѣ моя свирѣль и овца
Дороже Царскаго вѣнца!“

Объ остроуміи Сковороды разсказываютъ слѣдующее: Г., умный и ученый человѣкъ, но безбожникъ, хотѣлъ осмѣять его.—Жаль—сказалъ онъ—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь какъ сумасшедшій, безъ цѣли и пользы для отечества!“

— Ваша правда, я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ пользы; но надобно сказать, и никакого вреда! Но вы, сударь, безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ“.

Императрица Екатерина, проѣздомъ черезъ Украйну, увидала Сковороду и спросила:

— Отчего ты такой черный?

— Э! Вельможная Мати, развѣ же ты видѣла, чтобы сковорода была бѣлая? отвѣчалъ философъ.

Сковорода училъ простой народъ всюду; на базарахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, называлъ себя другомъ поселянъ и гордился именемъ народоучителя, презирая насмѣшки своихъ враговъ.

Онъ говорилъ:

— Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей, а воду даетъ ему земля безъ платы, лишнее не нужно.

„Не тотъ глупъ, кто не знаетъ (еще все перезнавшій не родился), но только, кто знать не хочетъ!" Лучше мнѣ сухарь съ водою, чѣмъ сухарь съ бѣдою! Вотъ причины вашей бѣдности: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себѣ: очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы себя за рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щеголя, заботящагося о сапогѣ, не по ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Есть въ насъ и душа, но такова, какъ у подагрика ноги, или матросскій козырекъ. Она у насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдна, точно такая, какъ больной изъ лазарета, каковыхъ часто живыхъ погребаютъ по указу. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей"?

Его канты (псалмы) слушались не высшимъ обще-

ствомъ, а простымъ народомъ — поселянами, казачествомъ, чумаками, бурлаками и мѣщанами. Но сильнѣе всякихъ своихъ сочиненій дѣйствовалъ онъ самъ, своею собственною личностью, своимъ примѣромъ.

Заслуги Сковороды передъ обществомъ и государствомъ неоцѣненны. Ему много обязанъ Харьковскій университетъ, такъ какъ первые помѣщики, подписавшіе въ 1803 г. безпримѣрную сумму въ 618000 руб., для основанія его, были большею частью все или ученики, или короткіе знакомые и друзья Сковороды. Извѣстно, что въ мѣстностяхъ, куда приходилъ Сковорода, паны мѣняли свое обращеніе съ рабами. Такъ сильно было его нравственное вліяніе! Своимъ незлобіемъ и покорностью онъ являлся примѣромъ утѣшенія и успокоенія для тѣхъ, кто томился подъ игомъ рабства.

Григорій Саввичъ Сковорода скончался 29 октября 1794 года, исполнивъ все положенное по уставу Церкви и пріобщившись Св. Таинъ. Похороненъ онъ въ селѣ Ивановкѣ, въ 40 верстахъ отъ Харькова. На памятникѣ его вырѣзана, составленная имъ самимъ надпись: „Міръ мене ловилъ, но не поймалъ!“ Больше ста лѣтъ прошло со дня смерти философа-проповѣдника, но слава его жива между нами и доселѣ!

Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ.

(Максимъ Горькій).

Вотъ что говоритъ о себѣ талантливый нашъ писатель Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, извѣстный

подъ облетѣвшимъ всю Россію. и проникшимъ заграницу псевдонимомъ—Максимъ Горькій.

„Родился 14-го марта 1868 или 1869 года въ Нижнемъ, въ семьѣ красильщика Василія Васильевича Каширина, отъ дочери его Варвары и пермскаго мѣщанина Максима Саватіева Пѣшкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. Съ тѣхъ поръ съ честью и незапятнанно ношу званіе цехового малярнаго цеха. По смерти матери, дѣдушка отдалъ меня въ магазинъ обуви; въ ту пору имѣлъ я 9 лѣтъ отъ роду и былъ дѣдомъ обученъ грамотѣ по псалтири и часослову. Изъ „мальчиковъ" сбѣжалъ и поступилъ въ ученики къ чертежнику, сбѣжалъ и поступилъ въ иконописную мастерскую, потомъ на пароходъ, въ поварята, потомъ въ помощники садовника. Въ сихъ занятіяхъ прожилъ до 15 лѣтъ, все время занимаясь усердно чтеніемъ классическихъ произведеній неизвѣстныхъ авторовъ, какъ-то: „Гуакъ или непреоборимая вѣрность", „Андрей Безстрашный", „Япанча", „Яшка Смертенскій" и т. п.

На пароходѣ, когда былъ поваренкомъ, на образованіе мое сильно вліялъ поваръ Смурый, который заставлялъ меня читать житія святыхъ, Эккартгаузена, Гоголя, Глѣба Успенскаго, Дюма-отца и многія книжки франкъ-масоновъ. Послѣ 15 лѣтъ возымѣлъ я свирѣпое желаніе учиться, съ какой цѣлью поѣхалъ въ Казань, предполагая, что науки желающимъ даромъ преподаются. Оказалось, что оное не принято, вслѣдствіе чего я поступилъ въ крендельное заведеніе по 3 рубля въ мѣсяцъ. Это—самая тяжкая работа изъ всѣхъ, опробованныхъ мной.

Въ Казани работалъ на Устьѣ, пилилъ дрова, тас-

калъ грузы и, прибавимъ, прочитывалъ всевозможныя книжки, которыми пичкали добрые люди".

Жить было невыносимо горько и тяжело, и вотъ въ 1888 году Алексѣй Максимовичъ рѣшился покончить съ собой—застрѣлиться; пуля пощадила будущаго писателя и онъ, „похворавъ, сколько требовалось", выздоровѣлъ, чтобы приняться за торговлю яблоками.

Изъ Казани, Алексѣй Максимовичъ попалъ въ Царицынъ на должность желѣзнодорожнаго сторожа. Потомъ по случаю призыва, онъ отправился въ Нижній и, не попавъ въ солдаты, сдѣлался продавцомъ кваса. Спустя нѣкоторое время ему удалось пристроиться писцомъ у присяжнаго повѣреннаго А. И. Ланина, о которомъ самъ Алексѣй Максимовичъ говоритъ:

„Вліяніе его на мое образованіе было неизмѣримо огромно.—Это высокообразованный и благороднѣйшій человѣкъ, коему я обязанъ больше всѣхъ".

Одинъ изъ современныхъ поэтовъ А. Ѳедоровъ, бывшій въ это время въ Нижнемъ, такимъ образомъ описываетъ свою первую встрѣчу съ Алексѣемъ Максимовичемъ:

„Въ крошечной комнаткѣ, похожей на чемоданъ, собралось человѣкъ десять молодежи, и среди пиджаковъ и сюртуковъ сразу мнѣ бросилась въ глаза красная вышитая косоворотка на сутуловатомъ человѣкѣ, въ высокихъ сапогахъ, который почти доставалъ потолокъ низенькой комнатки. Лицо широкое, скуластое... Прямые волосы зачесаны небрежно косымъ проборомъ. Глазъ за синими очками хорошенько разглядѣть нельзя, но, все-таки, въ выраженіи лица чувствуется сразу умъ. Мы познакомились, и онъ назвалъ свою фамилію:

— Пѣшковъ.

Я заинтересовался имъ, и мы разговорились понемногу.

Голосъ у Пѣшкова былъ глуховатый и говорилъ онъ на о́. Когда разговоръ заходилъ о литературѣ, Пѣшковъ оживлялся и дѣлалъ порой мѣткія замѣчанія.

— А сами вы ничего не пишете?—спросилъ его я.

— Пробую ..—не совсѣмъ охотно отвѣтилъ онъ.— Вотъ, хочу Владиміру Галактіоновичу Короленко на судъ отнести.

— А въ печать ничего не пробовали отдавать?

Онъ немножко смутился при этомъ вопросѣ, изъ чего я заключилъ, что, очевидно, попытка была, но окончилась неудачно; потомъ, вдругъ, улыбнулся и сказалъ:

— У меня было стихотвореніе одно напечатано.

— Гдѣ?

— Въ „Стрекозѣ"... Юмористическое.

— Прочтите...

Онъ не заставилъ себя упрашивать и прочелъ стихотвореніе, которое, помню, разсмѣшило насъ".

Какъ ни хорошо жилось Горькому у Ланина, гдѣ онъ отдохнулъ наконецъ душой, но его снова потянуло къ бродячей жизни. Бродилъ онъ и скитался не мало, причемъ исколесилъ чуть ли не всю Россію. Гдѣ онъ только не бывалъ, какихъ работъ не дѣлывалъ, чего не насмотрѣлся и не натерпѣлся! На мысль писательства впервые натолкнулъ Горькаго его знакомый—А. М. К-ный, „которому, пишетъ онъ,—я тоже многимъ обязанъ".

Скитанія привели Горькаго въ Тифлисъ, гдѣ онъ работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Здѣсь онъ урывками написалъ свой первый раз-

сказъ „Макаръ Чудра“ и отнесъ въ редакцію газеты „Кавказъ“. Это было въ 1892 году.

Рукопись, написанная ясно, четко, и внѣшность автора—высокаго, худого, блѣднаго, нѣсколько сутуловатаго, съ впалой грудью — обратили на себя особенное вниманіе редактора газеты. Онъ тутъ-же, въ присутствіи автора, прочелъ рукопись, заинтересовался ея содержаніемъ, а еще болѣе тѣмъ мало извѣстнымъ міромъ оборванцевъ-босяковъ, который служилъ фономъ разсказа, и обѣщалъ напечатать разсказъ въ ближайшемъ нумерѣ. Уже при прощаніи, редакторъ замѣтилъ, что рукопись не подписана, и спросилъ, какую фамилію напечатать подъ разсказомъ.

— Напечатайте: „Максимъ Горькій“,—отвѣтилъ авторъ разсказа.

— Это ваша фамилія?—полюбопытствовалъ редакторъ.

— Нѣтъ, моя фамилія Алексѣй Пѣшковъ, но я не желалъ-бы, чтобы моя настоящая фамилія фигурировала подъ разсказомъ.

Разсказъ былъ напечатанъ,—а вслѣдъ за нимъ въ различныхъ провинціальныхъ изданіяхъ появились и другіе.

Вернувшись на родину, Алексѣй Максимовичъ продолжалъ свои литературныя занятія и вскорѣ ему удалось, благодаря знакомству, съ В. Г. Короленко попасть въ большую литературу, на страницы „Русскаго Богатства“. Первою вещью, помѣщенною тамъ былъ „Челкашъ“, который обратилъ на него всеобщее вниманіе. Кромѣ многихъ болѣе или менѣе мелкихъ произведеній, Алексѣй Максимовичъ написалъ два большихъ—

„Ѳома Гордѣевъ“ и „Мужики“, все подъ тѣмъ же псевдонимомъ Максима Горькаго.

Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, какъ выражается одинъ изъ критиковъ, „поэзія босяцкой вольности въ лицѣ Горькаго впервые нашла себѣ проникновеннаго пѣвца“. Горькій первый вводитъ въ литературу образъ вольнаго, смѣлаго босяка. Новизною типовъ и совершенно своеобразнымъ стилемъ и объясняется въ значительной долѣ успѣхъ Горькаго, объясняется шумъ, вызванный его трудами. Но Алексѣй Максимовичъ все-же никогда не пріобрѣлъ бы такой извѣстности, если бы не обладалъ могучимъ талантомъ.

М. Е. Зміенко.

(Эмзе).

М. Е. Зміенко родился въ базарномъ балаганѣ, въ которомъ отецъ его торговалъ фруктами и дичью. Жизнь мотала его въ разныя стороны: онъ и продавалъ дичь по улицамъ, и ходилъ коробейникомъ съ роговыми издѣліями, и промышлялъ морскими раковинами, и торговалъ вологодскими кружевами... Но, что бы онъ ни дѣлалъ, его влекла къ себѣ литература, къ которой, однако, онъ приступилъ только подъ конецъ жизни, не смѣя взяться за перо.

Познакомившись съ однимъ причастнымъ къ литературѣ человѣкомъ, Зміенко поразилъ его своей удивительной наблюдательностью и умѣньемъ художественно разсказывать то, что онъ видѣлъ въ своей полной случайностей жизни.

— У васъ талантъ!—объявилъ ему тотъ и посовѣтовалъ описать только что разсказанное.

Спустя нѣсколько дней въ одной изъ южныхъ газетъ появился разсказъ „Божьи люди“, а затѣмъ— „Музыканты“, „Отецъ Герасимъ“ и проч., и проч. Авторомъ ихъ былъ М. Е. Зміенко.

Несмотря на лихорадочную работу, каждое новое произведеніе его было вполнѣ закончено и красиво. Разнообразіе сюжетовъ, настроеній и образовъ сказалось даже въ этихъ девяти вещахъ, которыя онъ оставилъ послѣ своей смерти. Чуткое пониманіе природы и способность поэтично ее описывать, вдумчивое отношеніе къ маленькимъ людямъ, жизнь которыхъ онъ правдиво рисовалъ передъ нами, непосредственный юморъ, оживляющій всѣ его разсказы то трогательной, то безобидно веселой улыбкой,—все это свидѣтельствовало о настоящемъ талантѣ.

Зміенко работалъ лихорадочно, до изнеможенія; работалъ день и ночь. Когда ему совѣтовали поберечь себя—отдохнуть, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Надо наверстывать... Боюсь, что не успѣю ничего высказать. Послѣдствіемъ такой лихорадочной умственной работы явилось воспаленіе мозга, которое и свело въ безвременную могилу одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ самородковъ.

Иванъ Ивановичъ Ползуновъ.

Ползуновъ былъ сынъ солдата екатеринбургскихъ горныхъ ротъ; десяти лѣтъ онъ поступилъ въ екатеринбургскую ариѳметическую школу, гдѣ кончилъ курсъ

со званіемъ механическаго ученика. Въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, Ползунова отправили въ Барнаулъ на казенные горные заводы, гдѣ онъ и умеръ. Вотъ и вся біографія этого замѣчательнѣйшаго человѣка, обладавшаго геніемъ и прозорливостью. Печально сложилась судьба его, но при другихъ условіяхъ, несомнѣнно, Ползуновъ создалъ бы именно ту машину, что прославила Уатта и сдѣлалась вѣрнымъ и неутомимымъ работникомъ человѣчества. Судя по письмамъ Ползунова, онъ уже былъ на пути къ идеѣ параллелограма силъ, и, кто знаетъ, въ Россіи явилась бы паровая машина уаттовскаго типа слишкомъ на 30 лѣтъ раньше, чѣмъ ее соорудилъ самъ Уаттъ.

У Ползунова не было ни средствъ, ни книгъ, ни опыта, ни пособій или мастерскихъ, когда онъ задумалъ создать новый двигатель—паровую машину. Окруженный недоброжелательными и грубыми сослуживцами, смотрѣвшими на него, какъ на выскочку, желавшаго втереться въ милость къ главному начальнику Колыванскихъ заводовъ, Порошину,—Ползуновъ чувствовалъ себя одинокимъ и безсильнымъ. Въ рапортѣ своемъ Порошину онъ писалъ: „Для преувеличенія заводскаго дѣйствія, полезно будетъ такое устройство, кое бы огневымъ вареніемъ воды дѣйствовало и паромъ въ движеніе приводило".

Можно представить себѣ ужасъ заводскаго начальства, когда оно узнало, что какой-то унтеръ-шахтмейстеръ осмѣлился дѣлать предложенія, якобы указывать ему, начальству. Рапортъ Ползунова сочли за „превеликую дерзость" и долго не знали, что съ нимъ дѣлать.

Началась канцелярская волокита,—писались доно-

шенія, отзывы, рапорты, и Ползунова завалили бумагами, требуя отъ него всевозможныхъ объясненій. Длилось это переливанье изъ пустого въ порожнее настолько долго, что бѣдный изобрѣтатель упалъ духомъ и готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія, лишь бы его оставили въ покоѣ.

Въ одну изъ минутъ отчаянія Ползуновъ написалъ знаменитое письмо къ Порошину, въ которомъ онъ еще разъ пояснялъ свою идею и представилъ созданную имъ теорію парообразованія въ котлѣ и дѣйствія пара на площадь поршня. Это письмо сильно подвинуло все дѣло,—Порошинъ представилъ проектъ въ Петербургъ, гдѣ его разсмотрѣли и доложили императрицѣ Екатеринѣ II, повелѣвшей „выдать Ползунову 500 рублевъ въ поощреніе“, вызвать его въ Петербургъ „для умноженія его знаній и высшей арифметики изученія“ и пожаловавшей изобрѣтателю офицерскій чинъ „механикуса“. Милости государыни не всѣ дошли до Ползунова, ему не выдали 500 „рублевъ“ подъ разными предлогами, не послали въ Петербургъ, а приказали строить машину, съ „строгимъ соблюденіемъ казеннаго кошта“.

Изъ архивныхъ свѣдѣній можно легко составить себѣ ясную картину тѣхъ затрудненій, которые пришлось вытерпѣть несчастному Ползунову при постройкѣ своей машины. Въ Барнаулѣ не было ни мастеровъ, ни знающихъ слесарей, что умѣли бы спаивать мѣдныя трубки,—ихъ затыкали пробками, если онѣ лопались, а пробки выписывали изъ аптекъ Екатеринбурга и даже Петербурга! Вѣчно нуждаясь, волнуясь и не имѣя надежныхъ помощниковъ, Ползуновъ не выдержалъ душевной пытки, онъ захворалъ чахоткой и могъ лишь,

съ величайшимъ трудомъ, присутствовать при перепускѣ машины, не дождавшись ея окончанія. Вскорѣ онъ умеръ, оставивъ совершенно безъ средствъ семью. Затерявшіеся 500 р. такъ и не попали по назначенію, несмотря на вторичное повелѣніе государыни выдать эти деньги вдовѣ. Не дождавшись ихъ, она умерла отъ „голода и холода“.

Машину Ползунова докончилъ его ученикъ Черницынъ. Она дѣйствовала при проплавкѣ сребросвинцовыхъ рудъ, которыхъ она сплавила болѣе десяти тысячъ пудовъ. Дальнѣйшая судьба ея очень печальна: ее забросили, забыли и она исчезла безъ остатка. Со смертью Ползунова умерла и идея его замѣнить дешевый крѣпостной человѣческій трудъ паровой машиной. Никто ему не сочувствовалъ, никто его не понималъ и кромѣ великой государыни, никто его не оцѣнилъ.

Ползуновъ нисколько не ниже Уатта по своей геніальности, только крайне неблагопріятныя условія помѣшали ему достигнуть того, чего достигъ послѣдній. Не надо забывать и того, что первый работалъ во всеоружіи научныхъ знаній, денегъ и технически усовершенствованныхъ мастерскихъ, у другого же вся наука заключалась въ маленькой программѣ ариѳметической школы и не было ни денегъ, ни мастерскихъ, ни вліятельныхъ покровителей.

Иванъ Ивановичъ Орловъ.

(Изобрѣтатель)

Нижегородскій крестьянинъ Иванъ Ивановичъ Орловъ прославился изобрѣтеніемъ машины, печатающей сразу нѣсколькими красками. Орловъ былъ человѣкъ почти безъ всякаго образованія, но съ удивительной русской сметкой. Она-то и вывела его изъ толпы рабочихъ.

Исторія Орлова такова.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ изъ Строгановскаго училища въ Москвѣ онъ поступилъ на одну изъ московскихъ ситценабивныхъ фабрикъ рисовальщикомъ.

Вытканный имъ платокъ особымъ узоромъ обратилъ на себя вниманіе покойнаго императора Александра III на выставкѣ въ Москвѣ, и Орловъ былъ помѣщенъ въ Экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ мастеромъ.

Простой крестьянинъ, ничего кромѣ своихъ рисунковъ не знавшій, съ присущей русскому человѣку сметкой, обратилъ вниманіе на составъ бумаги, на которой печатаются денежные знаки и результатомъ его наблюденій получилась фабрикація ея съ особыми шелковыми нитями, дававшими возможность бороться съ поддѣлкою.

Но на этомъ изобрѣтеніи энергія Орлова не изсякла: онъ сталъ присматриваться къ печатнымъ машинамъ и новое изобрѣтеніе было плодомъ этихъ наблюденій. Считавшееся до сихъ поръ невозможнымъ осуществилось: Орловъ изобрѣлъ печатную машину, печатающую сразу нѣсколькими красками. Всякій

мало-мальски знакомый съ печатнымъ дѣломъ, пойметъ какой переворотъ должно произвести это изобрѣтеніе въ типографской работѣ.

Изобрѣтатель съ громадными трудами могъ найти себѣ заводчика, который согласился бы построить эту машину на льготныхъ условіяхъ. По испытаніи ея всѣ убѣдились, что машина одновременно печатаетъ 14-ю красками.

Изобрѣтенная имъ машина, хотя была испробована въ Экспедиціи на изготовленіи сторублевыхъ и двадцатипятирублевыхъ билетовъ, но все-таки ею не пріобрѣтена. Тогда Орловъ обратился къ англичанамъ и тѣ тотчасъ купили машину, заплативъ на русскія деньги ровно одинъ милліонъ рублей.

Кромѣ того, они пригласили Орлова и его товарищей работать въ Лондонѣ, предложивъ имъ жалованье, о которомъ эти люди никогда не смѣли и мечтать.

Недавно этотъ Орловъ навсегда покинулъ Россію. Онъ взялъ нѣсколькихъ лучшихъ рабочихъ Экспедиціи и уѣхалъ съ ними на постоянное жительство въ Лондонъ.

Дмитрій Петровъ.

(Механикъ).

Дмитрій Петровъ былъ крѣпостнымъ г-жи Засѣцкой и съ артелью плотниковъ занимался работами въ городѣ Моршанскѣ. Въ то время прихожане церкви св. Николая Чудотворца въ этомъ городѣ возымѣли намѣреніе перестроить эту церковь, замѣнить деревянную каменной.

Но такъ какъ эта деревянная церковь была еще

крѣпка, къ тому же отличалась хорошимъ устройствомъ, то прихожанамъ жаль было ломать ее, и они порѣшили сдвинуть ее съ мѣста, чтобы очистить площадку для новой церкви. Патентованный механикъ, какой-то иностранецъ, за это запросилъ такую большую цѣну, какой никакъ нельзя было дать. Въ это время неожиданно является со своими услугами Дмитрій Петровъ. За 250 руб. онъ взялся сдвинуть деревянную церковь съ мѣста. Начались приготовленія. Подъ церковь подвели толстыя бревна и посредствомъ земляной насыпи слегка ее приподняли. Послѣ этого сдѣлали подъ церковью новый бревенчатый фундаментъ, въ родѣ полатей, а подъ бревнами устроили катки. Вся церковь была опутана канатами и по угламъ скрѣплена желѣзными болтами. Когда все было готово, Дмитрій Петровъ попросилъ священника, чтобы звонили въ большой колоколъ. На благовѣстъ собрался народъ. Нѣкоторые вошли въ церковь и стали служить молебенъ, другіе же начали помогать Дмитрію Петрову. И вотъ гражданамъ Моршанска представилась слѣдующая картина: церковь, наполненная молящимися, оглашаемая пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, повинуясь сотнямъ рукъ рабочихъ, была сдвинута съ прежняго своего мѣста на 42 аршина, и во время этого движенія только крестъ на верху церкви слегка колебался.

Петръ Николаевичъ Елистратовъ.

(Игрушечный мастеръ).

Петръ Николаевичъ Елистратовъ былъ сынъ Богородскаго крестьянина Владимірской губерніи, которая

славится на всю Россію игрушечнымъ промысломъ, особенно развившимся благодаря трудамъ и указаніямъ Петра Николаевича. Съ дѣтства обнаружились въ немъ способности къ выдѣлыванію различныхъ фигуръ изъ дерева, но, разумѣется, способности эти должны были бы, если и не остановиться въ своемъ развитіи, то во всякомъ случаѣ отнюдь не достичь той высоты художественности, которой они достигли благодаря простой случайности. Около сороковаго года Елистратова взяли въ Петербургъ на службу въ гвардію. Здѣсь, въ свободное отъ занятій время, онъ продолжалъ заниматься любимымъ дѣломъ. Совершенствуясь въ немъ, онъ вырѣзалъ однажды изъ дерева фигуру императора Николая Павловича удивительно похожую на государя. Модель попала къ начальству и была представлена Царю во время какого-то торжества. Гости и приближенные государя были очень удивлены, какимъ образомъ такая „дивная вещь“ могла быть сдѣлана простымъ, нигдѣ не учившимся солдатомъ. Государыня подарила талантливому богородскому кустарю золотые часы, а государь приказалъ принять его въ академію художествъ и дать ему полную возможность совершенствоваться въ своемъ искусствѣ. Тутъ же Елистратовъ всецѣло отдался своей работѣ. Онъ лѣпилъ и алебастровыя фигуры, и дѣлалъ модели изъ дерева. Благодаря недюжинному таланту, или какъ онъ выражался, благодаря „развязности въ головѣ“, Елистратовъ умѣлъ придавать своимъ моделямъ истинный, реальный видъ, совершенно соотвѣтствующій фактической дѣйствительности. Произведенія его дышали художественностью, имѣли „живость“. За одну изъ своихъ моделей Петръ Николаевичъ получилъ полторы тысячи рублей. Онъ

сдѣлался настоящимъ художникомъ. По временамъ Елистратовъ навѣщалъ свою родину и училъ богородскихъ крестьянъ искусству дѣлать болѣе совершенныя игрушки, говорилъ о необходимости вдумчиво относиться къ работѣ, придавать пропорціональность частямъ модели и т. п. Съ особенной любовью занимался онъ обученіемъ тѣхъ изъ крестьянъ, которые обнаруживали художественную жилку, отсутствіе косности, стремленіе къ совершенствованію въ своемъ ремеслѣ.

Василій Григорьевичъ Жуковъ.

(Фабрикантъ-благотворитель).

Нельзя не упомянуть въ числѣ русскихъ самородковъ-талантовъ, именитаго купца Василія Григорьевича Жукова, прогремѣвшаго на всю Россію своимъ знаменитымъ табакомъ и не менѣе замѣчательной, разумной благотворительностью. Талантливость Жукова собственно говоря только въ томъ и проявилась, что съумѣвъ разбогатѣть, не запятнавъ свое имя ничѣмъ предосудительнымъ, онъ съумѣлъ также сознать—безъ внѣшнихъ побужденій—необходимость самаго гуманнаго и справедливаго отношенія къ многочисленнымъ рабочимъ своихъ многочисленныхъ фабрикъ, а равнымъ образомъ и крайнюю необходимость самой широкой благотворительности. И тутъ онъ дѣйствовалъ „отъ себя“, изъ собственной нравственной потребности. Поэтому и характеръ его благотворительности не носилъ отпечатка вынужденныхъ „раскошеливаній“ въ глубинѣ души равнодушнаго купца-толстосума. Василій Григорьевичъ

не гонялся за извѣстностью, на популярность не билъ. Онъ съ любовью отдавался стремленію своей доброй души, но дѣлалъ это не зря, не на показъ, не для эгоистическаго „знай нашихъ". Его благотворительность была проста и разумна. Онъ пожертвовалъ крупную сумму на больницу, въ разныхъ заведеніяхъ на его счетъ воспитывалось до двадцати пансіонеровъ и пансіонерокъ. Это въ 1834 году, т. е. черезъ десять лѣтъ по открытіи имъ на Фонтанкѣ маленькой табачной лавочки. Въ 1837 году онъ открываетъ свой „Жуковскій" дѣтскій пріютъ. Въ Порховѣ онъ учредилъ общественный „Жуковскій" банкъ и положилъ для основанія его крупную сумму. Тамъ же онъ построилъ богадѣльню, церковь, дома. Онъ былъ неоднократно городскимъ петербургскимъ Головой и съ честью несъ эту тяжелую должность. Своей добротой Жуковъ былъ извѣстенъ рѣшительно всѣмъ отъ чердака своего брата пролетарія (Жуковъ былъ сынъ Порховскаго, Псковской губерніи, бѣдняка-мѣщанина, род. 1800 г.) до царскаго дворца включительно; сдѣлалось это какъ-то само собой.

Вотъ что между прочимъ разсказываютъ о Жуковѣ: „Онъ любилъ солдатъ и выходившихъ въ отставку принималъ къ себѣ на фабрику, платилъ имъ хорошее жалованье, часто разговаривалъ съ ними и награждалъ.

Однажды великій князь Михаилъ Павловичъ, любившій въ свободное отъ службы время, побалагурить съ солдатами, проходя по лагерю подъ Краснымъ Селомъ, встрѣтилъ стараго солдата, подлежавшаго увольненію въ отставку, остановилъ его и разговорился съ нимъ.

— Ну, что, братъ, пора намъ съ тобой и на шабашъ!—сказалъ ему великій князь весьма-серьезно.

— Да, ваше высочество, приходитъ время къ отставкѣ,—отвѣчалъ солдатъ также серьезно.

— Куда же пойдешь?

— Еще не знаю, ваше высочество.

— Ну, братъ, и мнѣ хочется на покой, да также не знаю, гдѣ бы мѣстечко потеплѣе найти. А? Какъ ты мнѣ посовѣтуешь? — продолжалъ пресерьезно Михаилъ Павловичъ.

— Ахъ, ваше высочество,—отвѣчалъ солдатъ, не запинаясь, съ желаніемъ отъ души всего хорошаго любимому имъ великому князю,—у купца Жукова жить хорошо; вотъ бы куда!

— Пожалуй, не приметъ?—засмѣялся великій князь.

— Какъ не принять? ваше-то высочество?—отвѣчалъ убѣжденно старый воинъ,—первѣющее мѣсто вамъ предоставитъ.

— Спасибо за совѣтъ, любезный товарищъ? — засмѣялся великій князь, хлопая по плечу солдата. — Придется, значитъ, поклониться Василію Григорьевичу... Завтра же увижу его и попрошу.

— Попросите и за меня, ваше высочество,—отвѣчалъ невозмутимо-серьезно старикъ.

— Конечно, конечно! — закончилъ великій князь разговоръ,—ужъ если служить, такъ опять вмѣстѣ.

И дѣйствительно, солдатъ, по просьбѣ великаго князя, былъ принятъ, по выходѣ въ отставку, Жуковымъ и находился у него на службѣ до своей смерти".

Василій Александровичъ Кокоревъ.

(Откупщикъ-милліонеръ).

Кокоревъ родился въ 1817 г. въ городѣ Солигаличѣ, Костромской губерніи. Отецъ его былъ мѣщанинъ и служилъ сидѣльцемъ въ питейныхъ домахъ. Кое-какъ выучившись грамотѣ, Василій Александровичъ сталъ помогать отцу и пріобрѣлъ большую опытность по винному дѣлу. Въ сороковыхъ годахъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ качествѣ простого торговаго мальчика. Благодаря исключительному уму и желѣзной энергіи онъ вскорѣ сдѣлался богачемъ. Будучи коммиссіонеромъ министерства финансовъ по виннымъ откупамъ, исполняя порученія министерства и снимая откупныя районы несостоятельныхъ лицъ въ казенное завѣдываніе, Василій Александровичъ разбогатѣлъ такъ, что въ 50 годахъ имя его уже было извѣстно на всю Россію, не только какъ богатаго откупщика, но и умнаго и просвѣщеннаго дѣятеля. Къ началу 60 годовъ состояніе Кокорева доходило до 7 милліоновъ. Когда состояніе это, благодаря неудачнымъ предпріятіямъ, пошатнулось, Кокоревъ основалъ въ 1870 году Волжско-Камскій Банкъ и Сѣверное Страховое отъ огня Общество. Затѣмъ онъ направилъ свою предпріимчивость на развитіе нефтяного дѣла. Онъ первый открылъ и началъ разрабатывать русскую нефть на Кавказѣ. Съ Губонинымъ построилъ Уральскую Горнозаводскую дорогу. Построилъ цѣлую колонію роскошныхъ дачъ для петербургскихъ жителей близъ Николаевской желѣзной дороги.

Но не все и удавалось, бывало, что не разъ дѣла

его запутывались и онъ разорялся. Только его удивительная бодрость духа, смѣтливость, чрезвычайная находчивость и практическій умъ спасали его.

Василій Александровичъ былъ истинно русскій человѣкъ, горячо и искренно любившій свою родину. Настоящій русскій самородокъ, грудью пробившій себѣ дорогу. Много писалъ о нуждахъ и желаніяхъ русскаго народа, но больше всего самъ лично сдѣлалъ хорошаго для блага нуждающихся. Въ своемъ имѣніи, въ Новгородской губерніи, доставилъ возможность крестьянамъ пріобрѣтать на выгодныхъ условіяхъ участки земли; тамъ же около озера Ильменя выстроилъ прекрасный домъ для учениковъ Академіи Художествъ и проч.

Про Кокорева разсказываютъ, что въ тяжелую минуту полнаго разоренія, когда онъ не зналъ чѣмъ поправить дѣло и сидѣлъ подавленный отчаяніемъ, ему вдругъ приносятъ увѣсистую кубышку. Оказалось, что деньги, которыя посылалъ онъ иногда матери „къ празднику", она прятала въ кубышку, и узнавъ о его стѣсненномъ положеніи, поспѣшила доставить ему свое сбереженіе. Когда вынули содержимое кубышки, тамъ оказалось 60.000 руб.! Они-то и послужили основаніемъ новымъ крупнымъ предпріятіямъ.

Кокоревъ умеръ 22-го апрѣля 1889 года въ С.-Петербургѣ и погребенъ на Охтенскомъ кладбищѣ.

Характеренъ одинъ случай изъ жизни Кокорева. Было какое-то торжественное собраніе въ С.-Петербургѣ, на которомъ обсуждались способы помощи обѣднѣвшимъ крестьянамъ сѣверныхъ губерній. Предсѣдательствовало высокопоставленное лицо, на обсужденіи присутствовали представители нѣкоторыхъ админи-

стративныхъ вѣдомствъ, вѣдѣнію которыхъ подлежали заботы о водвореніи благополучія въ голодающихъ мѣстахъ. Приглашенъ былъ на это засѣданіе и Кокоревъ.

Пока шли пренія, Кокоревъ молчалъ, внимательно прислушиваясь къ авторитетнымъ сужденіямъ засѣдавшихъ. Но вотъ, когда уже высказались всѣ, предсѣдатель обращается къ Кокореву и спрашиваетъ его:

— Что вы, г. Кокоревъ, думаете по этому поводу?

Кокоревъ обвелъ глазами общество и отвѣтилъ:

— По моему всѣ предложенія къ изысканію средствъ помощи очень хороши, но ни одно не обезпечитъ обѣднѣвшихъ крестьянъ. Никакія милліоны не спасутъ отъ нищеты нашъ сѣверъ...

— Почему?

— Потому что единовременная помощь безполезна, систематическая невозможна. Отъ единовременной крестьянинъ только передохнетъ, на систематическую— не хватитъ никакихъ денегъ, да забалуетъ она, пожалуй, мужика...

— Въ такомъ случаѣ что же дѣлать? По вашему, значитъ, нѣтъ возможности облегчить положеніе обѣднѣвшей окраины?

— Какъ нѣтъ?—спокойно продолжалъ Кокоревъ.— Есть!

— Именно?

— На тѣ деньги, которыя пошли бы въ единовременную помощь, надо накупить ружей, пороху, да дроби—вотъ и все!

Собраніе не удержалось отъ улыбки.

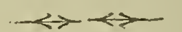
— Зачѣмъ же это?

— Для раздачи крестьянамъ. Пусть въ своихъ бо-

гатыхъ лѣсахъ охотятся. Это ихъ поправитъ лучше всякой помощи.

Это было такъ математически вѣрно и просто, что безъ всякихъ дебатовъ было рѣшено сдѣлать именно такъ. Результаты оказались блестящими...

— Геніальный человѣкъ! — сказалъ предсѣдатель про Кокорева, когда тотъ, высказавъ свои соображенія, удалился изъ собранія.

Ѳ. А. Семеновъ.

(Астрономъ).

Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ всю жизнь провелъ въ Курскѣ. Работалъ и думалъ въ тиши, скромно прятался отъ общества и никогда не искалъ популярности, почему и имя его совершенно неизвѣстно.

Онъ былъ астрономомъ-самоучкою. Сдѣланныя имъ открытія въ области излюбленной имъ астрономіи, по свидѣтельству спеціалистовъ, представляютъ изъ себя большія заслуги передъ наукою.

Не занимаясь ихъ разборомъ, что не входитъ въ программу настоящей книги, мы только дадимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ самородкѣ, память о которомъ благоговѣйно чтитъ его родина.

Семеновъ похороненъ въ Курскѣ, близь города, за городскими воротами, которыя называются „Московскими".

Могила его находится на кладбищѣ, которое, въ отличіе отъ сосѣдняго нѣмецкаго, носитъ названіе

„русскаго". Лѣтомъ русское кладбище утопаетъ въ зелени деревьевъ. Содержится оно въ полномъ порядкѣ. Дорожка, усыпанная пескомъ, прорѣзываетъ его въ разныхъ направленіяхъ и ведетъ къ могилѣ Семенова, которая находится въ центрѣ кладбища. Надъ могилой воздвигнутъ въ 1874 г. городскимъ обществомъ красивый мраморный памятникъ. На черномъ пьедесталѣ стоитъ черная колонна, а на ней бѣлая мраморная чаша съ вдѣланнымъ въ нее вызолоченнымъ крестомъ, ярко сіяющимъ въ лучахъ солнца.

На пьедесталѣ сдѣланы слѣдующія надписи:

1) Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ. Родился курскимъ мѣщаниномъ въ 1794 году 20 апрѣля; 2) Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ. Скончался потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ въ Курскѣ 18 апрѣля 1860 г. На одной изъ сторонъ пьедестала находятся стихи слѣдующаго содержанія.

«Что онъ любилъ, надъ чѣмъ трудился онъ,
Про то всѣ знаютъ:
И солнца лучъ, и звѣздный небосклонъ
И тѣ, что изучаютъ
Небесъ таинственную мудрость
И всякъ народнаго таланта другъ,
И родины его друзья, и многолюдность,
И школа въ честь его заслугъ».

Въ память астронома въ г. Курскѣ учреждена метеорологическая станція, городское училище и публичная библіотека его имени. На Семеновской метеорологической станціи находится портретъ астронома. Здѣсь же хранятся бумаги, телескопъ, собственноручно сдѣланный имъ и инструменты, подаренные Ѳедору Алексѣевичу курскимъ городскимъ обществомъ.

Бумаги Семенова, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не разобраны.

ПАРИ и СПОРЩИКИ.

Одинъ изъ спорящихъ— дуракъ, другой—подлецъ.
Наполеонъ I.

Манія держать пари, т. е. обусловливать результатъ спора какимъ-нибудь закладомъ, психіатрами объясняется, какъ болѣзнь и притомъ прилипчивая. Подтвержденіемъ этого можетъ служить та разростающаяся въ настоящее время въ Россіи страсть къ всяческимъ спортамъ, которая охватила всѣ слои общества и заняла видное мѣсто, какъ въ области развлеченій, такъ и въ сферѣ отвлеченныхъ наукъ.

Пари или „споръ объ закладъ" (тотализаторъ, соревнованіе на полученіе извѣстной привиллегіи или приза), нынѣ признанъ русскимъ законодательствомъ, какъ договоръ, имѣющій полную юридическую силу, если, конечно, выполненіе его не нарушаетъ общественнаго порядка, благочинія и закона.

Такимъ образомъ за „пари" признано право.

И право это значительно способствуетъ тому, что „пари" изъ простаго обыкновенія разрѣшать споры путемъ заклада переходитъ въ манію, т. е. болѣзненную страсть. За примѣромъ ходить не далеко. Возьмите тотализаторскій азартъ, обратившійся въ игру или велосипедныя гонки, очень часто оканчивающіеся

весьма печально (при установленіи рекордовъ на велосипедѣ Москва-Петербургъ бывали случаи смерти отъ переутомленія)...

Извѣстно, что манія держать „пари" проникла въ Россіи не давно. Ея родина — Англія, гдѣ всяческіе споры объ закладъ развиты до степени необходимаго атрибута общественной жизни. Англичане, благодаря страсти къ пари, дошли прямо-таки до анекдотическихъ споровъ. Самые нелѣпые и курьезные пари находили мѣсто въ предѣлахъ туманнаго Альбіона и въ Америкѣ, гдѣ неукоснительно слѣдуютъ всякимъ англійскимъ модамъ.

Въ своемъ очеркѣ, мы укажемъ на тѣхъ русскихъ спорщиковъ, которые были таковыми по натурѣ и „пари" которыхъ не носило спортивнаго характера.

Но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, припомнимъ для сравненія нѣсколько эпизодическихъ пари, имѣвшихъ мѣсто внѣ отечества.

Герцогъ Бедфордъ и лордъ Бариморъ, представители лондонской аристократіи, были завзятыми любителями всяческихъ споровъ. Однажды они, во время жаркаго разговора о выносливости человѣческаго желудка, подержали пари относительно того, что всегда можно найти человѣка, который отважиться съѣсть не только какую-нибудь дрянь, заваль, но даже живую кошку.

Это утверждалъ Бедфордъ.

— Живую кошку? переспросилъ лордъ Бариморъ.

— Да.

— Никогда! Этого не можетъ быть. Не найти такого человѣка.

Поспорили на крупную сумму денегъ.

Согласно предварительному уговору, за счетъ проигравшаго, было сдѣлано объявленіе, которымъ приглашалось лицо, могущее съѣсть за приличную сумму денегъ живую кошку.

На объявленіе это откликнулся какой-то пастухъ изъ Беверлея въ Іоркширѣ.

Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ взялся съѣсть живую кошку.

Этотъ необычайный сеансъ происходилъ въ присутствіи многочисленнаго общества, приглашеннаго на это небывалое зрѣлище.

Пастухъ оказался на высотѣ задачи. Возбуждая общее отвращеніе, онъ ѣлъ живаго чернаго кота, съ кожей, шерстью, костями и со всѣми внутренностями.

Герцогъ Бедфордъ выигралъ пари.

Гораздо интереснѣе пари двухъ суконныхъ фабрикантовъ: Коксеттера и Трокмортоно, въ Нейбургѣ. Это было въ 1873 году.

Фабриканты поспорили относительно рабочей скорости.

Какъ-то во время разговора, Коксеттеръ хвастливо замѣтилъ Трокмортону, что съ хорошими мастерами можно дѣлать чудеса.

— Несомнѣнно, отвѣтилъ Трокмортонъ, — хорошія рабочія руки для насъ, фабрикантовъ и предпринимателей, это кладъ, — но не слѣдуетъ увлекаться и доходить до чудесъ.

Коксеттеръ запальчиво повторилъ:

— Да, я утверждаю, что съ хорошими мастерами можно дѣлать чудеса.

— Слово за слово. Разговоръ обострился.

— Вотъ вы все твердите про чудеса, сказалъ Трок-

мортонъ, — а на какія чудеса ваши рабочіе способны?

— Да на такія, что ежели вы мнѣ утромъ дадите двухъ живыхъ овецъ, — я вамъ къ вечеру сдѣлаю изъ ихъ шерсти сюртукъ.

Трокмортонъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Это вздоръ!

— Какъ вздоръ?.. Или вы возьмите свои слова обратно, или держите со мной пари на 1000 гиней.

— На пари согласенъ.

Ударили по рукамъ и при свидѣтеляхъ выработали условія спора.

На другой день въ 6 часовъ утра Трокмортонъ привелъ къ Коксеттеру двухъ овецъ, изъ которыхъ тотъ долженъ былъ приготовить ему къ 9 часамъ вечера того же дня совершенно готовый сюртукъ.

Для этого что нужно было сдѣлать?—Остричь овецъ, спрясть шерсть, размотать и выткать пряжу, свалять сукно, выкрасить его, спрессовать и затѣмъ уже наступала работа портного.

И что же?

Къ 4 часамъ пополудни сукно было готово, а въ 8 ч. 40 мин. вечера Коксеттеръ передалъ Трокмортону готовый, сшитый на его фигуру, сюртукъ, въ которомъ тотъ появился передъ многочисленнымъ обществомъ призваннымъ на вечеръ, чтобы принять участіе въ побѣдѣ одного изъ фабрикантовъ.

По приказанію Коксеттера, обѣихъ овецъ зажарили и одна съ прибавкой 20 ведеръ пива пошла на угощеніе фабричныхъ рабочихъ; другая, вмѣстѣ съ различными напитками, была предложена публикѣ.

Изъ оригинальныхъ пари можно отмѣтить такъ-же слѣдующее.

Въ Линцѣ, въ 1862 г., одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ пловцовъ, обязался проплыть внизъ по теченію Дуная, отъ восточнаго конца города, пространство въ полчаса пути на спинѣ, причемъ на животѣ его долженъ быть поставленъ столикъ съ 2 раскупоренными бутылками вина, съ 6 яйцами на тарелкѣ и 4 стаканами. Согласно условію пари, которое держалъ съ нимъ мѣстный спортивный кружокъ, ни одинъ изъ предметовъ, находившихся на столикѣ, не долженъ быть ни потеряннымъ, ни опрокинутымъ, въ противномъ случаѣ пловецъ проигрываетъ очень крупную сумму.

Искусство пловца превзошло, однако, ожиданія. Столикъ со всѣми атрибутами черезъ полчаса былъ доставленъ на мѣсто въ совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ установленъ на пловцѣ.

Объ этомъ пари много писалось въ газетахъ и оно было долгое время злобою дня, какъ нѣчто безпримѣрное.

Другой знаменитѣйшій изъ пловцовъ, американецъ, капитанъ Бойтонъ, въ 1885 г., едва не сдѣлался жертвой сумасброднаго пари.

Онъ держалъ однажды пари на значительную сумму денегъ, что съумѣетъ заложить торпеду (конечно, безъ пороха), подъ стоявшій на якорѣ въ нью-іорской гавани англійскій броненосецъ „Garnet“.

Въ назначенный день и часъ, Бойтонъ отплылъ отъ берега, помѣстивъ у себя на спинѣ торпедо и уже готовъ былъ привести въ исполненіе взятое на себя обязательство, но въ этотъ моментъ его замѣтили англійскіе часовые и принявъ его за „динамитчика“, дали по немъ залпъ. Раненый двумя пулями, Бойтонъ, вѣроятно, поплатился бы жизнью, еслибы, собравшись

съ силами, не крикнулъ капитану броненосца свою фамилію. Къ счастію отважнаго пловца, капитанъ догадался въ чемъ дѣло и приказалъ спустить катеръ, который доставилъ изнемогавшаго Бойтона на броненосецъ. Раны его оказались довольно опасными, но все же были залѣчены и онъ совершенно оправился.

Однако, этотъ случай не послужилъ для него урокомъ. Онъ погибъ при слѣдующемъ пари. Бойтонъ поспорилъ, что переплыветъ величайшій въ мірѣ водопадъ Ніагару. Однажды, въ молодости, онъ его уже переплывалъ, но этотъ случай очевидцами былъ приписанъ къ чудесамъ. И когда онъ объявилъ пари о вторичномъ путешествіи черезъ водопадъ, многіе согласились подержать это пари; всѣ были увѣрены, что во второй разъ не совершить такого подвига.

Оно такъ и вышло. Неустрашимый капитанъ, одержимый маніей держать пари, поплатился жизнью.

Къ замѣчательнымъ пари относится знаменитый сорокадневный постъ доктора Таннера.

Въ 1880 г., Таннеръ держалъ пари съ докторомъ Гаммондомъ въ Нью-Іоркѣ, на 1,000 долларовъ, что онъ цѣлыхъ сорокъ дней проведетъ безъ пищи. 17 мая начался этотъ физіологическій опытъ, обратившій на себя вниманіе почти всего свѣта. Для того, чтобы этотъ рискованный и эксцентричный опытъ повлекъ за собою какіе-нибудь результаты и для физіологіи, самъ докторъ Таннеръ просилъ, чтобы устроили правильныя, постоянныя, научныя наблюденія надъ нимъ. Многочисленные корреспонденты сообщали результаты этихъ наблюденій многимъ европейскимъ газетамъ.

Первые 9 дней своего пощенія Таннеръ перенесъ удивительно легко и лишь на десятый день началъ

видимо страдать и утолять голодъ водой, которой выпивалъ каждый день по нѣсколько унцій. Всего выпито имъ воды, впродолженіи сорокадневнаго голоданія 667 унцій или же 55½ аптекарскихъ фунтовъ,—маленькое количество въ сравненіе съ тѣмъ, которое выпиваетъ въ различномъ видѣ нормально питающійся человѣкъ. Для поддержанія въ себѣ бодрости и здоровья, онъ почти каждый день катался верхомъ, ходилъ и принималъ горчичныя ванны. Послѣдніе 10 дней страданія Таннера особенно усилились. Онъ пересталъ ѣздить верхомъ, большую часть времени лежалъ и чувствовалъ сильную тошноту. Глаза его и выраженіе лица приняли, по отзыву очевидцевъ, волчье выраженіе. Обыкновенно веселый и привѣтливый въ обращеніи съ посѣтителями, Таннеръ, въ послѣдніе десять дней своего голоданія, сталъ капризенъ, раздражителенъ и грубъ. Несомнѣнно, что въ тайнѣ онъ не разъ пожалѣлъ о томъ, что вполнѣ добровольно, безъ всякой надобности, возложилъ на себя столь тягостное и продолжительное испытаніе, но какъ истый янки, охотнѣе умеръ бы, чѣмъ согласился бы признать себя побѣжденнымъ; онъ и самъ сталъ опасаться, что не вынесетъ столь продолжительнаго голоданія. Находившіеся при немъ доктора каждую минуту ждали опаснаго кризиса; но Таннеръ все таки остался побѣдителемъ и мужественно выдержалъ до конца условленное воздержаніе отъ какой бы то ни было пищи.

26 іюля 1880 года, когда условленный свистокъ возвѣстилъ окончаніе срока, Таннеръ съ жадностью схватилъ персикъ, съѣлъ его, потомъ съѣлъ бифштексъ и кусокъ арбуза, несмотря на совѣты окружавшихъ его—наблюдать осторожность.

До начала поста докторъ Таннеръ имѣлъ 157½ англійскихъ фунтовъ вѣсу, а въ концѣ своего голоданія вѣсилъ только 120½ англійскихъ фунтовъ, т. е. потерялъ 37 фунтовъ. Во время испытанія температура тѣла доктора Таннера мало уклонялась отъ нормальной и разсудокъ оставался ясенъ.

Долгое пощеніе не испортило его здоровья; вскорѣ послѣ выигрыша пари, онъ сталъ снова столь же бодрымъ, здоровымъ, веселымъ и подвижнымъ, какъ былъ до этого замѣчательнаго пари, доказавшаго, что здоровый человѣческій организмъ способенъ къ очень продолжительному пощенію.

Изъ жизни американцевъ вообще было бы можно почерпнуть множество эпизодическихъ пари, представляющихъ изъ себя благопріятный матеріалъ для бытовой характеристики этой страны, одержимой маніею держать пари.

Напримѣръ, въ 1901 г., одинъ изъ жителей Нью-Іорка держалъ со своими друзьями очень крупное пари что онъ получитъ болѣе сотни подписей вліятельныхъ пасторовъ епископальной церкви подъ петиціей къ духовнымъ властямъ о томъ, чтобы нью-іоркскій епископальный епископъ былъ повѣшенъ.

Онъ написалъ длинную петицію, начинавшуюся словами: „Въ видахъ наилучшихъ интересовъ протестантской епископальной церкви“... Въ срединѣ этой длинной петиціи была и самая суть ея въ словахъ: „Мы, нижеподписавшіеся, просимъ повѣсить нью-іоркскаго епископа за шею“.

Петиція была написана прекрасно и на самой лучшей бумагѣ. Никакого обмана затѣмъ не употреблялось, чтобы получить подписи. Предлагавшій говорилъ

только, что это петиція къ духовнымъ властямъ по дѣлу, серьезно касающемуся благополучія церкви. Все затрудненіе или искусство искавшаго подписей заключалось въ томъ, чтобы получить первыя 3—4 подписи извѣстныхъ епископальныхъ проповѣдниковъ. Слѣдующія затѣмъ подписывались лишь по примѣру этихъ первыхъ, вовсе даже не заглядывая въ текстъ петиціи. Очень скоро собралось подписей болѣе чѣмъ нужно и выигравшій пари заявлялъ, что онъ могъ бы получить подъ петиціей тысячу подписей разныхъ духовныхъ лицъ, если бы это было нужно ему.

Исходъ президентскихъ выборовъ служитъ въ Соединенныхъ Штатахъ предметомъ не только денежныхъ, но и другихъ, гораздо болѣе своеобразныхъ пари. Такъ, напримѣръ, недавно состоялось слѣдующее пари между сторонникомъ серебряной партіи капитаномъ Джонсономъ и приверженцемъ Макъ-Кинли мистеромъ Томсономъ: каждый изъ нихъ обязался въ случаѣ проигрыша отправиться въ уединенную деревню и жить тамъ отшельникомъ въ теченіе цѣлаго года. Два другихъ гражданина изъ Мильвоки (Висконсинъ) взаимно обязались покинуть навсегда Соединенные Штаты, если соотвѣтственный кандидатъ будетъ побитъ на выборахъ; договоръ былъ заключенъ нотаріальнымъ порядкомъ и, какъ слѣдуетъ, занесенъ въ реестръ. Наконецъ, богатая вдова изъ графства Старкъ (Индіана) г-жа Сара Макъ-Гэль обязалась выйдти замужъ за своего поклонника Джемса Кондена и содержать его на свой счетъ, если президентомъ будетъ избранъ Макъ-Кинли. Если же побѣдителемъ окажется Брайанъ то не только не состоится свадьба, но Конденъ обязанъ будетъ ежегодно платить г-жѣ Макъ-Гэль из-

вѣстную сумму денегъ въ продолженіе всего срока президентства Брайана.

Одинъ изъ большихъ въ настоящее время городовъ Америки возникъ благодаря спору.

Дѣло было такъ.

Два очень богатыхъ гражданина Соединенныхъ Штатовъ, изъ Санъ-Луи въ штатѣ Миссури, держали другъ съ другомъ пари въ 30,000 долларовъ о возможности создать городъ въ восемь дней. Тотчасъ же приступили къ дѣлу: выбрали мѣстность, начали строить гостинницы и напечатали въ газетахъ массу заманчивыхъ рекламъ, приглашающихъ всѣхъ, кто пожелаетъ поселиться въ будущемъ городѣ. Эти рекламы имѣли столь значительный успѣхъ, какого не имѣли бы навѣрно въ старомъ свѣтѣ мѣстности съ несравненно плотнѣйшимъ населеніемъ. На четвертый день явилась уже довольно порядочная улица съ деревянными зданіями; на шестой появились церковь и клубъ: на седьмой вышла уже и мѣстная газета и на 8-й, въ 5 часовъ пополудни, въ городѣ считалось 1432 жителя. Такимъ образомъ державшій пари за возможность столь изумительно-быстраго возникновенія города—выигралъ 30,000 долларовъ.

Скачки въ Россіи.

Въ настоящее время скачки лошадей въ Россіи имѣютъ большое общественное значеніе не потому, что путемъ состязаній улучшаются лошадиныя породы, что

является будто главною цѣлью этихъ скачекъ,—а потому, что при состязаніяхъ допущенъ тотолизаторъ, принимающій заклады на скакуновъ. Это, такъ сказать, оффиціально допущенное денежное пари между лицами, дѣлящимися на группы по выбору фаворитовъ.

Принимая во вниманіе такое положеніе скачекъ въ обиходѣ русской жизни, не лишнимъ будетъ привести маленькій обзоръ возникновенія въ Россіи скачекъ.

Первая публичная скачка русскихъ жокеевъ на англійскихъ чистокровныхъ лошадяхъ состоялась въ Москвѣ, на Донскомъ полѣ, 9 мая 1799 г.

Нечего и говорить о томъ, что скачки эти обязаны были своимъ происхожденіемъ и существованіемъ тому же прославленному историческому коннозаводчику, который основалъ знаменитую породу нашихъ рысистыхъ лошадей—гр. А. Г. Орлову-Чесменскому.

Первыя англійскія скаковыя лошади приведены были въ Россію для графа Орлова въ 1785 году англичаниномъ Романомъ Смитомъ. Тогда графъ Орловъ приказалъ построить близъ его дома на Донскомъ полѣ двухъверстный скаковой кругъ, на которомъ и происходили скачки; посторонняя публика на эти скачки не допускалась. И только въ 1799 году открылись публичныя состязанія русскихъ жокеевъ, продолжавшіяся вплоть до 1808 года, т. е. до смерти графа А. Г. Орлова.

Происходили эти скачки обыкновенно въ маѣ и іюнѣ, по четвергамъ. Секретаремъ скачекъ былъ князь М. П. Хилковъ. Самъ графъ Орловъ-Чесменскій пріѣзжалъ обыкновенно на скачки вмѣстѣ со своей дочерью на четырехколесной золоченой колесницѣ, запряженной въ рядъ четверкой лошадей, которыми самъ графъ

управлялъ съ необычайнымъ искусствомъ. Галлереи на ипподромѣ Донскаго поля бывали полны публикой, состоявшей преимущественно изъ московской знати. Молодые люди и дамы изъ высшаго московскаго общества пріѣзжали на ипподромъ верхомъ и находились во все время скачки внутри скаковаго круга.

Дистанція скачекъ обыкновенно состояла изъ четырехъ верстъ, т. е. изъ двухъ круговъ.

Первая скачка происходила на призъ въ 500 руб., пожертвованный графомъ А. Г. Орловымъ-Чесменскимъ.

Скакало девять лошадей: „Изида", „Лариса", и „Грандъ" гр. Орлова-Чесменскаго, „Лизистрата" кн. М. И. Хилкова, „Травлеръ" Д. С. Муравьева, „Діана" и „Мизера" кн. Куракина, „Метеоръ" гр. Капниста и „Стайль" княгини Дашковой.

Скачка была назначена съ перескачкою на 4 версты. Въ оба раза побѣдоносно опередилъ всѣхъ своихъ соперниковъ „Травлеръ" Муравьева. Жокеевъ-англичанъ въ то время не было, и въ скачкахъ участвовали русскіе ѣздоки. На „Травлерѣ" скакалъ крѣпостной мальчикъ Муравьева—Андрей, ни прозвища, ни фамиліи своей потомству не передавшій, но отличавшійся необыкновенною ловкостью. Когда Андрей подходилъ къ выигрышному столбу на своемъ скакунѣ-побѣдителѣ, публика увидѣла, что у него недостаетъ стремени. Это обстоятельство лишало „Травлера" перваго приза, такъ какъ потерянное стремя уменьшало вѣсъ, который онъ долженъ былъ нести. Но вотъ соскакиваетъ Андрей съ лошади и въ рукахъ у него оказывается стремя, которое онъ на скаку успѣлъ спасти отъ паденія и, такимъ образомъ, выигралъ призъ на одномъ стремени.

За такую ловкость жокея Андрея графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій лично подарилъ ему 100 золотыхъ.

По окончаніи скачки гр. Орловъ-Чесменскій, обыкновенно, проѣзжалъ на своей колесницѣ по кругу и уѣзжалъ домой со своими гостями доканчивать этотъ день роскошнымъ пиромъ.

Въ 1808 году гр. Орловъ умеръ и скачки прекратились. Возобновились онѣ, въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ испытаній, въ 1826 году въ Лебедянѣ, гдѣ и былъ учрежденъ первый общественный ипподромъ въ Россіи.

Гр. Орловъ былъ первымъ тотошникомъ. Онъ любилъ держать пари за своихъ лошадей и иногда выигрывалъ очень крупныя суммы, преумножавшее его сказочное богатство.

Свѣтл. князь М. С. Воронцовъ.

Генералъ-губернаторъ новороссійскаго края свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцевъ не былъ завзятымъ спорщикомъ, но одно проигранное имъ крупное пари, въ свое время было забавнымъ анекдотомъ, облетѣвшимъ всю Россію.

Подробности пари таковы.

При поимкѣ контрабанды у сухопутной таможни случилось быть князю Воронцову и помѣщику Т.

— Какъ эти дураки не могутъ изловчиться, замѣтилъ Т., указывая на контрабандистовъ.—Нѣтъ ничего легче, какъ провести таможенныхъ.

— Наоборотъ; нѣтъ ничего труднѣе, поправилъ его управляющій таможнею.

— Я провезу на десять тысячъ рублей товару, а вы меня не поймаете, сказалъ помѣщикъ.—Даже скажу вамъ, въ какое именно время провезу.

— Какимъ образомъ? недовѣрчиво спросилъ его Воронцовъ.

— А ужъ это мое дѣло!

— Я съ вами какое угодно пари готовъ держать, что ровно ничего не провезете.

— А вотъ увидимъ!.. На пари согласенъ и я: ставлю свое имѣніе, стоющее пятьдесятъ тысячъ, предложилъ помѣщикъ.

— Я отвѣчаю сто тысячъ рублей! сказалъ Воронцовъ.

При свидѣтеляхъ ударили по рукамъ. Управляющій таможнею дивился смѣлости и риску Т., и предвѣщалъ ему вѣрный проигрышъ.

— Ну, такъ когда же вы провезете контрабанду? спросилъ Воронцовъ, улыбаясь.

— Послѣ завтра, въ двѣнадцать часовъ дня, отвѣчалъ спокойно помѣщикъ.

— А что вы повезете? освѣдомился управляющій таможнею.

— Блонды, кружева, брилліанты...

— На десять тысячъ?

— Ровно.

Въ назначенный день и часъ въ таможню прибылъ князь Воронцовъ, въ сопровожденіи многихъ одесскихъ аристократовъ, пожелавшихъ взглянуть на хитрую продѣлку помѣщика Т.

Ровно въ двѣнадцать часовъ къ таможнѣ подъѣзжаетъ въ коляскѣ Т.

Начинается обыскъ.

Т. уводятъ въ отдѣльную комнату, раздѣваютъ его совершенно и тщательно осматриваютъ каждую складку его платья и бѣлья,—но ничего не находятъ. Такому же строгому обыску былъ подвергнутъ и кучеръ его, но и онъ не заключалъ въ себѣ ничего контрабанднаго. Приступили къ экипажу, выпороли всю обивку его — ничего.

Всѣ съ замираніемъ сердца ожидали результата.

— Мы разрубимъ вашъ экипажъ, сказалъ Воронцовъ помѣщику.

— Рубите согласился послѣдній,—но съ условіемъ, если ничего не найдете, то уплатите за него полтораста цѣлковыхъ.

Разрубили экипажъ на куски—тоже ничего.

Управляющій таможнею даже гривы и хвосты лошадей осмотрѣлъ, но и въ нихъ, къ своему огорченію, ничего не обрѣлъ.

— Ну, что, кончили ли осмотръ? спрашиваетъ помѣщикъ, побѣдоносно поглядывая на толпу.

— Кончили, уныло отвѣчали таможенные чиновники,

— И ничего не нашли?

— Ничего.

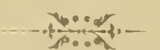
— Теперь можно показать контрабанду?

— Что-жъ показывайте..

Помѣщикъ подзываетъ къ себѣ бѣлую мохнатую собаченку, прибѣжавшую за его экипажемъ, а во время обыска спокойно спавшую у письменнаго стола управляющаго таможнею, и проситъ подать ему ножницы, съ помощью которыхъ онъ распарываетъ своего пуделя вдоль спины. Что же оказывается? Навертѣлъ онъ на простую дворняшку дорогихъ кружевъ, блонды, а между

ними наложилъ дорогихъ и брилліантовыхъ вещей и зашилъ ея туловище въ шкуру пуделя; ноги же, хвостъ и голову искусно выкрасилъ бѣлой краской.

Пари, разумѣется, было имъ выиграно.

Н. И. Челищевъ.

Никаноръ Ивановичъ Челищевъ, очень богатый русскій помѣщикъ, конпозаводчикъ и спортсменъ, принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ, людей idée fixe которыхъ была пари: онъ любилъ держать пари даже самаго курьезнѣйшаго свойства. Онъ выигралъ однажды въ Тулѣ пари у Аркадія Африкановича Болдырева, что онъ лучшаго болдыревскаго рысака объѣдетъ не то на свиньѣ, не то на пѣтухѣ. Прикормивъ пѣтуха на бѣговомъ кругу у самой бесѣдки, Никаноръ Ивановичъ при состязаніи выпустилъ пѣтуха на поворотъ и, конечно, по первому же зову, пѣтухъ скорѣе на крыльяхъ, чѣмъ на ногахъ, явился къ призовому столбу ранѣе рысака, будучи заблаговременно пріученъ принимать кормъ немедленно по прибытіи туда.

Въ Каширѣ, одинъ молодой человѣкъ, помѣщикъ и сосѣдъ по имѣнію Никанора Ивановича, стоялъ однажды зимой у окна въ домѣ Челищева и обратилъ вниманіе хозяина на массу мертвыхъ, повидимому, мухъ, между двумя рамами.

— А вѣдь онѣ весною оживутъ! сказалъ гость.

— Хотите пари, что ни одна не оживетъ? возразилъ Челищевъ.

Гость согласился, и пари состоялось по золотому за муху. Рѣшено было, что гость вернется весною, чтобъ убѣдиться въ томъ, оживетъ-ли хоть одна изъ мухъ.

Едва этотъ помѣщикъ выѣхалъ, какъ Челищевъ велѣлъ выставить двойную раму и каждую муху, лежавшую за нею, прокололъ толстой булавкой.

Само собой разумѣется, что вслѣдствіе этой продѣлки, ни одна муха не ожила. Молодой помѣщикъ пріѣхалъ весною, прожилъ у Челищева недѣлю, тщетно ожидая оживленія дорого стоившихъ ему мухъ, заплатилъ за каждую по золотому и уѣхалъ. Потомъ Н. И. Челищевъ хвасталъ этой продѣлкой и разглашалъ о ней.

Однажды Челищевъ держалъ пари съ княземъ Евгеніемъ Черкасскимъ, что тотъ, не кормя, не проѣдетъ на своей кровной тройкѣ, въ условленный часъ изъ Венева въ Тулу, то есть пятьдесятъ верстъ въ полтора часа, хотя лошади князя Черкасскаго доказывали раньше уже неоднократно свою способность къ выигрыванію подобнаго пари. Челищевъ былъ вообще очень счастливъ въ такихъ случаяхъ. Такъ и тутъ: тройка князя Черкасскаго была уже въ трехъ верстахъ отъ Тулы, когда у коренной лошади лопнуло копыто: она сильно ушибла ногу о мостъ. Когда князь Евгеній Александровичъ пересѣлъ на другую свою же тройку, скакавшую сзади и пріѣхалъ въ Тулу, чтобъ сказать о своемъ проигрышѣ, то, по разсчету, времени оставалось еще достаточно, чтобы выиграть пари, за которое князь все-таки уплатилъ Челищеву.

Князь Гагаринъ.

Князь Гагаринъ, жившій въ Москвѣ въ самомъ началѣ 1880-хъ годовъ и прозванный за свою худобу „Адамовой головой“, слылъ за чудака и бретера.

Одною изъ большихъ слабостей его было—пари.

Многіе изъ нихъ бывали сопряжены съ удальствомъ и храбростью, чѣмъ кн. Гагаринъ всегда могъ похвастать. Дѣйствительно, онъ не принадлежалъ къ категоріи людей трусливыхъ. Если дѣло доходило до спора, князь не передъ чѣмъ не останавливался.

Однажды, напримѣръ, онъ побился объ закладъ съ компаніей офицеровъ относительно того, что онъ доставитъ Наполеону два фунта чая.

Дѣло происходимо въ 1812 г., во время пребыванія французовъ въ Москвѣ.

Пари было безумное.

Никто изъ споривших съ кн. Гагаринымъ не сомнѣвался, что проникнуть къ Наполеону никакъ нельзя. потому что окружавшее его войско и свита слишкомъ чутко охраняли императора.

Однако, кн. Гагаринъ отважился на это рисковое дѣло и достигъ того, что его принялъ Наполеонъ.

Очень понятно, что первый вопросъ великаго полководца, обращенный къ кн. Гагарину, былъ таковъ: что нужно отъ него посѣтителю?

Гагаринъ признался:

— Я поспорилъ съ цѣлымъ обществомъ, что ваше величество не откажется отвѣдать нашего московскаго чая, представляющаго изъ себя для Москвы національный напитокъ.

— И только затѣмъ вы мнѣ заявились? спросилъ Наполеонъ, не сдерживая насмѣшливой улыбки.

— О, нѣтъ! Кстати хотѣлъ на дѣлѣ убѣдиться, такъ ли французы гостепріимны и галантны, какъ о нихъ разсказываютъ.

— Французы снисходительны и любезны! проговорилъ Наполеонъ и приказалъ окружающимъ его пропустить князя Гагарина обратно въ русскій лагерь.

Пари было выиграно—что и требовалось доказать.

ШУТНИКИ.

ИЗЪ МАСКАРАДНЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

I. Неожиданный подарокъ.

Въ царствованіе императора Николая Павловича какъ извѣстно, маскарады въ Большомъ театрѣ процвѣтали и посѣщались лучшимъ петербургскимъ обществомъ. Самъ государь нерѣдко посѣщалъ ихъ и былъ близкимъ участникомъ искренняго веселья, царившаго въ пестрой толпѣ присутствующихъ. Николай Павловичъ вообще былъ доступенъ и простъ въ обхожденіи, но во время маскарадовъ въ особенности онъ любилъ чувствовать себя обыкновенымъ посѣтителемъ. Къ нему совершенно свободно подходили маски и бесѣдовали. Конечно многія женщины этимъ кичились, а нѣкоторыя даже извлекали существенную пользу. Напримѣръ, однажды ловкая и элегантная маска своимъ увлекательнымъ разговоромъ до того заинтересовала государя, что онъ, проговоривъ съ ней довольно долго, спросилъ ее: не желаетъ ли она чего нибудь

отъ него на память о пріятно проведенномъ для императора вечерѣ.

— Вы слишкомъ милостивы, ваше величество, — отвѣчала маска, —я такъ счастлива вашимъ вниманіемъ, что наоборотъ желаю просить вашего позволенія сдѣлать мнѣ самой вашему величеству подарокъ на память о сегодняшнемъ маскарадѣ.

— Отъ души приму,—отвѣтилъ государь, улыбаясь.—Но только мнѣ интересно, что ты мнѣ можешь подарить?

— Со мной этого подарка нѣтъ, но я буду просить позволенія прислать его завтра вамъ, во дворецъ.

— Прекрасно!

— Пообѣщайте его принять, а также пообѣщайте сдѣлать распоряженіе, чтобы онъ былъ вамъ доставленъ безъ задержки.

— Объ этомъ не безпокойся, милая маска. Присылай, и онъ будетъ у меня. Повѣрь, я его сберегу.

Каково же было удивленіе императора, когда ему на другой день въ видѣ подарка было прислано трое малютокъ дѣтей, судьбу которыхъ неизвѣстная вручала его безграничной добротѣ. Государю такъ понравилась эта шутка, что онъ принялъ участіе въ этихъ дѣтяхъ и приказалъ опредѣлить ихъ въ институты на его счетъ.

II. Хивинское посольство.

Когда гостило хивинское посольство въ Петербургѣ, произошла курьезная мистификація его, впрочемъ, при обстановкѣ, не лишенной остроумія...

Въ Дворянскомъ собранiи былъ благотворительный маскарадъ, привлекшiй многочисленную публику.

По обыкновенiю, царила скука, присущая вообще всякимъ маскарадамъ. Толпа сновала изъ угла въ уголъ и не находила продолжительнаго развлеченiя. Вдругъ въ самый разгаръ вечера поднимается среди присутствующихъ суматоха. Въ толпѣ пронесся слухъ, что прiѣхало „хивинское посольство“, въ то время представлявшее изъ себя злобу дня.

Общество оживилось...

Дѣйствительно, одинъ изъ сторожей бомбою влетѣлъ въ зало изъ швейцарской и доложилъ распорядителю:

— Пожалуйте внизъ! Прiѣхало хивинское посольство...

— Посольство?

— Такъ точно... Сопровождающiй ихъ велѣлъ васъ вызвать...

Распорядитель бросился въ швейцарскую и встрѣтилъ большую группу народа, одѣтаго въ богатые азiатскiе халаты и чалмы.

Одинъ только между ними былъ во фракѣ, который, выдѣлившись изъ толпы, отрекомендовался распорядителю переводчикомъ.

Тутъ-же, въ швейцарской, переводчикъ поспѣшилъ представить почетнымъ гостямъ распорядителя бала, подходившаго къ каждому хивинцу съ почтительнымъ поклономъ и съ благоговѣнiемъ пожимавшаго ихъ руки.

— Очень рады... очень рады... Польщены! бормоталъ распорядитель, приглашая гостей подняться вверхъ.

Передъ входомъ въ залъ, переводчикъ остановился и сказалъ:

— Позвольте запастись входными билетами?

— Охъ, что вы!—предупредительно возразилъ любезный распорядитель.—Зачѣмъ?! Присутствіе такихъ высокихъ гостей дѣлаетъ честь нашему скромному празднику...

— Однако...

— Ни за что-съ! Билеты продаются только для не избранныхъ...

Въ залѣ хивинцы произвели сенсацію. Все время ихъ окружала толпа, съ интересомъ разсматривавшая ихъ типичныя наружности. Нѣкоторые не удерживались отъ замѣчаній вслухъ:

— Рожи-то какія черныя!

— И притомъ лоснящіяся, словно ваксой начищены...

— А вотъ у этого, молодого, изумительно глупое выраженіе!

— Форменные азіаты...

Хивинцы прислушивались и... дѣлали видъ, что ничего не понимали, удивленно хлопали глазами и улыбались во весь ротъ, поминутно обращаясь съ разспросами на своемъ непонятномъ языкѣ къ переводчику. Тотъ что-то имъ отвѣчалъ и въ общемъ получалось какое-то дикое лопотанье.

Послѣ тщательнаго обзора всѣхъ аппартаментовъ Дворянскаго собранія, хивинцы черезъ переводчика изъявили желаніе „откушать чаю".

Гостепріимные распорядители повели ихъ въ буфетъ, роскошно сервировали столъ и на славу угостили посольство.

Во время чаепитія хивинцы обнаружили вполнѣ европейскій вкусъ. Вмѣстѣ съ чаемъ они истребили неимовѣрное количество коньяку и рому...

Въ израсходованіи этихъ напитковъ принимали участіе, по настоящію общительныхъ азіатовъ, и сами распорядители.

— Мы-бы съ удовольствіемъ. отказываясь, начали они,—да нельзя намъ. Вечеръ далеко не оконченъ...

— На правахъ добрыхъ хозяевъ вы не вправѣ отказываться!—замѣтилъ переводчикъ, предварительно что-то выслушавъ отъ наистаршаго хивинца.— По ихъ обычаямъ не полагается гостямъ дотрагиваться до того, чего ранѣе не отвѣдаетъ хозяинъ.

Дѣлать нечего —распорядители начали „отвѣдывать", и время незамѣтно проходило въ пріятной бесѣдѣ черезъ словоохотливаго переводчика поддерживавшаго разговоръ между хозяевами и гостями...

По отбытію почетныхъ посѣтителей было весьма замѣтно, что чай съ придачею коньяка и рома вкушался ими съ большимъ аппетитомъ. Они далеко не твердыми шагами сходили съ лѣстницы...

Въ швейцарской произошла метаморфоза.

Облачаясь въ шубы, азіаты вдругъ заговорили превосходнѣйшимъ образомъ по русски.

Почтительно провожавшіе ихъ до выхода распорядители, удивленно вытянули физіономіи.

— Что это значитъ?

Въ отвѣтъ послышался дружный хохотъ.

— Мы ряженные!

Одинъ изъ распорядителей съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Грабители!

— Въ полицію ихъ!—грозно крикнулъ другой.

Но шутники успѣли благополучно скрыться, оста-

вивъ одураченныхъ распорядителей въ положеніи весьма незавидномъ...

III. Палатка.

Странный костюмъ „палатка“ на одномъ изъ петербургскихъ маскарадовъ былъ причиною очень крупнаго недоразумѣнія.

Въ самомъ началѣ маскарада, является человѣкъ, внесшій на плечахъ большую полотнянную палатку.

Костюмъ этотъ естественнымъ образомъ обращалъ на себя общее вниманіе прежде всего своею массивностью.

— И охота такую тяжесть таскать! — говорили одни.

— Вотъ-то мученникъ глупости!—вторили другіе.

Палатка-же спокойно двигалась по паркету и, наконецъ, передъ самымъ началомъ танцевъ, которые составляли особенность этого маскарада, остановилась по самой срединѣ зала, загромоздивъ центръ.

Раздался ретурнель кадрили.

Дирижеръ танцевъ подбѣжалъ къ палаткѣ и попросилъ ее очистить мѣсто:

— Потрудитесь отойти въ сторону.

Молчаніе.

— Дайте мѣсто!

Палатка не трогается.

— Я позову распорядителя:

Является распорядитель.

— Не угодно-ли вамъ уйти отсюда, говоритъ онъ.— Вы мѣшаете...

Палатка продолжаетъ хранить гробовое молчаніе. Напрасно распорядитель прислушивается, прикладывая ухо къ полотну.

— Уйдите-съ!

Наконецъ упорство палатки, начинаетъ раздражать.

— Я прикажу васъ вывести!

— Да вы загляните, кто тамъ въ ней! —совѣтуетъ кто-то изъ толпы.

Другой протестуетъ:

— Нѣтъ этого нельзя! Это все равно, что публично сорвать маску.

Распорядитель категорически заявляетъ:

— Слушайте-же: если вы сейчасъ не выйдете въ смежныя комнаты, я буду вынужденъ позвать полицію.

Молчаніе.

— Не доводите дѣла до скандала.

Распорядитель исчезаетъ и, черезъ минуту, приводитъ дежурнаго полицейскаго офицера, который, едва протискиваясь черезъ заинтересовавшуюся этимъ инцидентомъ толпу, обращается къ палаткѣ съ слѣдующими словами:

— Почему вы не уходите, если васъ просятъ?..

Молчаніе

— Ага! Вамъ не угодно покинуть этого мѣста добровольно? Хорошо-съ! Мы примемъ мѣры.

— Послушайтесь, усовѣщиваетъ палатку распорядитель,—уйдите по добру, по здорову... Не затѣвайте непріятностей...

Раздается чей-то догадливый возгласъ:

— Да вы загляните, можетъ быть никого въ ней нѣтъ...

— Какъ нѣтъ?—сомнѣвается распорядитель.—Не одинъ-же костюмъ пришелъ.

— Да можетъ это костюмъ-то *снятый*!

Распорядитель, послѣ долгаго колебанія, распахиваетъ палатку и, дѣйствительно никого въ ней не находитъ.

— Ну, что?

— Никого!

Въ публикѣ смѣхъ.

Смѣется и распорядитель...

Призываютъ капельдинеровъ.

— Уберите-ка палатку въ контору...

Тѣ взялись быстро за дѣло, но не тутъ-то было! Палатка не трогалась съ мѣста...

Осмотрѣли—привинчена къ полу... Безъ инструмента не снять. Пришлось ночью искать рабочихъ и уже поздно, наконецъ, очистили зало отъ безобразной палатки, задержавшей танцы, но на долго развеселившей присутствующихъ...

Шутника-же не обнаружили...

Д. М. Кологривовъ.

Въ 1820-хъ годахъ самымъ первымъ шутникомъ въ Петербургѣ считался оберъ-церемоніймейстеръ Дмитрій Михайловичъ Кологривовъ.

Его школьническія продѣлки пользовались большою популярностью и разсказы о немъ передавались изъ устъ въ уста.

Въ особенности онъ любилъ уличные маскарады. Наряжался онъ, напримѣръ, старою нищею-чухонкою и мелъ тротуары. Завидѣвъ знакомаго, онъ тотчасъ же кидался къ нему, требовалъ милостыню и въ случаѣ отказа бранился по-чухонски и грозилъ метлою. Доходилъ до того, что становился въ Казанскомъ соборѣ среди нищихъ и заводилъ съ ними ссоры, иногда требовавшія вмѣшательства полиціи. Разъ сварливую чухонку отвели даже на съѣзжую, гдѣ она сбросила свой нарядъ и передъ ней же извинились.

Однажды государь готовился осматривать кавалерійскій полкъ, вдругъ передъ развернутымъ фронтомъ пронеслась маршъ-маршемъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама, въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Разумѣется, неумѣстный маскарадъ былъ тотчасъ остановленъ.

Дамою оказался тучный князь Ѳ. С. Голицынъ, изящнымъ кавалеромъ—Кологривовъ. Шутникамъ былъ объявленъ выговоръ, но карьера ихъ не пострадала.

Впрочемъ, не всѣ шутки легко сходили съ рукъ Кологривову. Однажды, при столкновеніи съ знаменитымъ силачемъ Лукинымъ, онъ жестоко поплатился *).

Дмитрій Михайловичъ былъ роднымъ братомъ князя А. Н. Голицына, министра просвѣщенія, но отъ другого отца.

Ѣдутъ какъ-то оба брата въ каретѣ.

*) См. *Русскіе силачи.*

Голицынъ возводитъ очи горе и вдохновенно поетъ канту:

— О, Творецъ! о Творецъ!

Кологривовъ слушаетъ и вдругъ затягиваетъ плясовую, припѣвая:

— А мы ѣдемъ во дворецъ, во дворецъ.

Однажды докладываютъ извѣстной благотворительницѣ Т. Б. Потемкиной, что къ ней пришли двѣ монахини просить подаянія на монастырь.

Монахини были немедленно впущены.

Войдя въ пріемную, онѣ кинулись на полъ, стали творить земные поклоны и вопить, умоляя о подаяніи.

Разстроганная Потемкина пошла въ спальню за деньгами, но, вернувшись, остолбенѣла отъ ужаса. Монахини неистово плясали въ присядку. Оказалось, что это былъ Кологривовъ и другой проказникъ.

П. Пукаловъ.

Побочный сынъ графа Аракчеева, Петръ Пукаловъ, впослѣдствіи подпрапорщикъ волынскаго полка, былъ ученъ уменъ и превосходно образованъ, окончивъ полный курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ. Онъ славился остроуміемъ и анекдотическими похожденіями...

Прямо изъ-за границы Пукаловъ пріѣхалъ въ Варшаву, чтобы опредѣлиться въ военную службу. Для этого необходимо было представиться Цесаревичу Константину Павловичу, и онъ, на первыхъ же порахъ, выказалъ эксцентрическую сторону своей личности, и

съумѣлъ разсердить великаго князя. На его вопросы онъ отвѣчалъ то по-французски, то по-нѣмецки, то по-англійски, то по-итальянски.

— Гдѣ ты воспитывался? спросилъ его великій князь.

— Въ Геттингенскомъ университетѣ, ваше высочество.

— Отчего же не въ Россіи?

— Въ Россіи трудно получить хорошее основательное образованіе.

— Ахъ ты дерзкій мальчишка, молокососъ ты эдакой! Въ Россіи воспитывался твой Императоръ, воспитывался я. Что-жъ я? Дуракъ, что-ли?

— Не могу знать, ваше высочество.

— Въ Волынскій полкъ его, въ роту Цемирова (самаго строгаго капитана) и не пускать его ни въ отпускъ, ни въ отставку, не посылать его въ школу подпрапорщиковъ и не представлять въ офицеры, пока я самъ не рѣшу, что съ нимъ сдѣлать.

Изъ шутокъ Пукалова наиболѣе извѣстны слѣдующіе.

Отправился Пукаловъ обѣдать къ Шево, первому и самому дорогому французскому ресторатору Варшавы. Онъ взялъ съ собою трехъ солдатъ своей роты, въ томъ числѣ и своего дядьку. У Шево обѣдали по картѣ. Усѣвшись за столикъ, на которомъ было ровно четыре прибора, Пукаловъ приказалъ подать три карты многочисленныхъ обѣденныхъ блюдъ, и положилъ ихъ на приборъ каждаго изъ своихъ спутниковъ.

— Ну, ребята! на этихъ бумажкахъ написаны разныя блюда; выбирайте себѣ любыя,—сказалъ Пукаловъ.

— Да мы не умѣемъ читать, ваше благородіе, — отвѣчали рядовые гости.

— Это не бѣда. Показывайте пальцемъ на которую нибудь строчку и вамъ будутъ подавать тѣ кушанья.

И обѣдъ начался, но такой обѣдъ, какого едва-ли удавалось видѣть, а не только ѣсть. Одинъ изъ солдатъ ткнетъ пальцемъ на пирожное, — ну, и подаютъ ему на первое блюдо пирожное, вмѣсто супа. Другой попадетъ на спаржу, третій на десертъ. Иному подавали три пирожныхъ сряду. Такимъ образомъ, обѣдъ продолжался очень долго. Путаница блюдъ была невообразимая. Гарсоны кусали себѣ губы, чтобы не лопнуть отъ смѣха. Самъ же Пукаловъ спросилъ себѣ наилучшихъ пять блюдъ, и ѣлъ ихъ въ натуральномъ порядкѣ.

— Ѣшьте, братцы, ѣшьте себѣ на здоровье!—угощалъ онъ своихъ собесѣдниковъ. Спрашивайте побольше! Вѣдь французскія-то кушанья не очень сытны, не то что наши родныя щи да каши.

— Рады стараться, ваше благородіе! Не могимъ болѣе, сытехоньки.

Тогда Пукаловъ расплатился и крупно поплатился за эксцентрическій обѣдъ, а вслѣдъ за этимъ сказалъ:

— Ну, ребята! Вѣдь я за все заплатилъ этимъ французишкамъ, такъ зачѣмъ же имъ оставлять то, чего мы не доѣли!

И солдаты завязали себѣ въ платки куски бѣлаго и пеклеваннаго хлѣба, оставшагося въ изрядномъ количествѣ въ корзинкѣ на столѣ, за которымъ они обѣдали, и вмѣстѣ съ Пукаловымъ ушли.

Просится какъ-то Пукаловъ изъ лагеря въ городъ, но капитанъ его не пускаетъ.

— Мнѣ необходимо быть въ городѣ по дѣлу для меня весьма важному, говоритъ онъ своему капитану.

— Ну, такъ я наряжу самаго исправнаго карабинера, которому вы можете поручить ваше дѣло: онъ все исполнитъ за васъ весьма аккуратно,—все равно, какъ-бы вы сами были въ городѣ.

— Но, г. капитанъ, мнѣ необходимо самому.

— Молчать, юнкеръ! Начальство лучше васъ знаетъ, что и какъ слѣдуетъ дѣлать. Эй, позвать ко мнѣ Семенчука!

Семенчукъ явился.

— Сейчасъ отправляйся въ городъ и исполни тамъ все, что поручитъ тебѣ юнкеръ Пукаловъ; *сдѣлай все такъ, какъ-бы онъ самъ долженъ былъ сдѣлать.* Слышишь?

— Слушаю.

Пукаловъ и Семенчукъ вышли изъ барака ротнаго командира, и первый принялся давать послѣднему слѣдующія порученія:

— Пріидя въ Варшаву, ты отправишься сперва на Подвальную улицу, въ кофейню Новаховскаго, не доходя Краковскаго предмѣстья за три дома направо, въ нижнемъ этажѣ. Найдешь?

— Найду, ваше благородіе.

— Ну, войдя туда, спроси себѣ чашку кофе и выпей. Это стоитъ шесть грошей.

— Слушаю.

— Отъ Новаховскаго пойдешь погулять по аллеямъ въ Саксонскій садъ, зайдешь тамъ въ кондитерскую Лесселя, что на лѣвой сторонѣ, идя отъ Брилевскаго дома. Войдя въ кондитерскую, спросишь и выпьешь рюмку ликеру и съѣшь два яблочные пирожка. Все

это стоитъ двадцать пять грошей. Выйдя изъ кондитерской, погуляешь немного по саду и оттуда отправишься на Мостовую улицу, въ домъ госпожи Шатковской. Тамъ спросишь панну Марино; это—моя кума. Поклонись ей отъ меня, поцѣлуй ее и дай ей полтинникъ на конфекты.

— Понимаю, ваше благородіе!

— Отъ Шатковской отправишься обѣдать на Сенаторскую улицу, въ гостинницу Хониковскаго. Обѣдъ у него стоитъ полтора злота. Пообѣдавъ, пойдешь на уголъ Саксонской площади, противъ самаго Брилевскаго дома. Придя въ нижній этажъ, отыщешь тамъ по адресу господина Вайнгейма, которому и отдай эту записку... Прочитавши ее, онъ будетъ знать, что слѣдуетъ сдѣлать и за что надо заплатить ему три злота. Отъ Вайнгейма возвращайся въ лагерь. Всѣ порученія мои стоятъ 8 злотыхъ и 26 грошей. Вотъ тебѣ эти деньги. Если исполнишь все аккуратно, о чемъ я тебѣ говорилъ, то я дамъ тебѣ четыре злота на водку.

— Радъ для васъ стараться, ваше благородіе! Все, какъ приказали, исполню въ аккуратѣ.

Семенчукъ отправился и отлично исполнилъ всѣ порученія Пукалова,—всѣ, кромѣ одного, что на углу Саксонской площади у Вайнгейма. Вайнгейма былъ дантистъ. Въ запискѣ къ нему отъ Пукалова значилось:

„Подателю сей записки вырвать нижній зубъ, четвертый отъ крайняго зуба съ правой стороны“.

— Снимай портупею, клади на столъ киверъ и садись на это кресло, сказалъ дантистъ Семенчуку.

Семенчукъ исполнилъ все, что отъ него требовали, и сѣлъ

— Открой ротъ, говоритъ ему дантистъ. — Такъ,

хорошо. Пополощи ротъ, продолжалъ Вайнгеймъ, подавая стаканъ съ теплою водою.

— Открой опять ротъ.

Семенчукъ въ другой разъ раскрылъ свой ротъ. Дантистъ взялъ зубодергательныя клещи и собрался запустить ихъ въ ротъ карабинера, чтобы вырвать ему зубъ, какъ было сказано въ запискѣ Пукалова. Но Семенчукъ догадался, что дѣло было неладно, и потому спросилъ

— А что, панъ, хочешь дѣлать со мной?

— Вырвать больной зубъ.

— Да у меня они не болятъ, всѣ здоровы.

— Неправда. Въ запискѣ сказано, чтобы вырвать тебѣ четвертый нижній зубъ съ правой стороны. Стало быть, онъ у тебя болитъ.

И дантистъ полѣзъ было въ ротъ Семенчука съ клещами.

— Нѣтъ, панъ! Я ни дамъ рвать зубы.

Семенчукъ вскочилъ съ креселъ, надѣлъ портупею и киверъ, и ушелъ отъ дантиста. Возвращается въ лагерь. Пукаловъ его спрашиваетъ:

— Все исполнилъ, что приказывалъ?

— Почти все, ваше благородіе,

— А зубъ тебѣ вырвали?

— Никакъ нѣтъ; не дался я, потому ни одинъ не болитъ.

— Да у меня-то болитъ. А капитанъ приказалъ тебѣ *сдѣлать все такъ, какъ бы я самъ долженъ былъ сдѣлать*. Значитъ, ты долженъ былъ дать вырвать себѣ зубъ, потому что и я далъ бы себѣ вырвать зубъ, если бы самъ отправился въ Варшаву. Значитъ, ты не исполнилъ приказанія своего ротнаго командира.

Пукаловъ пошелъ и сказалъ своему капитану:

— Г. капитанъ! Семенчукъ не исполнилъ всего, что мнѣ нужно было сдѣлать въ Варшавѣ.

— Позвать его ко мнѣ, я задамъ ему феферу!

Семенчукъ явился. Но, по объясненію дѣла о зубѣ, отосланъ былъ въ палатку безъ послѣдствій. Пукалова же на другой день отпустили въ Варшаву для исполненія того, чего не могъ сдѣлать за него карабинеръ.

Однажды Пукаловъ пилъ кофе въ кондитерской и курилъ трубку. Возлѣ него на диванѣ сидѣлъ какой-то нѣмецъ и тоже пилъ кофе и курилъ трубку. Пукаловъ завелъ съ нимъ очень интересный разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ жару разсказа, какъ будто невзначай, взялъ онъ нѣмца за руку, и потомъ указательнымъ его пальцемъ сталъ поправлять пепелъ у себя въ трубкѣ. Нѣмецъ закричалъ благимъ матомъ и, выдернувъ руку, принялся дуть свой указательный палецъ, приговаривая:

— Ach, mein Gott!

Пукаловъ, разумѣется, разсыпался въ извиненіяхъ, сваливъ свою вину на свою ужасную разсѣянность.

Прослужилъ Пукаловъ подпрапорщикомъ цѣлыхъ 4 года, и ни взадъ, ни впередъ. Ясно, что великій князь объ немъ позабылъ, а напомнить ему объ немъ никто не рѣшался. Такимъ манеромъ, придется ему долго тянуть лямку въ нижнемъ чинѣ. Вотъ и рѣшился онъ, наконецъ, самъ о себѣ напомнить цесаревичу. Для этого, при слѣдующемъ же разводѣ, онъ просилъ фельдфебеля назначить его въ знаменные ряды, въ переднюю шеренгу, и затѣмъ говоритъ своимъ товарищамъ:

— Ну, господа! Завтра меня или разжалуютъ, или отправятъ въ школу подпрапорщиковъ.

Настаетъ день развода. Великій князь идетъ вдоль фронта и приближается къ знаменнымъ рядамъ. Пукаловъ мигомъ скорчилъ одну изъ тѣхъ уморительныхъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и самыхъ натуральныхъ рожъ, что никакъ было нельзя предполагать, что это гримаса, которая возбудила въ цесаревичѣ неудержимый хохотъ.

— Что это за уродъ? спрашиваетъ онъ у полковаго командира.

— Это Пукаловъ, ваше высочество.

— Какой это Пукаловъ?

— А тотъ самый, котораго ваше высочество не приказали пускать ни въ отставку, ни въ отпускъ и не посылать въ школу подпрапорщиковъ.

— Отправить его въ школу.—сказалъ цесаревичъ, и Пукалова отправили, но и въ школѣ онъ продолжалъ тереть лямку, по милости своей страсти къ анекдотамъ.

Н. К. Милославскій.

Знаменитый провинціальный актеръ и антрепренеръ Николай Карловичъ Милославскій былъ извѣстенъ какъ незаурядный анекдотистъ.

Его шутки до сихъ поръ живучи за театральными кулисами и, вѣроятно, долго не забудутся, потому что онѣ характерны и остроумны.

Особенно рельефно выразилась ловкость, сообразительность и находчивость Милославскаго въ Самарѣ,

„на кумысѣ“, гдѣ онъ одно время проживалъ чуть ли не для поправленія здоровья, а можетъ быть и просто для отдыха.

„На кумысѣ“ существовала лотерейная лавочка, уставленная различными очень дорогими и очень дешевыми вещами, съ привѣшенными къ нимъ номерами.

Всѣ они розыгрывались, и ни одна изъ нихъ не продавалась. Торговля билетами постоянно была бойкая, однако ни одному, пробовавшему счастье, не удавалось никогда выиграть ничего цѣннаго; по какому-то секрету изобрѣтателя, лучшіе предметы оставались все время неприкосновенными, и ни одинъ изъ нихъ не выпадалъ ни на чью долю.

Милославскому приглянулись двѣ роскошныя вазы и онъ сталъ на нихъ засматриваться. Нѣсколько разъ самъ бралъ билеты, слѣдилъ за другими бравшими и крайне удивлялся, что заинтересовавшія его вазы никому не достаются. Въ концѣ концовъ онъ понялъ мошенничество торговца и задумалъ его перехитрить, рѣшившись выиграть, прельстившія его вещи во чтобы то ни стало.

Замѣтилъ онъ номеръ, красовавшійся на нихъ, сдѣлалъ собственноручно лотерейный билетъ и является въ лавочку въ то время, когда въ ней толпилось много публики.

Дождавшись своей очереди, полѣзъ онъ въ колесо и къ общему изумленію достаетъ номеръ вазъ.

Торговецъ сперва смутился, потому что лучшихъ то номеровъ въ колесо у него положено не было, но потомъ поспѣшилъ оправиться и выдалъ Милославскому выйгрышъ.

— Наконецъ-то, сказалъ Николай Карловичъ.—

Долго же этотъ счастливый билетъ у тебя никому не доставался.

— Да-съ, вы счастливчикъ.

— Да еще какой! Вотъ погоди, всѣ лучшія вещи я у тебя отберу.

Захватилъ „счастливецъ" вазы и отправился домой. Не успѣлъ онъ отойти отъ лотерейной лавки и десяти саженъ, какъ нагоняетъ его торговецъ и говоритъ:

— Г. Милославскій, мнѣ не жаль вазъ, но скажите пожалуйста, какъ вы ихъ выиграли?

— Очень просто: заплатилъ вамъ двугривенный, полѣзъ въ колесо и вытащилъ изъ него десятый номеръ.

— Не можетъ этого быть?

— Почему?

— Потому что, признаюсь вамъ откровенно, этого номера въ колесѣ у меня не было.

— Откровенность за откровенность. Такъ ужъ и быть, тоже признаюсь: этотъ номеръ я поддѣлалъ.

— Но вѣдь это подлость!

— А съ твоей стороны развѣ не подлость выставить на соблазнъ хорошія вещи и не пустить ихъ въ лотерею?!

— Я про нихъ случайно забылъ.

— Ну, а я тебѣ умышленно о нихъ напомнилъ.

Характеренъ другой анекдотъ, любопытный прежде всего потому, что въ немъ фигурируетъ главнымъ образомъ нижегородскій антрепренеръ Смольковъ, всегда осторожный, дальновидный и тоже искусный во всѣхъ подобныхъ исторіяхъ.

Является какъ-то къ нему Милославскій и проситъ ссудить его деньгами.

— Нѣтъ у меня денегъ!—быстро, незадумываясь,

отвѣтилъ Ѳедоръ Константиновичъ. — Откуда онѣ у меня? Я вѣдь ихъ не ворую.

— Врете! перебилъ его обычную тираду Милославскій.—Денегъ у васъ много.

— Кто ихъ считалъ?

— Это и безъ счета видно.

— Какъ видно? почему видно?

— Во-первыхъ, замѣтно изъ того, что вы скряга, во-вторыхъ, у васъ отлично дѣла идутъ.

— Хорошо, я скряга, дѣла хороши, а денегъ, все-таки не имѣю.

— Врете!

— Нѣтъ-съ не вру.

— Да чего тутъ спорить, когда можно сейчасъ же узнать, есть у васъ деньги или нѣтъ...

— Какъ же это вы узнаете?

— Очень просто: сію минуту я возьму васъ за горло и стану душить. Если вы дѣйствительно нищій, сопротивляться не станете, а если богачъ, заорете на весь городъ.

— Ну и глупо-съ... совсѣмъ глупо.

— Чѣмъ же это глупо, позвольте узнать, чортъ васъ возьми?

— А тѣмъ, что вѣдь и нищему на то голосъ данъ, чтобы „караулъ“ кричать.

Милославскій разсмѣялся и, послѣ долгаго молчанія, сказалъ:

— Ну, полно, Ѳедоръ Константиновичъ, сквалыжничать! Кромѣ шутокъ: снабдите меня деньжонками. До зарѣзу нужны...

— Не могу: если бы вы у меня служили, ну, тогда, можетъ быть, какъ нибудь и раздобылся бы для васъ,

а такъ какъ вы гость, проѣзжающій только, то ничѣмъ для васъ полезнымъ быть не могу...

— Если же вы сомнѣваетесь во мнѣ, хотя это съ моей стороны и не заслуженно, то я могу оставить вамъ залогъ...

— Какой?

— Вотъ почтовая повѣстка на посылку. Ко мнѣ пришли часы. Видите, оцѣнка двѣсти рублей.

— Ну, подъ нихъ то я одолжить могу. Вамъ сколько надобно?

— Да ужъ никакъ не меньше полутораста рублей...

— Много, ну да ужь что дѣлать съ вами. Вотъ вамъ, получите.

— Милославскій взялъ деньги, оставилъ квитанцію и ушелъ. На другой день Смольковъ пошелъ на почту, получить пакетъ съ часами, распаковалъ его и ужаснулся. Вмѣсто ожидаемаго дорогого золотого хронометра, онъ обрѣлъ старенькіе, истасканные серебрянные часы.

— Ограбилъ! воскликнулъ дрожащимъ голосомъ Смольковъ и прибѣжалъ къ виновнику этого происшествія.

— Что это вы такой запыхавшійся? спокойно спросилъ Милославскій.

— Безстыжій! разбойникъ! душегубъ! кровопійца, вмѣсто отвѣта взвылъ Ѳедоръ Константиновичъ, потрясая полученными съ почты часами.—Что это?

— Какъ что? Развѣ не видите? это часы!

— Что? А какіе часы? золотые?

— Нѣтъ,—серебрянные.

— Значитъ ты меня обманулъ, ограбилъ... Они

ровно ничего не стоятъ, грошъ имъ цѣна. Давай назадъ полтораста цѣлковыхъ...

— Да я ваши деньги уже извелъ безъ остатка.

— Извелъ?! Ахъ ты губитель!

— Да вы, добрѣйшій Ѳедоръ Константиновичъ о чемъ убиваетесь то? Что васъ тревожитъ?

— Ну не азіатъ ли ты? заложилъ ихъ мнѣ за полтораста цѣлковыхъ, а имъ, оказывается, никакой цѣны нѣтъ.

— Это правда, они безцѣнны.

— Да ты еще никакъ и смѣешься?

— Говорю совершенно серьезно. Часы эти для меня страшно дороги, какъ единственная память о моемъ покойномъ дѣдѣ... Вы спрячьте ихъ подальше и относитесь къ нимъ съ такимъ же почтеніемъ, каковымъ окружалъ ихъ я...

— Но вѣдь ты меня обманулъ?

— Нисколько. Ихъ цѣнность я вамъ уже пояснилъ, и вы должны понять, что дѣйствительно эти часы необыкновенные.. Въ концѣ концовъ, разумѣется, Смольковъ такъ ни съ чѣмъ и остался. Милославскій уѣхалъ изъ Нижняго и вскорѣ забылъ про свой „драгоцѣнный“ залогъ. Про эту продѣлку Николая Карловича, говорили двояко: одни увѣряли, что онъ собственноручно подправилъ на почтовой повѣсткѣ цифру 20 на 200; другіе сообщали, что этотъ заемъ у нижегородскаго антрепренера имъ былъ предусмотрѣнъ заранѣе, и онъ послалъ въ Нижній дрянненькіе часишки самому себѣ, оцѣнивъ ихъ чуть не въ пятьдесятъ разъ болѣе ихъ настоящей стоимости.

Какъ-то харьковскій антрепренеръ Петровскій, у котораго Милославскій служилъ режиссеромъ, реко-

мендуетъ ему юнаго дебютанта, мѣстнаго любителя драматическаго искусства изъ купеческихъ сынковъ.

— Хорошо! отвѣтилъ Милославскій, смѣривъ взглядомъ робкаго молодого человѣка, такъ, что у того поджилки затряслись. — Подебютируйте!.. А играли ли вы когда нибудь?

— Никогда, сознался дебютантъ.

— Это бываетъ,—иронически замѣтилъ режиссеръ и освѣдомился: а въ чемъ бы вы хотѣли выступить?

— Въ „Гамлетѣ"—выпалилъ новичекъ и сконфузился.

— Въ хорошенькой ролькѣ!.. Ну, хорошо въ „Гамлетѣ" — такъ въ „Гамлетѣ" .. Приходите завтра въ театръ и почитайте монологи...

На другой день юноша торжественно явился въ театръ во время репетиціи.

— Ну вотъ и отлично!—встрѣтилъ его Николай Карловичъ.—Пожалуйте на аванъ-сцену и декламируйте.

Милославскій поставилъ его на мѣсто и велѣлъ начать чтеніе. Не успѣлъ дебютантъ произнести пяти стиховъ, какъ вдругъ полъ подъ нимъ проваливается, и онъ оказывается подъ сценой. Николай Карловичъ раньше сговорился съ машинистомъ и поставилъ юношу на условное мѣсто, съ умысломъ его провалить. Случилось это въ присутствіи почти всей труппы.

Оскорбленный и гнѣвный дебютантъ выбѣгаетъ изъ машинной и съ угрожающей жестикуляціей направляется къ Милославскому.

— Милостивый государь! говоритъ на ходу запыхавшійся купеческій отпрыскъ,—за это вѣдь...

— Тише,—люкъ! останавливаетъ его Милославскій.

Тотъ, какъ змѣей ужаленный, отпрыгиваетъ въ сторону и опять начинаетъ прерванную угрозу:

— Милостивый государь, за это...

— Люкъ!—снова перебиваетъ его Николай Карловичъ, указывая на то мѣсто, гдѣ стоитъ взволнованный дебютантъ.

— Ай!—и опять прыжокъ въ сторону.—Милостивый государь! Я вамъ достался не для...

— Люкъ! люкъ! осторожнѣе!..

— Ай!—снова прыжокъ въ сторону.

Итакъ Милославскій довелъ этого горячаго поклонника искусства до самаго выхода, заставивъ его проскакать всю сцену при общемъ смѣхѣ актеровъ.

„Отсебятины" и шалости на сценѣ были страстью покойнаго Николая Карловича, не отдѣлявшаго въ угоду невзыскательной „райской" публики классической трагедіи отъ вздорнаго водевиля. Это было ему непростительно, и тѣмъ болѣе, что пользовался онъ репутаціей талантливаго артиста.

Въ какой-то раздирательной драмѣ, или трагедіи Милославскому надлежало умереть. Онъ и умеръ, грохнувшись на полъ, но такъ не расчитанно, что пришелся какъ разъ подъ декораціею, которою слѣдовало сдѣлать чистую перемѣну *).

— Николай Карловичъ—шепнулъ ему изъ за кулисъ его помощникъ,—занавѣсъ нужно спустить...

— Почему? также тихо, незамѣтно для публики спросилъ Милославскій.

— Вы надъ чистой перемѣной лежите.

---

*) Чистая перемѣна—моментальная, безъ антракта и на глазахъ публики, перемѣна декораціи.

— Пустяки!—сказалъ онъ и, къ изумленію публики, воскресъ, всталъ, спокойно перешелъ на другое мѣсто и снова умеръ, крикнувъ за кулисы! „давай".

Это было въ Нижнемъ-Новгородѣ. Наканунѣ своего бенефиса, Николай Карловичъ былъ пасмуренъ и ажитированъ, должно быть потому, что „въ воздухѣ не пахло подаркомъ". Это характерное выраженіе провинціальныхъ бенефиціантовъ имѣетъ значеніе, такъ какъ подношенія любимцамъ почти никогда не, случаются сюрпризомъ, и самому бенефиціанту бываетъ извѣстно о подаркѣ чуть ли не первому.

На этотъ разъ противъ чаянія, таковаго не предвидѣлось. Въ подобныхъ случаяхъ крайне не учтивыхъ со стороны публики, тщеславные любимцы обыкновенно легко выходятъ изъ „непріятнаго положенія", выбравъ изъ своего старья какія нибудь драгоцѣнности и торжественно подноситъ ихъ себѣ какъ бы отъ почитателей таланта. Это такъ часто практикуется на сценѣ, что даже вошло въ обычай. Милославскій же хотя признавалъ это обыкновеніе, но не находилъ его для себя матеріально выгоднымъ, почему и придумалъ такую тонкую комбинацію.

Отправился онъ къ знакомому купцу, очень состоятельному комерсанту и заводитъ рѣчь о завтрашнемъ своемъ бенефисѣ.

— Не авантажный у меня завтра праздникъ будетъ.

— Почему?

— Придется на сухую играть...

— То есть какъ это?

— А такъ. Никакой признательности отъ нижегородцевъ не будетъ...

— А вы почемъ знаете?

— Знать не знаю, а предчувствую...

— А можетъ и будетъ?!

— Нѣтъ, мое сердце никогда не ошибается; глубоко вздохнувъ, сказалъ Милославскій и прибавилъ,— разумѣется, мнѣ подарокъ не нуженъ, а вниманіе, поощреніе, такъ сказать... И вниманіе то не для меня лично, а для толпы, которая явится завтра въ театръ, чтобы видѣть и понимать, какъ надо чествовать артиста... Хоть бы для шутки что нибудь поднесли, я и за то былъ бы безгранично благодаренъ.

— Какъ это для шутки?

— Публично поднесли бы, а потомъ въ тихомолку назадъ отняли бы, это очень часто продѣлываютъ...

— Ну, ужъ назадъ зачѣмъ же... Я отъ себя что нибудь подарю, пожалуй, только прошу не взыскать, такъ какъ подписку начинать поздно, а единолично пожертвовать могу невеликую толику...

— Ахъ, что вы! приневолилъ себя Милославскій сконфузиться. Вы, чего добраго, еще думаете, что я напрашиваюсь на подарокъ! Не въ немъ дѣло! Для меня то его хоть и не будь совсѣмъ, была бы только честь оказана. Поэтому отъ подарка вашего я отказываюсь наотрѣзъ, а вашимъ очевиднымъ расположеніемъ ко мнѣ воспользуюсь безотлагательно.

— Чѣмъ въ силахъ быть полезнымъ,—къ вашимъ услугамъ...

— Окажите такого рода благодѣяніе, о которомъ я только что упоминалъ: поднесите мнѣ что нибудь для виду, съ обязательнымъ возвращеніемъ.... Вотъ хоть часики свои—уложите въ просторный футлярчикъ, да при всей честной компаніи и поднесите мнѣ, а послѣ спектакля зайдите ко мнѣ въ уборную, и возьмите

ихъ съ моею благодарностью. Для васъ это конечно большого труда не составитъ, а для меня это будетъ необыкновенно важно, я, такъ сказать, тогда воспряну духомъ...

Купецъ было замялся.

— Часы то золотые, пятисотрублевые, не равно какъ либо брякнутся, да поломаются...

Но Милославскій самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ ему, что ничего подобнаго быть не можетъ, что онъ приметъ всевозможныя предосторожности и возвратитъ ихъ ему въ цѣлости и невредимости.

На другой день, согласно уговору между третьимъ и четвертымъ дѣйствіями, состоялось подношеніе золотого хронометра, растроганному бенефиціанту. Публика сопровождала подношеніе неистовыми апплодисментами, а Николай Карловичъ умиленный до слезъ энтузіазмомъ почитателей, крѣпко прижималъ часы къ сердцу и низко раскланивался, выражая этимъ безпредѣльную благодарность всѣмъ присутствующимъ за вещественное доказательство ихъ симпатій къ нему. Эта сцена, не входившая въ программу спектакля, была такъ мастерски розыграна, что произвела сильное впечатлѣніе и на публику и на купца мецената, и даже на самого Милославскаго... По окончаніи спектакля пробирается на сцену купецъ и ищетъ виновника торжества.

— Да ихъ уже нѣтъ-съ,—объявилъ ему театральный сторожъ,—они уѣхали...

— Какъ уѣхалъ? Онъ хотѣлъ меня ждать въ уборной...

— Можетъ запамятовали они объ этомъ, но только уѣхали...

На слѣдующее утро невольный меценатъ ѣдетъ на квартиру къ Милославскому и укоризненно ему замѣчаетъ:

— Обѣщали меня подождать въ уборной, а не подождали...

— Голова разболѣлась отъ всѣхъ этихъ тріумфовъ.— Потянуло неодолимо къ постели.

— Не хорошо-съ!.. А теперь я къ вамъ за моими часиками,—позвольте ихъ получить?

— Часики, какіе часики?

— Да мои-съ...

— Ваши? удивленно протянулъ Николай Карловичъ.—У меня никакихъ вашихъ часиковъ нѣтъ.

— Да полноте, что за шутки...

— Это, кажется, изволите вы шутить, а не я...

— Да вы что же? смѣяться надо мной вздумали что ли?

— Съ подобнымъ вопросомъ я къ вамъ хотѣлъ обратиться...

— Ну, довольно баловаться, перемѣнилъ свой тонъ купецъ,—подавай мой хронометръ.

— Какой вашъ хронометръ?—продолжалъ удивляться Милославскій,—вы попали ко мнѣ просто по ошибкѣ... Никакого вашего хронометра я не знаю...

— Какъ не знаю? уже серьезно накинулся на него комерсантъ. А вчера чьи часы тебѣ на сцену подали?

— Не знаю чьи, но знаю отъ кого,—совершенно хладнокровно отвѣтилъ Милославскій.

— Ну, отъ кого?

— Отъ публики.

— Врешь! это я тебѣ въ шутку преподнесъ.

— Въ шутку? Извините-съ, такими вещами не шу-

тять... А если вы мнѣ не вѣрите, что это подарокъ публики, распросите капельмейстера, товарищей, антрепренера,—они всѣ видѣли при какихъ обстоятельствахъ я получилъ эти часы...

Такъ купецъ и не получилъ своего хронометра, отъ находчиваго Милославскаго.

Антрепренеръ Н. И. Ивановъ пріѣхалъ въ Нижній Новгородъ пополнять труппу для своего костромскаго театра.

Для „сговора“ Ивановъ кое кого изъ актеровъ пригласилъ въ трактиръ напиться чаю.

Былъ и Милославскій, служившій въ то время въ Нижнемъ у Смолькова. Проведя въ трактирѣ добрый часъ въ мирной бесѣдѣ, Ивановъ подозвалъ слугу и вручая ему трехъ рублевую бумажку, приказываетъ получить съ него что слѣдуетъ. Слуга къ крайнему его удивленію отъ этого отказывается.

— Уже заплочено—сказалъ онъ и, указывая на Милославскаго, прибавилъ: вотъ они отдали.

— Николай Карловичъ, съ какой же это стати!— замѣтилъ антрепренеръ ему съ укоризной.

— Ну, что за счеты между товарищами!

— Однако, пригласилъ васъ я—я и долженъ расплачиваться!

— Все равно въ другой разъ заплатите.

На слѣдующій день снова заходитъ Ивановъ на репетицію и вновь увлекаетъ всю компанію въ трактиръ на бесѣду. При расплатѣ повторяется вчерашняя исторія:

— Нѣтъ, ужъ сегодня очередь моя, сказалъ онъ Милославскому и, обращаясь къ слугѣ приказалъ:—

возвратите назадъ Николаю Карловичу деньги и получи съ меня...

Слуга въ нерѣшимости поглядывалъ на Милославскаго, а тотъ отрицательными знаками удержалъ его отъ поползновенія исполнить настоятельный приказъ Иванова.

— Какъ вамъ угодно, Николай Карловичъ, сказалъ онъ,—а это допустить не могу, нужно получить съ меня...

— Не безпокойтесь, мы и на вашъ счетъ еще успѣемъ погулять...

Послѣ продолжительныхъ распрей, пришлось невольно уступить Милославскому, въ чаяніи отплатить ему тѣмъ же при слѣдующей встрѣчѣ.

— Я за вами ухаживаю, какъ за будущимъ своимъ антрепренеромъ,—шутливо отвѣтилъ онъ,—а поэтому претендовать на меня вы не вправѣ за то, что я, можетъ быть, и не умѣю, но искренно стараюсь проявить во всемъ мою къ вамъ привязанность...

— Счетъ дружбы, не портитъ,—сказалъ Ивановъ и снова примирился съ продѣлкой Милославскаго.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Нижняго, Николай Ивановичъ опять созвалъ пріятелей въ трактиръ, предупредивъ Милославскаго, чтобы онъ не наживалъ въ его лицѣ себѣ врага...

За чаемъ Николай Карловичъ обращается къ актерамъ и говоритъ:

— А какъ вы думаете, господа, нужно учинить проводы, Николаю Ивановичу или нѣтъ!

— Нужно! отвѣтили хоромъ присутствующіе.

— Человѣкъ! Шампанскаго заморозить! скомандовалъ онъ. Да не закусить ли передъ шампанскимъ

чѣмъ нибудь лакомымъ? Какъ вы полагаете, господа?

„Господа“ охотно согласились закусить.

— Человѣкъ! — снова воскликнулъ Милославскій,— учини-ка намъ уху, изъ живыхъ стерлядей, да непремѣнно изъ живыхъ...

Послѣ этого послѣдовало еще нѣсколько гастрономическихъ заказовъ и когда все было уничтожено, Милославскій потребовалъ подать счетъ, который достигалъ пятидесяти рублевой цифры. Наскоро пробѣжавъ его, Николай Карловичъ вручилъ Иванову этотъ трактирный документъ и со свойственной ему улыбочкой сказалъ:

— Вотъ теперь можете заплатить!

Тутъ только Ивановъ сообразилъ, къ чему клонились его предварительные полтинничные расходы. Разумѣется, Иванову болѣе ничето не оставалось дѣлать, какъ погасить этотъ счетъ и намотать на усъ вообще „шутливую“ натуру Милославскаго.

М. Л. Невáховичъ.

Извѣстный каррикатуристъ и издатель юмористическаго журнала „Ералашъ“, Михаилъ Львовичъ Неваховичъ былъ чрезвычайно серьезнымъ шутникомъ.

Одна изъ его шутокъ считается „классической“.

Она состояла въ слѣдующемъ:

Въ буфетѣ Александринскаго театра Неваховичъ,

стоя у выставки, ѣлъ виноградъ, ощипывая вѣтку, не торопясь, ягодка за ягодкою.

Надо сказать, что Михаилъ Львовичъ бывалъ всегда очень серьезенъ, и все его вниманіе сосредоточивалось на его занятіи, какъ бы оно ничтожно не было; того же, что происходило вокругъ, онъ какъ будто вовсе не замѣчалъ.

Такъ было и на этотъ разъ, т. е. кромѣ вѣтки винограда, для Михаила Львовича не существовало ничего.

Вдругъ подходитъ къ нему господинъ средняго роста, съ круглымъ краснымъ, лоснящимся лицомъ, невыразимо раздушенный и напомаженный, одѣтый по послѣдней модѣ; его галстухъ застегнутъ булавкою изъ огромнаго бриллiанта, всѣ пальцы рукъ украшены драгоцѣнными перстнями, а по бархатному жилету тянулась массивная золотая цѣпь отъ часовъ. Это былъ только что возвратившійся изъ заграницы купеческій сынъ В., ѣздившій спрыскивать свой вводъ во владѣніе богатѣйшимъ имуществомъ померших родителей. Надо сказать, что этотъ купчикъ сколько былъ богатъ, столько-жъ и простоватъ; онъ служилъ постоянной мишенью насмѣшкамъ молодежи, шутившей на его же счетъ. Въ этотъ вечеръ, купчикъ разсказывая пріятелямъ о своихъ похожденіяхъ за границею, между прочимъ сильно жалѣлъ о томъ, что не въ одномъ изъ городовъ различныхъ государствъ не могъ застать Германа *), котораго преслѣдовалъ, не жалѣя денегъ,

*) Знаменитый фокусникъ, путешествовавшій по Европѣ и въ описываемое время только что уѣхавшій изъ Петербурга.

съ единственной цѣлью увидать дѣлаемый имъ фокусъ съ часами, которые, бывши источены въ мелкій порошокъ, вновь являются цѣлыми. Въ заключеніи сѣтованій купчикъ прибавилъ:

— Такое несчастіе! Изъ за него долженъ былъ вернуться въ этотъ поганый Питеръ и тутъ опять таки не засталъ. Говорятъ—только что уѣхалъ. . Завтра же опять въ путь... Мнѣ эти часы спокою не даютъ... Очень занятная штука!

— Вовсе не зачѣмъ ѣздить. Ты можешь сейчасъ же увидѣть фокусъ съ часами,—сказалъ одинъ изъ пріятелей.

— Какъ такъ?—спросилъ купчикъ.

— Очень просто. Германъ еще не уѣхалъ. Вотъ онъ стоитъ у буфета.

— Который?

— Съ козлиной бородкой, который ѣстъ виноградъ.

— Неужто это самый и есть?—спросилъ встрепенувшись купчикъ, разсматривая Михаила Львовича, котораго онъ прежде никогда не видывалъ.

— Да,—отвѣчалъ пріятель,—вотъ попроси, онъ покажетъ тебѣ фокусъ съ часами.

— Да ловко-ль будетъ?

— Очень ловко. Ты ему заплотишь, разумѣется, не деньгами, а угостишь шампанскимъ.

— Да объ этой дряни и говорить нечего—не постоимъ!

Съ этими словами купчикъ вскакиваетъ и съ ухарскою развязностью направляется къ Михаилу Львовичу.

— Наконецъ-то вы мнѣ попались!—восклицаетъ онъ.

— Я по вашей милости, изъѣздилъ всю Европу, не одну тысячу денегъ просадилъ, впрочемъ, на это наплевать. — Я радешенекъ, что всетаки васъ поймалъ...

Неваховичъ, спокойно, хотя и съ высоко поднятыми бровями, посмотрѣлъ купчику въ лоснящееся лицо. Тотъ продолжалъ:

— До васъ маленькая просьба, за то ужъ послѣ шампанскаго — сколько хочешь!..

— Какая просьба? спрашиваетъ Неваховичъ.

— Сдѣлать штучку.

— Какую?

— Съ часами.

— Съ какими?

— Вотъ съ нашими, — говоритъ купчикъ, вытаскивая изъ кармана дорогой англійскій хронометръ.

— Какую-жъ штучку съ ними сдѣлать? продолжаетъ спрашивать Михаилъ Львовичъ.

— А истолочь.

— Какъ истолочь?

— Да въ ступкѣ.

— Для чего-же?

— Ну, полно ломаться-то! — говоритъ купчикъ фамильярно трепля по плечу Михаила Львовича. — Для васъ вѣдь, все равно, вы и здѣсь можете растолочь часы?

— Конечно могу; но, вѣдь, вы, я думаю и сами можете?

— Ну, пожалуйста, не артачься!. Эй, малый, неси, ступку, живо! — кричитъ купчикъ.

Ступка принесена.

Купчикъ доставая часы, спрашиваетъ Неваховича:

— Вамъ все равно толочь и съ цѣпочкой?

— Ужъ коли толочь, такъ конечно, все равно,— флегматически отвѣчаетъ тотъ...

Часы вмѣстѣ съ цѣпочкою опущены въ ступку, а пестъ самимъ купчикомъ былъ вложенъ въ правую руку Михаила Львовича.

— Ну, валяйте!—скомандовалъ купчикъ.

Неваховичъ стукнулъ пестомъ въ ступку, вопросительно взглянувъ на купчика.

— Толките, толките хорошенько! — приказываетъ тотъ, и Михаилъ Львовичъ, съ невыразимо спокойнымъ лицомъ, началъ толочь самымъ усерднѣйшимъ образомъ. Купчикъ съ восхищеніемъ, заглядывая въ ступку, кричалъ:

— Хорошенько, хорошенько, совсѣмъ въ порошокъ.

Наконецъ, Неваховичъ бросилъ бить и проговорилъ:

— Будетъ, усталъ!—взялъ новую вѣтку винограда и попрежнему, началъ ее ощипывать.

Прошло не мало времени, въ продолженіи котораго купчикъ поочередно заглядывалъ то въ ступку на исковерканный хронометръ, то въ спокойно безстрастное лицо Михаила Львовича. Наконецъ онъ спрашиваетъ:

— Что же?

— Что?—спрашиваетъ и Неваховичъ.

— Когда-жъ?

— Что когда-жъ?

— Станутъ они цѣлыми.

— Кто?

— А часы-то?

— Никогда.

— Какъ никогда?

— Развѣ вы не видите, какъ они исковерканы?

— Ну, полно балагурить!—говоритъ купчикъ, трепля по плечу Невахoвича,—дѣлайте-ка!

— Что дѣлать?

— Цѣлыми-то...

— Не только я, такъ и никакой мастеръ не съумѣетъ этого сдѣлать.

— Ну, однако, полно время терять,—сказалъ купчикъ, уже съ нѣкоторою заносчивостью,—мнѣ пора въ кресла!

— Идите! невозмутимо отвѣчалъ Невахoвичъ.

— А часы-то?

— Возьмите ихъ въ карманъ.

— Вы должны ихъ сдѣлать цѣлыми! — горячился купчикъ.

— Этого я не умѣю.

— Да, вѣдь, я принесъ вамъ истолочь часы, думая, что вы ихъ потомъ сдѣлаете цѣлыми.

— Я просьбу вашу исполнилъ: что могъ, то сдѣлалъ, а чего не могу, за то не берусь,—равнодушно проговорилъ Михаилъ Львовичъ и отправился въ кресла.

Ольдекопъ.

Это былъ очень веселый человѣкъ и шутникъ большой руки.

Его очень многіе знали въ Петербургѣ, въ особенности изъ міра театральнаго и коммерческаго. Ольдекопъ имѣлъ какія-то сношенія съ биржей, и представителями торговаго купечества.

Однажды Ольдекопъ досталъ, благодаря своему знакомству съ театральными чиновниками, цѣлый четвертый рядъ на какое-то выдающееся балетное представленіе. Многіе изъ биржевыхъ знакомыхъ, знавшіе о его связяхъ съ закулисными воротилами, обращались къ нему съ просьбою раздобыть билетъ на этотъ отмѣченный спектакль.

— Да я ужъ запасся малою толикою, — отвѣчалъ каждому Ольдекопъ.—Если хотите я могу вамъ удружить однимъ, но не болѣе, билетомъ въ четвертый рядъ ..

— Да вы просто благодѣтель рода человѣческаго...

— И биржеваго,—добавляетъ Ольдекопъ.

— Ну, ужъ хоть одинъ-то давайте...

Ольдекопъ продавалъ билетъ, но по номеру, не слѣдующій за проданнымъ уже предыдущему, а черезъ номеръ. Такимъ образомъ, онъ ровно половину билетовъ оставилъ у себя, а половину продалъ сановитымъ купцамъ.

Наступилъ вечеръ спектакля. Театръ былъ переполненъ публикой. Является одинъ за другимъ биржевое купечество и разсаживается по мѣстамъ. Почти одновременно съ ними въ партерѣ появляются какія-то пестро-одѣтыя и безобразно-размалеванныя феи предосудительнаго поведенія и, къ всеобщему ужасу купцовъ, садятся между ними, какъ разъ черезъ человѣка. Многіе изъ публики обратили вниманіе на четвертый рядъ и стали подсмѣиваться. Купцы переглядывались и на своемъ лицѣ изображали полнѣйшую безпомощность. Такъ прошелъ первый актъ, по окончаніи котораго купцы собрались въ фойе, вызвали Ольдекопа,

сидѣвшаго съ невиннымъ выраженіемъ въ шестомъ ряду, и сердито ему замѣтили:

— Ну, это свинство!

— Что такое?

— Ты насъ на смѣхъ, что ли, между кокотками посадилъ?

— Какими кокотками?

— Да что около каждаго изъ насъ помѣщаются?

— Ахъ, эти-то?.. А вѣдь я, признаться, подумалъ, что вы ихъ съ собой приволокли, и удивлялся вашей безтактности.

— Ты не финти! Дѣло на чистоту выкладывай...

— Да я-то почемъ ихъ знаю?

— Кто же, кромѣ тебя, могъ имъ билеты дать?

— Не вѣдаю! Я только тѣ билеты и пріобрѣлъ отъ дирекціи, которые вамъ продалъ...

Обиженные и сконфуженные купцы разъѣхались по домамъ, а расфранченныя дѣвицы остались въ четвертомъ ряду одинокими. Впрочемъ, и онѣ должны были вскорѣ покинуть театръ, такъ какъ ихъ положеніе оказалось тоже глупымъ.

Это оказалось, разумѣется, шуткой Ольдекопа: оставшіеся билеты онъ роздалъ первымъ встрѣтившимся на улицѣ.

Въ другой разъ, этотъ же самый Ольдекопъ пріобрѣлъ весь третій рядъ на бенефисъ Мартынова въ Александринскомъ театрѣ. Билеты доставались тоже съ трудомъ, и потому биржевики обратились къ его содѣйствію. Онъ охотно исполнялъ просьбу только тѣхъ, кто обладалъ лысою головою, всѣмъ же остальнымъ наотрѣзъ отказывалъ.

Въ спектакль получилось любопытное зрѣлище:

весь третій рядъ, на подборъ, состоялъ изъ плѣшивыхъ зрителей. Посыпались со стороны публики насмѣшки. Купцы недоумѣвали и чувствовали себя крайне неловко подъ нескромно направленными на нихъ биноклями. Въ концѣ концовъ ихъ забавное положеніе выяснилось, и они поспѣшили одинъ за другимъ покинуть театръ.

И. Д. Путилинъ.

Опытный, предусмотрительный и зоркій начальникъ с.-петербургской сыскной полиціи Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ, прозванный за свою ловкость „русскимъ Лекокомъ", однажды поддался арестантской шуткѣ о которой онъ до конца жизни разсказывалъ съ свойственнымъ ему юморомъ.

Дѣло было такъ.

Отъявленный воръ сидѣлъ въ тюрьмѣ, отбывая наказаніе и тосковалъ о свободѣ.

Вдругъ въ голову его запала идея.

— Погуляю, покучу! -- сказалъ онъ товарищамъ по неволѣ.

— До сроку?—недовѣрчиво переспрашивали тѣ.

— Въ скорѣйшемъ времени.

— Сбѣжишь, что ли?

— Зачѣмъ? Буду гулять самымъ честнымъ образомъ и даже на казенный счетъ.

Кто-то даже рискнулъ съ нимъ поспорить.

Дѣйствительно, воръ надумалъ способъ, благодаря которому, получилъ дня на три относительную сво-

боду и, дѣйствительно, на казенный счетъ вволю пображничалъ.

Способъ оказался незамысловатымъ.

Заявляетъ онъ тюремному начальству, что будто бы знаетъ одну преступную тайну, которую можно повѣдать только сыскной полиціи.

Сообщили относительно этого Путилину.

Путилинъ приказалъ доставить этого молодца къ себѣ для личнаго допроса.

Доставили.

— Ну, что имѣешь сказать мнѣ? — спрашиваетъ начальникъ сыскной полиціи, предвкушая раскрытіе какого-нибудь сложнаго преступленія, по какому либо исключительному случаю ускользнувшаго отъ бдительнаго вниманія властей.

— Я знаю, гдѣ дѣлаютъ деньги!

Иванъ Дмитріевичъ навострился.

— Гдѣ?

— Да ужъ знаю.

— Кто?

— Многіе... всѣхъ не упомнишь.

— Какъ же ты можешь ихъ указать?

— Очень просто: встрѣчу и укажу.

Уговорились такъ, что вмѣстѣ съ воромъ въ поиски отправится одинъ изъ агентовъ, которому тотъ и обнаружитъ вѣдомыхъ ему преступниковъ.

Впрочемъ, помимо агента, для надзора за самимъ доносчикомъ былъ прикомандированъ переодѣтый полицейскій.

— Только вотъ мое первое условіе, заявилъ воръ Путилину, — чтобъ исправлена моя одежда была, потому что оченно я пообносился. Да окромя того, мо-

жетъ въ хорошія мѣста заходить придется, куда только въ чистомъ платьѣ допускаютъ.

Отвели его въ рынокъ и переодѣли.

Затѣмъ онъ съ агентомъ начинаетъ переходить изъ трактира въ трактиръ. Всюду угощается и не задумывается передъ издержками. За все, по порученію начальника, расплачивается, конечно, агентъ.

Къ вечеру, когда добрая половина „питейныхъ заведеній“ ими была обойдена, воръ сказалъ своему спутнику, неоднократно уже выражавшему нетерпѣніе:

— Ну, что дѣлать? Какъ на зло, никого не повстрѣчали!.. Можетъ завтра посчастливится.

На другой день снова началось трактирное мытарство, но такъ же безуспѣшно.

— Ужъ не навралъ ли ты?—усумнился „агентъ“— кажется напрасно вводишь насъ въ заблужденіе?

— Жизнь надоѣла мнѣ, что ли? отвѣтилъ доносчикъ. Знаю вѣдь я, что за клевету и обманъ полагается наказаніе.

На третій день сталъ сомнѣваться въ немъ ужъ и самъ Путилинъ. Призвалъ онъ его къ себѣ и говоритъ:

— Если ты сегодня же не наведешь на слѣдъ преступниковъ, плохо тебѣ будетъ! Такъ ты и знай!

— Да ужъ коли сказалъ, что укажу, гдѣ дѣлаютъ деньги, такъ укажу!

— Пьянствуешь только, шатаясь по трактирамъ.

— Это ужъ такъ безпремѣнно слѣдоваетъ, чтобы найти кого нужно...

Черезъ день терпѣніе Путилина истощилось.

Приказалъ онъ было водворить обратно въ тюрьму ловкача, но тотъ категорически заявилъ:

— Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, пока не

покажу мѣста, гдѣ дѣлаютъ деньги, въ тюрьму не пойду. Я, слава тебѣ господи, не подлецъ какой нибудь и начальству облыжничать никогда себѣ не позволю.

— Врешь все! Ничего ты не знаешь...

— Ужъ коли такое недовѣріе на мой счетъ, то не желательно ли вамъ персонально со мной поѣхать на Фонтанку. Сейчасъ же укажу.

Поѣхалъ съ нимъ самъ Путилинъ.

По дорогѣ онъ распрашиваетъ его:

— Кто же дѣлаетъ деньги?

— Разный народъ. Есть и простые, есть и чиновники, генералы тоже... Много тамъ разныхъ сословій.

Подъѣзжаютъ къ Египетскому мосту.

Завидя зданіе „Заготовленія государственныхъ бумагъ", воръ указалъ на него рукой и серьезно сказалъ Путилину:

— Вотъ гдѣ дѣлаютъ деньги, ваше превосходительство.

Такой неожиданный финалъ такъ смутилъ Ивана Дмитріевича, что онъ не зналъ, чѣмъ закончить эту неосторожную шутку тюремнаго арестанта... Однако, оно прошло безъ всякихъ послѣдствій.

Черепановъ.

Это былъ литераторъ. Незамѣтный, маленькій, свои писательства помѣщавшій на страницахъ провинціаль-

ныхъ газетъ, но тѣмъ не менѣе „въ своихъ мѣстахъ“ довольно замѣтный.

Жилъ онъ подъ конецъ жизни въ Казани и работалъ въ мѣстныхъ газетахъ. Всегда нуждался, терпѣлъ недостатки, но это не мѣшало ему быть „нескучающимъ россіяниномъ“ и всюду, гдѣ было можно, проявлять шутливость.

Однако, всѣ его шутки превзошло духовное завѣщаніе, которое было доложено во всей своей неприкосновенности въ Казанскомъ окружномъ судѣ.

Оно гласило слѣдующее:

Недвижимое мое имѣніе, которое буду имѣть только послѣ смерти и единственно въ моемъ трупѣ, завѣщаю ученому міру по слѣдующимъ причинамъ: вся жизнь моя составляла какое-то постоянное противорѣчіе всѣмъ обыкновеннымъ условіямъ жизни; можетъ быть по тщательномъ разсмотрѣніи моего организма найдется этому причина, которая тогда для другихъ подобныхъ субъектовъ, можетъ быть сдѣлается устранимою, и это будетъ имъ большое одолженіе. Черепъ мой, имѣющій довольно необыкновенные размѣры, 14 вершковъ въ окружности, бывшій въ нѣсколькихъ мѣстахъ проломленнымъ, можетъ быть удостоится чести быть помѣщеннымъ въ какой-либо музей. Съ самаго дѣтства я злоупотреблялъ зрѣніемъ, читалъ и писалъ необыкновенно долго, часто цѣлыя ночи на пролетъ, но игралъ въ карты еще долѣе, иногда по трое сутокъ, вставая съ мѣста только для того, чтобы выпить и закусить. Словомъ, желаю быть анатомированнымъ съ научною цѣлью и для точнаго опредѣленія смерти“.

Внизу страницы другою рукою сдѣлана выноска: „Черепъ Черепанова можетъ съ пользою служить

нагляднымъ доказательствомъ того, что какой-бы ни дала природа огромный мозгъ, но если у него нѣтъ строгаго паучнаго образованія, то онъ даетъ возможность совершать только рядъ огромныхъ глупостей".

Судъ утвердилъ завѣщаніе только по отношенію къ „движимому имуществу".

Загадочные люди.

Съ давнихъ временъ Россія была богата странниками, ханжами, юродивыми и прорицателями, которые въ свое время пользовались очень большою популярностью и поклоненіемъ суевѣрной, невѣжественной толпы. Они старались быть загадочными и, благодаря этому, ихъ имена были окружены славою, переходившею отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Загадочные люди имѣли доступъ во дворцы, ихъ розсказнямъ вѣрили цари и, очень вѣроятно, они имѣли какое-нибудь косвенное вліяніе на ходъ событій.

Древняя Русь не одинъ разъ учиняла гоненіе на ханжей и святошей, признавая за ними „зазоръ“ и вредъ для истинно вѣрующихъ, а съ 1636 г. началось систематическое гоненіе этихъ праздныхъ людей, смущавшихъ народъ, сначала по просьбѣ патріарха, а послѣ по строгому указу царя Алексѣя Михайловича въ 1649 и 1655 г., а затѣмъ ихъ гнали по соборному рѣшенію въ 1666 и 1681 гг. Въ 1690 г. всѣхъ этихъ загадочныхъ и странныхъ людей, которыхъ чуть-ли не

за святыхъ считали, велятъ бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь, а въ 1694 г. брать ихъ въ Стрѣлецкій Приказъ.

Однако, въ XVIII в. странные люди вновь одерживаютъ побѣду и становятся законнымъ и обыкновеннымъ явленіемъ. Но къ концу этого столѣтія, когда культура стала прививаться къ повседневной жизни русскаго человѣка, ихъ вновь стали изгонять изъ обихода и при Екатеринѣ II былъ нанесенъ имъ рѣшительный ударъ.

Загадочные и странные люди изъ ханжей и юродивыхъ въ XIX ст. не имѣли мѣста на Руси, т. е. не было ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ прежде, но все-таки они изрѣдка встрѣчались и даже до нашихъ дней встрѣчаются, но уже какъ исключительное явленіе. Имъ такъ же, какъ и въ старину, устраивается поклоненіе, ихъ имена окружаютъ легендами и сказаніями, въ особенноути неистовы на этотъ счетъ женщины, которые охотно поддаются мистическому настроенію.

Мы приведемъ нѣкоторыя данныя только о двухъ загадочныхъ людяхъ: о пророкѣ Иванѣ Яковлевичѣ и странникѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ. Это двѣ типичныя личности послѣдняго вѣка.

Иванъ Яковлевичъ Корейша.

Иванъ Яковлевичъ Корейша, прозванный московскимъ пророкомъ, около пятидесяти лѣтъ провелъ въ сумасшедшемъ домѣ, пользуясь громкою извѣстностью не только въ Москвѣ, но почти во всей Россіи, къ нему являлись на поклоненіе со всѣхъ концовъ отечества и, разумѣется, преимущественно женщины. Были и мужчины, но несомнѣнно представители темнаго царства, потому что мало-мальски здраво мыслящій человѣкъ не могъ относиться равнодушно къ неопрятному комедіянству Ивана Яковлевича, проявлявшему свое пророчество при неряшливой обстановкѣ.

Иванъ Яковлевичъ изъ Смоленскихъ священническихъ дѣтей, учился въ духовной академіи, потомъ жилъ въ Смоленскѣ, занимаясь управленіемъ чего-то, что-то надѣлалъ и... ушелъ въ лѣсъ, рѣшившись юродствовать.

Такія предпріятія у насъ, въ Россіи, удавались многимъ, не одному Ивану Яковлевичу...

Крестьяне нашли его въ лѣсу, копающимъ палкою землю, безъ шапки и безъ всякаго имущества. Они построили ему избушку, стали къ нему ходить и вскорѣ имя Ивана Яковлевича сдѣлалось извѣстнымъ во всей окрестности.

Это было около 181[illegible]-го года.

Въ то время жила въ Смоленскѣ одна богатая и знатная барыня. У ней была дочь—невѣста, сговоренная за одного изъ военныхъ, отличившихся въ войнѣ 1812 года.

Свадьба была уже назначена, но невѣстѣ вздумалось (въ 1817 г.) съѣздить къ Ивану Яковлевичу и погадать о будущемъ.

Мать и дочь—невѣста, прихвативъ съ собой няньку и крѣпостную дѣвку, садятся въ карету и ѣдутъ въ лѣсъ. Входятъ къ Ивану Яковлевичу въ хижину и спрашиваютъ его:

— Счастлива-ли будетъ въ замужествѣ раба Божія Н.?

Иванъ Яковлевичъ вмѣсто отвѣта, вскакиваетъ съ своего мѣста, гдѣ сидѣлъ, стучитъ кулаками о столъ и кричитъ:

— Разбойники! Воры! Бей! Бей!

Возвратившись домой, невѣста объявила матери, что она замужъ за своего жениха не пойдетъ, потому что Иванъ Яковлевичъ назвалъ его разбойникомъ.

Узнавъ про неожиданный отказъ, женихъ сталъ выпытывать у людей невѣсты причину и узналъ, что невѣста была у Ивана Яковлевича и что онъ сказалъ ей что то очень дурное про жениха

Женихъ тотчасъ же отправляется къ Ивану Яковлевичу и переломалъ ему ноги. Затѣмъ просилъ смоленскаго губернатора избавить общество отъ этого изувѣра, имѣющаго сильное вліяніе на слабохарактерныхъ и суевѣрныхъ людей.

Въ Смоленскѣ, который только что началъ оправляться послѣ нашествія французовъ, не было тогда дома умалишенныхъ, поэтому губернаторъ препроводилъ Ивана Яковлевича въ московскій сумасшедшій домъ.

По преданію, женихъ дѣйствительно оказался во-

ромъ, а невѣста пошла въ монастырь, была игуменьей и вела переписку съ Иваномъ Яковлевичемъ.

Ѣхалъ Корейша въ Москву, а слава его бѣжала впереди. На пути слѣдованія къ процессіи примыкалъ народъ, который почиталъ своимъ долгомъ хоть нѣсколько проводить пророка, чудесно все угадывающаго и предсказывающаго.

Въ Московскомъ сумасшедшемъ домѣ Иванъ Яковлевичъ прожилъ около пятидесяти лѣтъ.

Съ посѣщавшихъ его бралась входная плата—20 коп. Кромѣ того, была устроена кружка, куда доброхотные датели жертвовали во имя пророка... Изъ подарковъ Иванъ Яковлевичъ принималъ только калачи, яблоки и нюхательный табакъ.

У Ивана Яковлевича въ сумасшедшемъ домѣ была особая комната. Стѣны, установлены иконами, какъ въ часовнѣ, на полу передъ образами большой высеребрянный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчей. Въ подсвѣчникъ этотъ приходящіе ставили свѣчи.

Иванъ Яковлевичъ лежалъ всегда въ правомъ углу на полу, до половины прикрытый грязнымъ заношеннымъ одѣяломъ. Онъ почти никогда не поднимался съ постели, хотя и могъ ходить. Бѣлье на тѣлѣ, на наволочкахъ, на простыняхъ изъ темнаго ситца. Лежалъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки. Видъ имѣлъ страшный: лобъ высокій, голова лысая, лицо придавленное, съ калмыцкимъ разрѣзомъ глазъ.

Не сходя съ постели, Иванъ Яковлевичъ совершалъ всѣ отправленія. Все ѣлъ руками, будь это щи, уха, каша,—все равно, и обтирался о свое бѣлье, которое смѣнялъ очень рѣдко и неохотно...

Приносимыя ему въ подарокъ калачи, яблоки и

нюхательный табакъ, онъ раздавалъ всѣмъ приходящимъ къ нему и, усердные почитатели Ивана Яковлевича, увѣряли, что предметы эти производили чудеса. Они разсказывали, что нюхательный табакъ помогалъ отъ наружныхъ болѣзней, а яблоки и калачи отъ внутреннихъ. Помимо этого, Корейша раздавалъ своимъ посѣтителямъ записочки, которые ими принимались обыкновенно съ благоговѣніемъ и носились на крестѣ, какъ нѣчто цѣлебное отъ всѣхъ недуговъ. Иванъ Яковлевичъ писалъ хорошо, но для записокъ этихъ почеркъ свой измѣнялъ и вмѣсто словъ выводилъ какіе-то каракули. Суевѣрные люди, конечно, каракулямъ этимъ предавали символическое значеніе и тщетно старались разобрать по нимъ свою судьбу. Въ этихъ каракуляхъ часто попадались греческія и латинскія слова, что уже совсѣмъ сбивало съ толку поклонниковъ Ивана Яковлевича. Скептики увѣряли, что записки Корейши съ пророческими въ нихъ откровеніями, всегда были загадочны до отсутствія въ нихъ всякаго смысла. Въ нихъ можно было видѣть все и ничего, поэтому предсказанія Ивана Яковлевича сбывались очень удачно. Въ послѣдніе годы жизни, однако, говорятъ, что Корейша—уже не самъ писалъ свои записки,—этимъ дѣломъ занимался бывавшій ежедневно у него богадѣленный діаконъ.

Не лишены курьеза другіе способы, которыми передавалась врачующая сила Ивана Яковлевича. Напримѣръ, почитательницъ своихъ сажалъ на колѣни и вертѣлъ ихъ въ разныя стороны; пожилыхъ женщинъ обливалъ и обмазывалъ разными мерзостями, раздиралъ на нихъ платья, дрался и ругался. Одинъ изъ современниковъ его по этому поводу говоритъ: „безъ сомнѣ-

нія, всему этому какъ самъ онъ, такъ и его почитательницы придавали символическое значеніе".

Иванъ Яковлевичъ смѣшивалъ изъ остатковъ своего обѣда какую то бурду и кормилъ ею съ своего грязнаго пальца посѣтительницъ, которыя съ благоговѣніемъ глотали всякую завѣдомую мерзость.

Въ глазахъ Ивана Яковлевича смѣшанныя кушанья имѣли какое-то мистическое значеніе. Принесутъ ему качанъ капусты съ лукомъ и вареннаго гороху; оторветъ онъ капустный листъ, обмакнетъ его въ горохъ и затѣмъ положитъ этотъ листъ къ себѣ на плѣшъ. Разумѣется по лицу и по всему тѣлу образуются потоки. Остальную капусту смѣшаетъ съ горохомъ, самъ ѣстъ и другихъ этимъ мѣсивомъ кормитъ.

При его жизни разсказывалось много всяческихъ легендъ, служившихъ очень выгодною рекламою этого обитателя дома умалишенныхъ.

Изъ нихъ можно припомнить нѣсколько. На сколько они правдивы—это дѣло далекого прошлаго, кто ихъ провѣрялъ—тоже неизвѣстно.

„Княгиня В—ая умирала Доктора потеряли всякую надежду на ея излѣченіе. Осталось послѣднее средство; она приказываетъ слугамъ отвезти ее къ Ивану Яковлевичу, входитъ къ нему въ комнату, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашиваетъ о своемъ здоровьѣ. Въ это время у Ивана Яковлевича были въ рукахъ два яблока. Ничего не говоря, онъ ударяетъ этими яблоками княгиню по животу. Разумѣется, она въ обморокъ. Едва довезли ее до дому, уложили въ постель, а... на другое утро она встаетъ совершенно здоровой".

„Какая-то Елизавета Ивановна страдала много лѣтъ

хроническими болями головы. Научили ее пойти къ Ивану Яковлевичу. Пошла. Вошла въ сумасшедшій домъ. Говорятъ ей: Иванъ Яковлевичъ въ саду. Она въ садъ. Только-что вошла, какъ откуда ни возьмись набрасывается на нее Иванъ Яковлевичъ. Повалилъ ее на землю, сѣлъ на нее верхомъ и началъ бить по головѣ моченымъ яблокомъ, и билъ до тѣхъ поръ пока не истерзалъ все яблоко. Еле-еле убралась отъ него Елизавета Ивановна, но ужь за то послѣ этихъ побоевъ у нея голова больше никогда не болѣла".

Авторъ „органона животнаго месмеризма", князь Алексѣй Долгоруковъ разсказываетъ о Корейшѣ слѣдующее:

„Я любилъ одну А. А. А., которая, слѣдуя въ то время общей московской довѣренности къ Ивану Яковлевичу, отправилась къ нему, обыкновенно для того, не предскажетъ-ли ей чего-нибудь новаго. Возвратившись оттуда, между прочимъ, разсказала мнѣ, что она цѣловала его руки, которыя онъ давалъ и пила грязную воду, которую онъ мѣшалъ пальцами. Я крѣпко разсердился на это и объявилъ ей формально, что если еще разъ поцѣлуетъ она его руку, или напьется этой гадости, то я до нее дотрагиваться не буду. Между тѣмъ, спустя недѣли три, она отправилась вторично къ нему, и когда онъ, по обыкновенію, собравшимся у него дамамъ, сталъ по очереди давать цѣловать свою руку и поить помянутою водою, то дойдя до нея отскочилъ, прокричавъ три раза:

— „Алексѣй не велѣлъ!

„Узнавъ это, я рѣшился къ нему поѣхать и наблюсти за нимъ. Первая встрѣча моя была съ нимъ:

какъ только я взошелъ, онъ отвернулся къ стѣнѣ и началъ громко про себя говорить:

— „Алексѣй на горѣ стоитъ; Алексѣй по тропинкѣ идетъ узенькой, узенькой; холодно, холодно, холодно, у Алексѣя не будетъ ни раба, ни рабыни, ноги распухнутъ; Алексѣй, помогай бѣднымъ, бѣднымъ, бѣднымъ. Да, когда будетъ Алексѣй Божій человѣкъ, да... когда съ горъ вода потекетъ, тогда на Алексѣѣ будетъ крестъ.

„Признаться сказать, эти слова во мнѣ запечатлѣлись, и послѣ этого я выучился тремъ мастерствамъ; хотя мнѣ и объясняли эти слова ясновидящія и высокія, но однако день Алексѣя Божія человѣка я неравнодушно встрѣчаю“.

Еще князь А. Долгоруковъ говоритъ:

„Онъ (Иванъ Яковлевичъ) прежде никогда не говѣлъ. Одинъ купецъ, мнѣ знакомый, имѣющій пять человѣкъ дѣтей, каждый постъ ѣзжалъ его уговаривать и всегда получалъ отвѣтъ:

— „У тебя буду говѣть!

„Въ холеру разомъ купецъ потерялъ жену и дѣтей и съ горя постригся въ монахи.

„На другой день посвященія его въ іеромонахи, Иванъ Яковлевичъ вдругъ сталъ плакать и просить привести изъ такого-то монастыря такого-то. Мы всѣ въ немъ узнали бывшаго купца и онъ у него исповѣдался и пріобщился“.

Братъ Ивана Яковлевича—Илья Яковлевичъ былъ въ военной службѣ, достигъ чина капитана и жилъ въ Москвѣ въ то время, когда Иванъ Яковлевичъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе. Племянникъ Корейши жилъ въ селѣ Черкизовѣ, подъ Москвой, занимая ка-

кую-то должность при сельской церкви. Онъ долго добивался, чтобъ Ивана Яковлевича, какъ родственника, отпустили бы къ нему на житье и на родственный уходъ, но „сумасшедшій домъ“ отстоялъ такого доходнаго паціента...

Странникъ Өедоръ Кузьмичъ.

Благочестивый странникъ Өедоръ Кузьмичъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ всѣхъ его знавшихъ, представляетъ изъ себя загадочную личность, до сихъ поръ никѣмъ невыясненную, не взирая на многочисленныя попытки.

Его извѣстность начинается съ 1836 года съ появленія его въ Сибири. Кто онъ былъ до этого, гдѣ жилъ, что дѣлалъ и, наконецъ, какъ его звали въ дѣйствительности — покрыто мракомъ неизвѣстности. Догадливые люди его происхожденіе приписывали къ знатному роду, но насколько это достовѣрно, сказать затруднительно...

Про Өедора Кузьмича извѣстно слѣдующее:

Осенью 1836-го года къ одной изъ кузницъ, находящейся около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ какой то мужчина, лѣтъ 60 ти, и попросилъ кузнеца подковать бывшую подъ нимъ верховую лошадь. Кузнецъ, исполняя желаніе проѣзжаго,

заинтересовался красивою лошадью и самою личностью старика, одѣтаго въ обыкновенный черный крестьянскій кафтанъ не гармонировавшій съ чрезвычайно мягкими, такъ сказать не крестьянскими, манерами проѣзжаго, обратился къ нему съ обычными въ этакихъ случаяхъ вопросами о цѣли путешествія, принадлежности лошади и, наконецъ, о его имени и званіи. Уклончивые отвѣты проѣзжаго возбудили подозрѣнія собравшагося около кузницы народа и неизвѣстный безъ всякаго съ своей стороны сопротивленія былъ тутъ-же задержанъ и доставленъ въ городъ. На допросѣ онъ назвалъ себя крестьяниномъ Ѳедоромъ Кузьмичемъ, объяснилъ, что лошадь принадлежитъ ему, отказался отъ дальнѣйшихъ показаній и объявилъ себя не помнящимъ родства бродягою, слѣдствіемъ чего былъ арестъ и затѣмъ судъ по тогдашнимъ законамъ за бродяжество. Говорятъ, что необыкновенно симпатичная наружность этого человѣка, добродушное выраженіе лица его, изящныя манеры, умѣнье говорить и проч., обнаруживали въ немъ хорошее воспитаніе и какъ-бы знатное происхожденіе, но всѣ увѣщанія и гуманныя попытки въ этомъ отношеніи оказались тщетными, и неизвѣстный упорно продолжалъ называть себя бродягою.

Въ томъ-же году Ѳедоръ Кузьмичъ, какъ бродяга, былъ наказанъ 20-ю ударами плетей, висланъ изъ Красноуфимска на поселеніе въ Сибирь, въ Томскую губернію, близь г. Ачинска, и приписанъ къ деревнѣ Зерцалы, Боготольской волости (въ то время округа), куда и прибылъ съ 43-ею партіею 26-го марта 1837 года.

Во время длиннаго слѣдованія этапнымъ порядкомъ

по сибирскимъ дорогамъ, Өедоръ Кузьмичъ своимъ поведенiемъ, услужливою заботливостью о слабыхъ и больныхъ арестантахъ, теплыми бесѣдами и утѣшенiями расположилъ къ себѣ всю партiю злосчастныхъ путешественниковъ и, выпущенный на свободу съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по пути положилъ залогъ своей будущей популярности.

Ростъ его былъ выше средняго, около 2 арш. 9—10 в., плечи широкiя, грудь высокая, глаза голубые ласковые, лицо чистое и замѣчательно бѣлое, волосы на головѣ кудрявые, борода длинная, совершенно сѣдая, вообще черты лица чрезвычайно правильныя, красивыя и симпатичныя.

Костюмъ его состоялъ обыкновенно изъ длинной грубой, толстой холщевой рубахи (только въ двухъ экземплярахъ), подпоясанной тоненькимъ ремешкомъ или веревочкою, такихъ-же штановъ, 3—4-хъ паръ бѣлыхъ бумажныхъ чулковъ, ежедневно смѣняемыхъ, и обыкновенныхъ кожаныхъ туфель. Сверхъ рубахи надѣвалъ онъ иногда длинный темно-синiй суконный халатъ, а зимою старую сибирскую доху, (шуба мѣхомъ наружу) съ облинявшею шерстью.

Не смотря на такой незначительный гардеробъ, одежда на немъ была постоянно чистая, вообще старецъ былъ чрезвычайно акуратенъ, держалъ себя и свою келiю въ неподражаемой чистотѣ и не выносилъ вообще никакого безпорядка.

Первое время по прибытiи въ Сибирь, Өедоръ Кузьмичъ былъ помѣщенъ на существовавшiй тогда казенный Краснорѣчинскiй винокуренный заводъ, въ двухъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго, Боготольской волости, и въ 15 верстахъ отъ мѣста приписки

деревни Зерцалъ, гдѣ и прожилъ около 5-ти лѣтъ, не употребляемый, впрочемъ, ни на какія принудительныя работы. Обходились съ нимъ вообще очень хорошо, смотритель любилъ его и доставлялъ ему все необходимое, а прочіе служащіе и рабочіе относились къ нему съ особою заботливостью.

Около 1842 года одинъ изъ сосѣднихъ жителей, нѣкто казакъ Семенъ Николаевъ Сидоровъ, замѣтивъ въ старцѣ желаніе удалиться куда-нибудь подальше отъ народа, построилъ около своего дома въ Бѣлоярской станицѣ, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго въ сторону къ Ачинску небольшую избушку, и уговорилъ старца переселиться къ нему, на что онъ и согласился очень охотно. Узнавъ объ этомъ, крестьяне сосѣднихъ деревень на перебой начали заманивать къ себѣ старца, предлагая ему бо́льшія удобства, очевидно съ разсчетомъ имѣть около себя свѣдущаго человѣка и добросовѣстнаго руководителя. Просьбы эти не давая ему покоя, заставили его, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Бѣлоярской станицѣ переѣхать въ деревню Зерцалы, т. е. поселиться на мѣстѣ своей приписки. Въ этой деревнѣ Ѳедоръ Кузьмичъ, не смотря на приглашенія нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, прожилъ цѣлую зиму въ избѣ одного добродушнаго поселенца Ивана Иванова, только-что отслужившаго срокъ въ каторжныхъ работахъ, человѣка семейнаго и очень бѣднаго, но съ большимъ радушіемъ принявшаго старца въ свою хижину.

Замѣтивъ, что жизнь въ общей избѣ видимо тяготитъ старца, Иванъ Ивановъ предложилъ крестьянамъ устроить ему отдѣльную келію, гдѣ-нибудь возлѣ де-

ревни, что и было общими силами тотчасъ-же очень охотно, по указанію самого старца, изъ стараго овечьяго хлѣва для него сдѣлано.

Въ этотъ періодъ времени Ѳедоръ Кузьмичъ часто посѣщалъ сосѣднія деревни, нерѣдко гостилъ въ Бѣлоярской станицѣ, а однажды лѣтомъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиски Попова и проработалъ на нихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ простаго рабочаго.

По возвращеніи съ пріисковъ, старецъ окончательно поселился во вновь устроенной келіи въ Зерцаловѣ и прожилъ въ этой деревнѣ около 6-ти лѣтъ, постоянно навѣщая сосѣднія.

Въ 1849 году одинъ богатый и богобоязненный краснорѣченскій крестьянинъ Иванъ Гавриловичъ Латышевъ, пользовавшійся всеобщею любовью за свою доброту, устроилъ около своей пасѣки на живописномъ мѣстѣ, верстахъ въ двухъ отъ села Краснорѣчинскаго внизъ по р. Чулыму, на самомъ берегу рѣки, новую маленькую келійку и переманилъ къ себѣ получившаго уже общую извѣстность богомольнаго старца.

Съ этого времени личность Ѳедора Кузьмича начинаетъ уже привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, а таинственныя посѣщенія, внезапные пріѣзды къ нему какихъ-то господъ возбуждать всеобщее любопытство и разнаго рода догадки относительно его происхожденія. Народная молва считала его какимъ-то сосланнымъ или добровольно оставившимъ свой постъ митрополитомъ, хотя весь его образъ жизни не заключалъ въ себѣ ни одной характеристической черты, по которой можно было бы предположить принадлежность его къ духовному званію.

Самъ онъ всячески избѣгалъ разговоровъ о своемъ происхожденіи и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ самозванства.

Личность Өедора Кузьмича заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ продуктъ религіозныхъ движеній начала нынѣшняго столѣтія. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ типами старинныхъ юродствующихъ обличителей, или пессимистически религіозными мистиками.

Переходя изъ деревни въ деревню, Өедоръ Кузьмичъ дѣлалъ все, что только можетъ дѣлать хорошо воспитанный и образованный человѣкъ, поставленный въ необходимость жить въ массѣ неразвитаго крестьянскаго населенія. Онъ училъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, знакомилъ съ священнымъ писаніемъ, съ географіею и исторіею. Взрослыхъ онъ увлекалъ религіозными бесѣдами, занимательными разсказами изъ событій отечественной исторіи, въ особенности о военныхъ походахъ и сраженіяхъ, при чемъ, незамѣтно для себя самого, вдавался иногда въ такія мелкія подробности, напримѣръ, въ эпизодахъ войны 1812-го г., что возбуждалъ общее недоумѣніе даже среди лицъ, сравнительно развитыхъ, какъ-то мѣстнаго духовенства и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ ссыльныхъ

Тонкое пониманіе человѣческой натуры и въ особенности духовной стороны ея въ связи съ необыкновеннымъ даромъ слова позволяли ему исцѣлять душевные недуги, подмѣчать и указывать слабыя стороны человѣка, угадывая иногда тайныя намѣренія, что въ связи съ его образомъ жизни, умѣньемъ обращаться съ больными, облегчать ихъ страданія и пр., возвысили его въ глазахъ простого народа и возбудили

о немъ впослѣдствіи, какъ о великомъ угодникѣ Божіемъ, всевозможные толки далеко за предѣлами его мѣстопребыванія. Кромѣ того, онъ обнаруживалъ не малое знаніе крестьянской жизни, отдавалъ предпочтеніе земледѣльцамъ, дѣлалъ цѣнныя сельско-хозяйственныя указанія относительно выбора и обработки земли, устройства огородовъ и всякаго рода посѣвовъ. Говорилъ о значеніи земледѣльческаго класса въ государственномъ строѣ, знакомилъ крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями, училъ уважать власть.

Частная жизнь Ѳедора Кузьмича отличалась особою строгостью, правильностью и воздержностью. Обстановка всѣхъ его маленькихъ келій указывала на крайнюю неприхотливость самого хозяина. Жесткая постель, двѣ или три скамейки и небольшой столикъ—составляли всю его мебель. Въ правомъ углу висѣло нѣсколько образовъ: Печерской Божіей Матери, маленькій образокъ Александра Невскаго и др.; кромѣ того, онъ вѣшалъ въ этомъ углу нѣкоторыя картинки религіознаго содержанія, приносимыя ему разными странниками, но выбиралъ изъ нихъ только болѣе приличныя и осмысленныя по содержанію, напр., виды монастырей, портреты митрополитовъ и евангельскія притчи. Никакихъ изображеній „страшнаго суда", „семи смертныхъ грѣховъ" и имъ подобныхъ у него не было, и это до нѣкоторой степени указываетъ на его умственное развитіе. На столѣ стояло небольшое распятіе, лежало Евангеліе, акаѳистъ Живоначальной Троицѣ, Псалтирь, маленькій кіево-печерскій молитвенникъ и небольшая книжка подъ заглавіемъ „Семь словъ на крестѣ Спасителя".

По имѣющимся даннымъ можно заключить, что

Ѳедоръ Кузьмичъ имѣлъ обширную переписку съ разными лицами, чрезъ различныхъ странниковъ и постоянно получалъ всякаго рода свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Россіи, но тщательно скрывалъ отъ постороннихъ чернила и бумагу.

Вставалъ Ѳедоръ Кузьмичъ очень рано и все свободное время посвящалъ молитвѣ. Никто, однако, не видалъ когда онъ молился, потому что дверь его кельи была постоянно заперта; только послѣ смерти колѣни его оказались покрытыми толстыми мозолями, что заставляетъ предполагать продолжительное и усердное стояніе на нихъ.

Пищу онъ принималъ самую скудную: его обѣдъ состоялъ изъ сушеныхъ сухарей, вымоченныхъ въ обыкновенной водѣ, для чего въ кельи его постоянно находился маленькій туисокъ (родъ большой кружки изъ березовой коры,—весьма распространенная по Сибири посуда) и деревянная ложечка. Почитатели Ѳедора Кузьмича почти ежедневно приносили ему пищу, а въ особенности по праздникамъ, заваливая пирогами, лепешками и т. п. Старецъ охотно принималъ все это, но, отвѣдавъ немного, оставлялъ, какъ онъ выражался для „гостей“ и раздавалъ затѣмъ заходившимъ къ нему бродягамъ и странникамъ. Строго соблюдая посты, онъ, никогда, однако, не рисовался этимъ. Однажды, одна изъ его почитательницъ принесла ему жирный пирогъ съ нельмой (вкусная сибирская рыба) и выразила сомнѣніе въ томъ, будетъ ли онъ его кушать.

„Отчего же не буду—возразилъ ей на это старецъ—я вовсе не такой постникъ, за какого ты принимаешь меня“!

У себя въ келіи Ѳедоръ Кузьмичъ принималъ всѣхъ приходящихъ къ нему за совѣтами и рѣдко отказывалъ кому-нибудь въ пріемѣ. Денегъ онъ ни съ кого никогда не бралъ и не имѣлъ ихъ у себя. Всякаго рода совѣты давалъ, разумѣется, безвозмездно и разговаривалъ съ незнакомыми всегда стоя или прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ. Съ нѣкоторыми, въ особенности съ странниками, бесѣдовалъ иногда подолгу, а иныхъ оставлялъ ночевать у себя. Церковную службу Ѳедоръ Кузьмичъ посѣщалъ очень аккуратно, всегда становился на правой сторонѣ поближе къ двери. У себя въ селѣ, не смотря на свою религіозность онъ, никогда не ходилъ къ исповѣди и причастію, чѣмъ и возбудилъ было къ себѣ негодованіе мѣстнаго духовенства. На неоднократныя предложенія священника причаститься, онъ отвѣчалъ обыкновенно:

„Господь удостоилъ меня принимать эту пищу"!

Впослѣдствіи же оказалось, что у Ѳедора Кузьмича былъ постоянный духовникъ—протоіерей Красноярской кладбищенской церкви отецъ Петръ, человѣкъ очень хорошей жизни, получившій хорошее образованіе, горячо любимый своею паствою. Священникъ этотъ заѣзжалъ къ старцу раза два—три въ году, иногда подолгу оставался у него, бесѣдовалъ о немъ съ крестьянами и уговаривалъ ихъ относиться къ старцу съ особеннымъ уваженіемъ, такъ какъ это былъ, по его словамъ „великій угодникъ Божій". Его личныя отношенія къ Ѳедору Кузьмичу ограничивались единственно принятіемъ отъ него исповѣди.

Разсказываютъ, что мѣстный священникъ, не видя его у себя на духу, первое время относился къ нему очень недружелюбно, предостерегая крестьянъ и со-

вѣтуя имъ держаться подальше отъ старца-раскольника. Однажды, выведенный изъ терпѣнія хладнокровіемъ и упорствомъ, съ которымъ Өедоръ Кузьмичъ отказывался принять отъ него причастіе, священникъ назвалъ его при всемъ народѣ „безбожникомъ". Въ тотъ же день священникъ этотъ почувствовалъ себя очень плохо и къ вечеру слегъ въ постель. Призванный изъ Ачинска врачъ объявилъ его безнадежнымъ. Тогда, по совѣту односельчанъ, семейство священника обратилось къ Өедору Кузьмичу и со слезами стало просить его помочь ихъ горю. Старецъ, осмотрѣвъ больнаго, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, какъ нужно относиться къ людямъ, которые никому не дѣлаютъ никакого зла и какъ осторожно слѣдуетъ дѣлать заключенія и произносить надъ людьми приговоры, и объявилъ, что больной скоро поправится. Чрезъ нѣсколько времени ему, дѣйствительно, сдѣлалось лучше и старецъ пріобрѣлъ въ немъ съ того времени искренняго почитателя.

По большимъ праздникамъ, послѣ обѣдни, Өедоръ Кузьмичъ заходилъ обыкновенно къ двумъ старушкамъ, Маріи и Марөѣ, и пилъ у нихъ чай *). Въ день Александра Невскаго въ этомъ домѣ приготовлялись для него пироги и другія деревенскія яства. Старецъ проводилъ у нихъ все послѣ-обѣденное время и вообще, по сообщеніямъ знавшихъ его, весь этотъ день былъ необыкновенно веселъ, вспоминалъ о Петербургѣ, и въ

*) Старушки эти, Марія и Марөа, нынѣ умершія, жили ранѣе около Печерскаго монастыря, Новг. губ., между Изборскомъ и Псковомъ, занимаясь огородничествомъ. Сосланныя въ Сибирь своими господами (кѣмъ именно—неизвѣстно) за какую-то провинность, пришли со старцемъ въ одной партіи.

этихъ воспоминаніяхъ проглядывало нѣчто для него родное и задушевное.—Какія торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ, разсказывалъ онъ, стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщеніе и общая радость наполняла сердца человѣческія"...

Вообще знаніе петербургской придворной жизни и этикета, а также событій начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтія онъ обнаруживалъ необычайное; зналъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и высказывалъ иногда довольно вѣрныя характеристики ихъ. Съ большимъ благоговѣніемъ отзывался онъ о митрополитѣ Филаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Разсказывалъ объ Аракчеевѣ, его военныхъ поселеніяхъ, о его дѣятельности, вспоминалъ о Суворовѣ, Кутузовѣ и пр. Про Кутузова говорилъ, что онъ былъ великій полководецъ и Александръ завидовалъ ему.

Замѣчательно, что Ѳедоръ Кузьмичъ никогда не упоминалъ объ императорѣ Павлѣ I и не касался характеристики Александра Павловича.

Во все время пребыванія Ѳедора Кузьмича на пасѣкѣ Латышева 1848 – 1851 г., народъ цѣлыми толпами осаждалъ его со всевозможными просьбами. У одного заболѣетъ корова, у другаго пропала лошадь, у третьяго приключилось еще какое-нибудь несчастье и старецъ съ большою охотою надѣлялъ каждаго своими совѣтами.

Замѣтивъ, что слухи о немъ распространяются все далѣе и далѣе, привлекая несмѣтныя полчища всякаго люда, иногда даже изъ простаго любопытства посмотрѣть на удивительнаго старца, Ѳедоръ Кузьмичъ однажды, не сказавши никому, кромѣ Латышева, скрылся

въ тайгу и, побродивши въ ней нѣсколько времени, выбралъ себѣ около деревни Коробейниковой, находящейся верстахъ въ 10-ти отъ Краснорѣченска къ сѣверу, въ самой тайгѣ, удобное мѣстечко и попросилъ Латышева перевести туда свою келью.

Мало по малу народъ узналъ, однако, новое мѣстопребываніе своего любимаго старца и снова началъ осаждать его разными просьбами. Не находя, очевидно, никакого другаго исхода и требуя соотвѣтствующаго лѣтамъ своимъ покоя, Ѳедоръ Кузьмичъ сталъ чаще запирать свою келью и впускать въ нее только нѣкоторыхъ, большинству же сталъ или вовсе отказывать въ пріемѣ или принималъ и разговаривалъ съ посѣтителями на улицѣ; въ этотъ періодъ времени онъ иногда по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ своей кельи и совершенно уже не показывался посѣтителямъ.

Проживши около Коробейниковъ три года (1851—1854 гг.) онъ снова переѣхалъ на Красную рѣчку, причемъ Латышевъ устроилъ ему въ сторонѣ отъ дороги, въ самой горѣ, надъ обрывомъ, въ густомъ кустарникѣ, новую келійку. Эта келійка была послѣднею его хижиною въ этой мѣстности.

Въ 1852 г., старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ жилъ въ Краснорѣчинскѣ. Къ нему, однажды, пріѣхалъ томскій купецъ Семенъ Ѳеофантьевичъ Хромовъ, поговорилъ съ нимъ и съ этого времени ему очень полюбился старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, а потому онъ всякій разъ, когда бывалъ въ той мѣстности, то считалъ своею священною обязанностію повидать такого благочестиваго старца и послушать его поученій; неотвязчивая мысль засѣла въ его головѣ уговорить старца переселиться къ нему на постоянное жительство. Съ этою

мыслью онъ не разставался, повѣдалъ ее своей женѣ и они порѣшили выстроить на своей заимкѣ, что въ 4-хъ верстахъ отъ города Томска, отдѣльную келью, гдѣ-бы Өедору было покойно и уютно. Радостный для него день насталъ: старецъ Өедоръ Кузьмичъ согласился и пріѣхалъ къ нему 31 октября 1858 года.

Въ 1859 году старецъ Өедоръ Кузьмичъ заболѣлъ довольно серьезно, тогда Хромовъ обратился къ нему съ вопросомъ—не откроетъ-ли онъ ему кто онъ?

— Нѣтъ, это не можетъ быть открыто никогда, объ этомъ меня просилъ преосвященный *Иннокентій* и *Афанасій*, и я имъ то-же сказалъ, что говорю тебѣ, панокъ.

20-го января 1864 г. Хромовъ пришелъ утромъ къ старцу Өедору Кузьмичу провѣдать его, такъ какъ видно было, что онъ страдаетъ. Въ то время старецъ жилъ въ келіи, нарочно для него выстроенной около дома Хромова. Видя что жизнь Өедора Кузьмича угасаетъ, Хромовъ просилъ благословить его. „Господь тебя благословитъ и меня благослови", сказалъ старецъ; жена Хромова сказала старцу: „Объяви хотя имя своего ангела", и на это онъ сказалъ: „Это Богъ знаетъ". Вечеромъ старца не стало.

Өедоръ Кузьмичъ похороненъ на кладбищѣ Томскаго Богородице-Алексѣевскаго мужскаго монастыря. Могилка его обнесена деревянною рѣшеткою, выкрашенною бѣлою краскою, по угламъ посажены четыре кедровыхъ дерева, а внутри ограды крестъ, тоже деревянный, выкрашенный бѣлою краскою, и на немъ надпись:

„Здѣсь погребено тѣло *Великаго Благословеннаго*

старца *Ѳедора Кузьмича*, скончавшагося 20-го января 1864 года".

По приказанію бывшаго начальника Томской губерніи *Мерцалова*, надпись черною краскою: „Великаго Благословеннаго" приказано было закрасить бѣлою краскою, но отъ времени бѣлая краска слиняла и теперь закрашенное явственно можно прочесть, какъ было написано прежде.

Старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ умеръ и никому изъ знавшихъ его не открывалъ кто онъ.

Гапоніада.

Мрачныя событія 1905—1906 г. вызваны были рабочимъ движеніемъ. во главѣ которыхъ по странной случайности стоялъ никому неведомый до тѣхъ поръ священникъ Георгій Гапонъ.

По натурѣ своей—это былъ искатель приключеній и популярности. Послѣдней онъ добился очень быстро и его имя создало цѣлую эпоху въ революціонномъ броженіи, охватившемъ Россію въ знаменательный періодъ 1905—1906 г.

Георгій Гапонъ по происхожденію казакъ, уроженецъ Полтавскій губерніи, очень типичный малороссъ, катораго мало знакомые съ нимъ лица, далгое время принимали за перекрещеннаго еврея. Родился онъ въ деревнѣ, въ крестьянской избѣ. Родители были люди весьма религіозные и изъ сына своего во что-бы то ни стало хотѣли сдѣлать «духовную особу», угодную Богу, по этому онъ и былъ подготовленъ для поступленія въ полтавскую семинарію, гдѣ тотчасъ-же проявилъ большія способности и до четвертаго класса шелъ первымъ ученикомъ.

Но въ четвертомъ классѣ «революціонно» споткнулся. Вступаетъ во время занятій въ какой-то богословскій споръ съ однимъ изъ профессоровъ и своими не совсѣмъ сдержанными доказательствами приводитъ того въ изступленіе. Гапона изъ семинаріи не удалили,

но начальство не безъосновательно стало на него посматривать косо. Къ тому-же въ это время обнаружилось, что молодой семинаристъ слишкомъ увлекается толстовскимъ ученіемъ и уже усиленно пропагандируетъ основные принципы этого ученія среди товарищей и знакомыхъ.

Надзоръ за Гапономъ усилился, но онъ не помѣшалъ ему отъ Толстого перейти къ соціальнымъ наукамъ и въ каникулярное время знакомиться съ соціальными и экономическими условіями жизни не только въ деревнѣ своего отца, но и вообще въ районѣ обширной полтавской губерніи.

Дойдя до послѣдняго класса, Гапонъ твердо рѣшаетъ духовнаго сана не принимать, а продолжать образованіе въ университетѣ, но обстоятельства, сложившіяся не въ его пользу, помѣшали этому и онъ поступилъ на службу «по земству» статистикомъ.

Но не на долго.

Женится и, по протекціи мѣстнаго архіерея, который еще съ семинарской скамьи отличалъ Гапона за талантливость, получаетъ мѣсто священника прямо въ Полтавѣ, не проходя искуса «сельскаго батюшки». Да еще такое доходное мѣсто, какъ при кладбищѣ.

Разумѣется, такой успѣхъ юнаго семинариста среди полтавскаго духовенства произвелъ громадную сенсацію, и всѣ его начинанія, даже самаго гуманнѣйшаго свойства, встрѣчаютъ препятствія и въ каждомъ поступкѣ его стараются видѣть преступный замыселъ. Доходило чуть не до открытой травли.

Говорятъ, что бѣдныхъ онъ хоронилъ даромъ, а на деньги, получаемыя съ богатыхъ похоронъ онъ устраивалъ «братства неимущихъ». Кажется, трудно усмотрѣть въ этомъ что нибудь противозаконное, а между тѣмъ

его провозгласили чуть-ли не «соціалистомъ» и основанныя имъ «братства», въ предупрежденіе бѣдъ, закрыли. Разумѣется, нѣтъ дыма безъ огня, и Гапонъ былъ подвергнутъ остракизму со стороны своихъ коллегъ именно за открыто высказываемыя мысли свои, въ которыхъ выражался смѣлый взглядъ на соціальное положеніе народа. Такъ говорятъ...

Потерявъ горячо любимую жену, Гапонъ, незадумываясь, покидаетъ Полтаву и ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы продолжить свое образованіе въ Духовной Академіи.

Поступаетъ, учится, но и тутъ не обходится безъ инциндента. Занимаясь въ Академіи, онъ начинаетъ ходить по различнымъ столичнымъ трущобамъ и изучать бытъ подонковъ общества. Ночуетъ въ ночлежкахъ, связываетъ знакомства съ рабочими и, разумѣется, обращаетъ на себя вниманіе полиціи. Его препровождаютъ къ градоначальнику ген. Клейгельсу, которому онъ объясняетъ, что, ознакомясь съ босяками и безработными, онъ приходитъ къ убѣжденію, что пропавшихъ людей этихъ еще есть возможность поднять на ноги, стоитъ только организовать работные дома.

Сначала его мысль встрѣчаетъ сочувствіе. О ней заговорили. Съ о. Гапономъ бесѣдовали весьма важные люди. Кончилось-же тѣмъ, что для несчастныхъ обитателей ночлежекъ ничего сдѣлано не было, но самъ Гапонъ обратилъ на себя вниманіе и, такимъ образомъ, достигъ того положенія, которымъ впослѣдствіи и воспользовался.

Кончивъ Академію, онъ поступаетъ священникомъ въ пріютъ и тутъ разыгрывается очень некрасивая исторія съ одной изъ пріютскихъ воспитанницъ. Конечно, у Гапона нашлись защитники, которые стали утверждать,

что-де частная жизнь, хотя-бы даже и священника, н
должна подвергаться критикѣ и осужденію, но на очен
многихъ, прикосновенныхъ къ Гапону лицъ, эта возму
тительная исторія произвела отталкивающее впечатлѣні
Защитники его съ трогательною наивностью ссылалис
на Наполеона, что, молъ никакое распутство не умаля
ло достоинство этаго великаго человѣка, какъ истори
ческаго полководства. Но то былъ Наполеонъ, имѣвші
права на исключительность своего положенія.

Исторія съ воспитанницей, сдѣлавшаяся достояніем
молвы, не остановила Гапона отъ дальнѣйшей его дѣя
тельности, которую онъ считалъ «общественной», хот
едва-ли онъ отчетливо сознавалъ куда его влечетъ без
покойная натура, вѣчно жаждавшая популярности. В
1902 г. Гапонъ былъ уволенъ изъ пріюта. Члены пріют
ской комиссіи нашли неудобной совмѣстную съ ним
службу, какъ съ человѣкомъ, утратившимъ репутаці
духовнаго лица. Гапонъ уѣхалъ въ Полтаву, а вмѣст
съ нимъ убѣжала и скомпрометированная имъ воспитан
ница.

Возвратившись въ Петербургъ, Гапонъ энергичн
принялся за образованіе рабочихъ организацій. Ряс
священника внушала довѣріе и вокругъ него очен
быстро образовалась крѣпко-сплоченная семья рабочаг
люда, которые въ союзѣ своемъ подъ непосредствен
нымъ руководствомъ о. Георгія Гапона, видѣли исход
ную точку давно назрѣвавшагося рабочаго вопроса.

Первый отдѣлъ былъ открытъ на Васильевском
островѣ, остальные открывались одинъ за другимъ с
какою то лихорадочною поспѣшностью. Гапонъ, благо
даря нѣкоторымъ сохранившимся связямъ въ админи
стративной сферѣ, устроилъ такъ, что образованію этих

союзовъ никто не мѣшалъ и смотрѣли на нихъ совсѣмъ не съ той точки зрѣнія, съ которой слѣдовало смотрѣть. Гапонъ дѣлалъ видъ, что эти рабочія организаціи имѣютъ характеръ корпоративныхъ собраній для принципіальныхъ обсужденій своихъ нуждъ, какъ учрежденіе до извѣстной степени филантропическое. На самомъ же дѣлѣ, эти организаціи оказались политико-экономическими клубами, въ которыхъ рабочая масса, не будучи совершенно подготовленной къ воспріятію соціальныхъ наукъ, получала то преждевременное воспитаніе, которое принесло Россіи столько тяжкихъ испытаній.

Въ дѣйствіяхъ Гапона само правительство не могло разобраться. Сначала думали, что онъ работаетъ среди рабочей массы, какъ правительственный агентъ, а потомъ оказалось, что священникъ Гапонъ совершенно далекъ отъ соціаціи съ правительственной программой...

— Пойти къ Государю съ петиціей!

Это была идея Гапона. Несчастная идея, не оправдавшая никакихъ надеждъ, воодушевленныхъ имъ рабочихъ.

Шествіе къ Зимнему дворцу съ петиціей было назначено на 9-е января 1905 г., хотя въ этотъ день Государя въ Петербургѣ не было, что, конечно, должно было быть извѣстнымъ Гапону.

Подъ его предводительствомъ шла многотысячная толпа, съ женами, съ дѣтьми. Еще наканунѣ Петербургъ зналъ, что что-то готовится со стороны рабочихъ и петербуржцы переживали тревожную ночь. Передъ этимъ во всѣхъ рабочихъ районахъ, была объявлена, по приказу Гапона, полная забастовка. Не работало полтораста тысячъ рабочихъ! Въ перспективѣ мерещился голодъ, ужасъ нужды... И въ этой обстановкѣ Гапонъ

создавалъ себѣ образъ героя!.. Онъ смаковалъ свое вліяніе на рабочую массу и повелъ толпу подъ штыки и пули...

Наканунѣ знаменательнаго 9-го января, Гапонъ послалъ слѣдующее письмо отъ имени рабочихъ къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскому.

«Рабочіе и жители С.-Петербурга разныхъ сословій желаютъ и должны видѣть царя 9-го января, въ воскресенье, въ 2 часа дня, на дворцовой площади, чтобы выразить ему непосредственно нужды свои и всего русскаго народа. Царю нечего бояться? Я, какъ представитель Собранія русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ города С.-Петербурга, мои сотоварищи сотрудники, товарищи рабочіе, даже такъ называемыя революціонныя группы разныхъ направленій, гарантируемъ неприкосновенность его личности. Пусть выйдетъ съ мужественнымъ сердцемъ къ своему народу и приметъ изъ рукъ въ руки нашу петицію. Этого требуетъ благо его, благо обывателей Петербурга, благо нашей родины. Иначе можетъ произойти конецъ той нравственной связи, которая до сихъ поръ еще существовала между русскимъ царемъ и русскимъ народомъ. Вашъ долгъ, великій нравственный долгъ предъ царемъ и всѣмъ русскимъ народомъ—немедленно, сегодня же довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, какъ вышеуказанную, такъ и приводимую здѣсь нашу петицію. Скажите царю, что я, рабочіе и многія тысячи русскаго народа мирно. съ вѣрою въ него, рѣшились безповоротно идти къ Зимнему дворцу.

Пусть же онъ съ довѣріемъ отнесется на дѣлѣ, а не въ манифестѣ къ намъ.

Копія съ сего, какъ оправдательный документъ нравственнаго характера, снята и будетъ доведена до свѣдѣнія всего русскаго народа».

Петиція, которую рабочіе, подъ предводительствомъ Гапона, понесли къ Царю, гласила слѣдующее:

Государь! мы, рабочіе города С.-Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители, пришли къ тебѣ, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчатъ. Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества, насъ душатъ деспотизмъ и произволъ, и мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію. Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

Государь! Насъ здѣсь больше трехъ сотъ тысячъ— и все это люди по виду только, по наружности, въ дѣйствительности же за нами не признаютъ ни одного человѣческаго права, ни даже права говорить, думать. собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія. Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ въ защиту интересовъ рабочаго класса, бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку. Караютъ, какъ за преступленіе,—за доброе сердце, за отзывчивую душу,—пожалѣть забитаго, безправнаго, измученнаго человѣка—значитъ совершить тяжкое преступленіе. Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? И развѣ можно жить при такихъ законахъ? Не

лучше ли умереть—умереть всѣмъ намъ, трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вотъ, что стоитъ передъ нами, Государь! И это насъ и собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь ему только и извѣстны истинныя его нужды. Не отталкивай же его помощь, прими его; повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосовъ—это самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все; это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти. Но одна мѣра все же не можетъ залечить всѣхъ нашихъ ранъ. Необходимы еще другія, и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, государъ, о нихъ. Необходимы:

I. *Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа*:

1) свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраній, свобода въ дѣлѣ религіи;

2) общее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ;

3) отвѣтственность министровъ предъ народомъ и гарантіи законности управленія;

4) равенство предъ закономъ всѣхъ безъ исключенія;

5) немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за убѣжденія.

II. *Мѣры противъ нищеты народа*:

1) отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ, прогрессивнымъ и подоходнымъ налогомъ;

2) отмѣна выкупныхъ платежей, дешевый кредитъ и постепенная передача народу земель.

III. *Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ*:

1) охрана труда закономъ;

2) свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ;

3) 8-ми часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ;

4) свобода борьбы труда съ капиталомъ (свобода стачекъ);

5) участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроекта о государственномъ страхованіи рабочихъ;

6) нормальная заработная плата.

Вотъ, государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Повели и поклянись исполнить ихъ и ты сдѣлаешь Россію и счастливой, и славной, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу,—мы умремъ здѣсь, на этой площади, передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти и незачѣмъ. У насъ только два пути—

или къ свободѣ, и къ счастью,-или въ могилу. Укажи, государь, любой изъ нихъ, мы пойдемъ по немъ безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти: пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно принесемъ ее.

Петиція эта затрагивала не одни рабочіе вопросы, и обще — политическіе, благодаря чему Гапона причислили къ убѣжденнымъ революціонерамъ, очень ловко поднявшимъ народную массу.

Событіе 9-го января обошлось для этой массы слишкомъ дорого: до 500 убитыхъ и до 3000 раненыхъ...

Въ тотъ же день, послѣ неудачи у Зимняго дворца, въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго общества состоялось собраніе «Временнаго правительства», на которомъ очень горячее участіе принималъ писатель Максимъ Горькій и все тотъ же Гапонъ, котораго привели на собраніе уже переряженнаго въ штатское платье и подстриженнаго, съ бритой бородой.

Утромъ онъ шелъ передъ толпой съ крестомъ въ рукахъ, въ священническомъ облаченіи... Увѣряли, что въ этотъ знаменательный день видѣли не одного Гапона. Ходили слухи, что настоящій Гапонъ велъ рабочихъ въ городъ изъ за Нарвской заставы, а «загримированный» подъ Гапона, кто то другой, былъ во главѣ рабочихъ, шествовавшихъ изъ за Невской заставы. Слѣдствіемъ это не установлено, но въ публикѣ этотъ анекдотическій эпизодъ ходилъ долго.

На собраніи «временнаго правительства» Гапона никто не узналъ. Онъ держалъ рѣчь подъ видомъ рабочаго, присланнаго будто-бы Гапономъ на это собраніе. Впрочемъ, въ то время было не до того, что-бъ

узнавать! Растерянность общества была велика и никто не могъ сознательно разбираться въ происходившемъ. Съ одной стороны панический страхъ, съ другой— ужасы грядущихъ событій...

Въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, Гапонъ разсказываетъ объ этомъ собраніи слѣдующее: „я взошолъ на эстраду и сказалъ нѣсколько словъ, начавъ съ того, что теперь время не для разговоровъ, а для дѣла. «Рабочіе показали Россіи, что они умѣютъ умирать. Но, къ несчастію, они не вооружены, а съ пустыми руками нельзя сражаться противъ штыковъ и револьверовъ. Теперь ваша очередь помочь. Дайте имъ средства на покупку оружія, а остальное сдѣлаетъ народъ».

Когда я сѣлъ, одинъ ласковый старичекъ подошелъ ко мнѣ и подалъ мнѣ револьверъ, сказавъ: «Вотъ вамъ, по крайней мѣрѣ, одно хорошее оружіе!»

Я думаю, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ догадывались—кто я такой, но тайна была сохранена. По окончаніи публичнаго митинга, нѣсколько лицъ тайно собрались въ смежной комнатѣ и между ними былъ мой другъ-механикъ. Мы стали подробнѣе обсуждать вопросъ объ оружіи и организаціи народнаго возстанія. Пока мы совѣщались, X... стоялъ на стражѣ у дверей. Вдругъ послышался шопотъ: «Полиція!» Одинъ писатель быстро подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку и поспѣшно потащилъ изъ зданія. Онъ повезъ меня въ свой домъ, бывшій по сосѣдству, и тутъ я написалъ вторую прокламацію къ рабочимъ и другую къ войскамъ. Въ послѣдней говорилось между прочимъ:

«Солдатъ и офицеровъ, убивающихъ своихъ невин-

ныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, и угнетателей народа я предаю пастырскому проклятію. На солдатъ же, помогающихъ націи завоевать свободу, я призываю благословеніе и снимаю съ нихъ военную присягу въ вѣрноподданничествѣ».

Съ этихъ прокламацій было тотчасъ же снято нѣсколько копій, которыя я подписалъ, и одна изъ нихъ была послана въ тайную типографію, гдѣ она и была отпечатана въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Когда въ Петербургѣ начались аресты, Гапонъ скрылся заграницу, гдѣ все время вращался въ революціонныхъ кружкахъ и свелъ знакомство почти со всѣми русскими революціонерами. Знакомство это, несомнѣнно имѣло вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, имѣвшимъ мѣсто въ Россіи въ теченіи 1905—6 г.

Заграницей Гапонъ былъ героемъ дня. О немъ писали газеты, помѣщались его портреты на страницахъ уличныхъ листковъ и популяризація его достигла такихъ предѣловъ, когда каждый встрѣчный на улицѣ или въ кафе, почти прямо указывая на него пальцемъ, говорилъ:

— Это Гапонъ, сдѣлавшій въ Россіи революцію.

Въ одинъ прекрасный день Гапонъ снова появляется въ Петербургѣ. Имѣетъ свиданіе съ графомъ Витте и, по требованію властей, снова исчезаетъ заграницу.

Его личность къ этому времени становится уже совершенно исторической. Открываются какія-то «тайны» и въ то время, когда одна партія видитъ въ немъ искренняго, убѣжденнаго революціонера, другая—клеймитъ, на основаніи какихъ-то неопровергнутыхъ изобличеній, «провокаторомъ» и авантюристомъ. И среди войска Гапона, т. е. среди рабочихъ, начались разочаро-

ванія... Въ особенности-же когда раскрылась растрата 30,000 р., выданная министерствомъ финансовъ на нужды безработныхъ. Деньги эти утратилъ нѣкій Матюшенскій, мелкій газетный работникъ, какимъ-то образомъ примазавшійся къ Гапону въ видѣ секретаря или кѣмъ-то вродѣ этого...

Въ декабрѣ 1905 г. Гапонъ снова возвратился въ Петербургъ и снова завелъ общеніе съ рабочими, но гдѣ онъ имѣлъ пріютъ объ этомъ вѣдали очень немногіе, тѣмъ болѣе, что онъ жилъ не подъ своей фамиліей, а Ф. Ф. Рыбницкаго.

Разоблаченія, начавшіяся въ мелкой прессѣ, имѣли видъ травли и Гапонъ, чтобъ положить имъ предѣлъ, затѣялъ—было судебный процессъ, привлекая къ отвѣтственности клеветавшихъ на него лицъ, но процессу этому не суждено было выплыть на свѣтъ Божій.

28-го марта 1906 г., на страстной недѣли, Гапонъ неизвѣстно куда исчезъ. Тщательныя поиски не дали никакихъ результатовъ. Было много догадокъ, предположеній и всяческихъ свидѣтельскихъ указаній, но положительныхъ данныхъ никто добыть не могъ. Нашли чей-то трупъ въ Колпинѣ—сейчасъ-же появилось сенсаціонное извѣстіе, что это трупъ убитаго Гапона; пріѣзжавшіе изъ Финляндіи, увѣряли, что Гапона встрѣчали тамъ въ различныхъ пунктахъ: то спящимъ гдѣ-то на станціонной скамейкѣ, то весело разгуливавшимъ по Гельсингфорскому бульвару, то еще гдѣ-то, вдали отъ зоркихъ глазъ.

Наконецъ, въ газетахъ появилось подробное описаніе казни, учиненной надъ бывшимъ священникомъ партіей соціалъ-революціонеровъ «за предательство». Пошли даже слухи, что его смерть—это месть едино-

мышленниковъ, которые будто-бы обнаружили его прикосновенность къ «охранному отдѣленію».

Словомъ, исчезновеніе Гапона было очень большой загадкой, заинтриговавшей все общество.

Наконецъ, въ половинѣ апрѣля, присяжный повѣренный Марголинъ, который долженъ былъ вести процессъ Гапона, получаетъ изъ Берлина пакетъ, который сопровождался письмомъ, написаннымъ женской рукой:

«М. Г. Посланные 1300 рублей, бумажникъ, бумаги и ключь № 414 отъ несгораемаго ящика банка Ліонскій кредитъ съ квитанціей—принадлежатъ Георгію Гапону; соблаговолите распорядиться».

Бумажникъ, дѣйствительно, оказался пронадлежащимъ Гапону и ключь отъ ящика, гдѣ въ Ліонскомъ кредитѣ Гапонъ сохранялъ деньги, такъ же его.

Было ясно, что съ Гапономъ случилось что-то не доброе, но что именно сказать было трудно, пока наконецъ не появилось въ печати, доставленное такъ же изъ Берлина, постановленіе какого-то тайнаго судилища.

Вотъ оно:

«Судъ рабочихъ имѣлъ неопровержимыя доказательства того, что:

1) Георгій Гапонъ, вернувшись въ декабрѣ 1905 г. въ Россію, вступилъ въ сношенія черезъ чиновника особыхъ порученій при гр. Витте, Мануйлова, и имѣлъ рядъ свиданій съ бывшимъ директоромъ департамента полиціи, Рачковскимъ, и съ начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія, полковникомъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ Герасимовымъ. Они обѣщали ему содѣйствіе по открытію отдѣловъ, если онъ разскажетъ все, что знаетъ про революцію и революціонеровъ. Гапонъ разсказывалъ.

2) Около 15-го января 1906 г. Георгій Гапонъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ Дурново письмо, въ которомъ каялся въ своей прошлой революціонной дѣятельности и событіяхъ 9-го января. Письмо передано черезъ Рачковскаго.

3) Георгій Гапонъ взялъ на себя спеціальное порученіе Рачковскаго и Герасимова узнать и выдать заговоры противъ Царя, Витте и Дурново. Для этого онъ взялъ на себя «соблазнить» одного изъ близкихъ ему людей въ провокаторы. Гапонъ уговаривалъ его получить «25.000 руб. за выдачу только одного дѣла, а за четыре дѣла можно будетъ заработать сто тысячъ рублей». Отъ имени Рачковскаго Гапонъ гарантировалъ ему личную безопасность на случай, если они узнаютъ про предательство. Георгій Гапонъ уговаривалъ не смущаться предстоящими жертвами предательства и не колебаться, такъ какъ «25.000 рублей большія деньги».

4) Георгій Гапонъ былъ амнистированъ 21-го октября 1905 г. и зналъ объ этомъ, но вступилъ въ сношенія съ правительствомъ, получилъ отъ него деньги и паспортъ на имя П. Н. Гребницкаго, уѣхалъ на короткое время за границу, а, вернувшись въ декабрѣ 1905 г., жилъ по этому паспорту въ Петербургѣ, объясняя рабочимъ, что вынужденъ жить нелегально, такъ какъ правительство его преслѣдуетъ.

5) Пользуясь своимъ вліяніемъ на рабочаго Черемухина, Георгій Гапонъ взялъ съ него клятву и далъ ему револьверъ, чтобы убить рабочаго Николая Петрова за опубликованіе въ печати про сношенія Гапона съ правительствомъ, 18-го февраля, во время засѣданія центральнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Гапона, Черемухинъ самъ застрѣлился изъ этого револьвера.

6) Кромѣ 10,000 руб., полученныхъ за напечатанный въ Англіи разсказъ про событія 9-го января 1905 года, Георгій Гапонъ получилъ лѣтомъ 1905 г. отъ частнаго лица для дѣла рабочихъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Деньги эти рабочимъ не переданы.

Застигнутый на мѣстѣ преступленія, Георгій Гапонъ самъ все призналъ, но объяснилъ, что все это сдѣлалъ ради имѣвшейся у него идеи.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, судъ постановилъ:

Георгій Гапонъ—предатель-провокаторъ, и, растративъ деньги рабочихъ, онъ осквернилъ честь и память товарищей, павшихъ 9-го января 1905 г.

Григорія Гапона предать смерти.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе,

Члены суда.

Подробные протоколы по этому дѣлу будутъ опубликованы въ свое время.

При обыскѣ у Гапона было взято: 1) кожаный бумажникъ и въ немъ: а) 1.300 руб., б) ключи и квитанція за № 414 на имя Ф. Ф. Рыбницкаго отъ несгораемаго ящика въ банкѣ ліонскаго кредита, находившіяся въ конвертѣ съ надписью—деньги, в) десять разныхъ записокъ и росписокъ, г) черновыя записки по дѣлу предательства, 2) двѣ записныя книжки.

Деньги, бумажникъ, ключъ съ квитанціей, записки и росписки пересланы присяжному повѣренному С. П. Марголину, ведущему дѣла Гапона. Судъ разсчитываетъ, что г. Марголинъ будетъ присутствовать при вскрытіи несгораемаго ящика № 414 и ознакомитъ рабочихъ и общество съ его содержаніемъ. Черновикъ записки и двѣ книжки судъ оставилъ въ своемъ распоряженіи.

По обстоятельствамъ, отъ суда не зависящимъ, настоящее заявленіе опубликовано несвоевременно».

Судьба священника Гапона волновала общество. Со дня его исчезновенія очень много писалось въ газетахъ но еще больше было устныхъ разсказовъ...

Наконецъ, 30 апрѣля его трупъ былъ найденъ на станціи Озерки, по Финляндской жел. дор., въ пустой дачѣ. Онъ найденъ удавленнымъ веревкой въ полусидячемъ положеніи. Очевидно, Гапонъ явился жертвой предательскаго убійства. Передъ смертью, какъ доказано медицинскимъ осмотромъ, его били и мучали...

Всего, интереснѣе, что во все время нахожденія трупа Гапона въ пустой дачѣ, какъ въ заграничныхъ, такъ и въ русскихъ газетахъ не переставали появляться различныя замѣтки и свѣдѣнія о немъ. Его видѣли и въ Лондонѣ, и въ Финляндіи, и въ Петербургѣ; съ нимъ разговаривали; вели продолжительныя бесѣды...

Даже послѣ похоронъ его, въ газетахъ печатались письма лицъ, которые съ нимъ встрѣчались и которыхъ онъ будто бы упрашивалъ молчать до поры до времени о томъ, что онъ продолжаетъ существовать.

Какъ вся его жизнь и дѣятельность была загадочною, такъ загадочною осталась его личность и послѣ смерти...

Ходили, впрочемъ, слухи, что адвокатъ Марголинъ умершій вскорѣ послѣ него, имѣлъ уже въ рукахъ многое, что могло пролить истинный свѣтъ на этаго нашумѣвшаго въ свое время человѣка, но смерть и его уста сковала...

7) **Гербы посадовъ и городовъ и переименованныхъ въ мѣстечки и села,** изображенія и описанія этихъ гербовъ.

8) **Гербы уѣздныхъ и окружныхъ городовъ, не вошедшихъ въ полное собраніе законовъ Россійской Имперіи.**

Такое полное изданіе всѣхъ утвержденныхъ гербовъ, въ настоящее время, является единственнымъ въ печати какъ по точности описанія и роскошному изданію, такъ и по правильности и рельефности изображенія гербовъ.

Цѣна изданія «Гербовъ Россійской Имперіи»—**10 р.**

Пушкинъ въ анекдотахъ. Черты изъ жизни поэта, какъ дѣятеля и человѣка. Содержаніе: Жизнь Пушкина.—Послѣдніе дни жизни поэта.—Эпизоды изъ жизни Пушкина, какъ поэта.—Остроты Пушкина.—Шуточныя событія.—Примѣры, суевѣрія и гаданія въ жизни Пушкина.—Пушкинъ и женщины. — Смѣсь. Подъ редакц. М. В. Шевлякова. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Русскіе остряки и ихъ остроты. (Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ, Нарышкинъ, Меньшиковъ, Пушкинъ, Каратыгинъ, Ленскій, мировой судья Трофимовъ, Минаевъ и Булгаковъ). Сочин. М. В. Шевлякова. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Историческіе люди въ анекдотахъ. Черты изъ жизни государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Подъ редакц. М. В. Шевлякова. Книга эта заключаетъ въ себѣ массу историко-біографическаго матеріала; ея содержаніе: Императоры.—Государственные дѣятели.—Общественные дѣятели.—Ученые и писатели.—Дѣятели театра и искусства.—Спб. 1900 года. Цѣна 1 р. 25 к.

Руа. Исторія рыцарства (Histoire de la chevalerie). Переводъ съ французскаго подъ редакціею Н. М. Федоровой. Съ шестью отдѣльными рисунками. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гильдеръ Уильямъ. Во льдахъ и въ снѣгахъ, путешествія въ саняхъ черезъ Сибирь, для поисковъ экспедиціи капитана Делона, съ рисунками въ текстѣ.

Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Н. М. Федоровой. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Безе, В. Теорія сопротивленія матеріаловъ безъ высшаго математическаго анализа. Съ рисунками и таблицами въ текстѣ. Переводъ и дополненія П. Федорова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Виньоло. Архитектурные ордера (Le vignole de poche, memoriale des artistes). Памятная книжка для архитекторовъ. Текстъ и рисунки Тьери, переводъ съ французскаго, техн. П. Федорова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Спенсеръ. Соціологія, какъ предметъ изученія. Съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Калачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго дворянства. 3 вып. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Его-же. П. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Вып. I, изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мельниковъ. Производство бумаги изъ соломы, сѣна, мочалы и другихъ растительныхъ матеріаловъ и значеніе ихъ для писчебумажнаго дѣла въ Россіи, съ 17 образцами бумагъ изъ соломы, мочалы и друг. матер. нѣсколько чертежей. Спб. 1873 г. Ц. 1 р.

Исторія крупинки соли. Съ французскаго, по Эман и др., съ предисловіемъ и дополненіями П. А. Федорова. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.

Геннади, Григорій. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 до 1825 г. 2 т. Берлинъ, 1876 г. Ц. за 2 тома 5 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Научныя основанія нравственности. 3 ч. Перев. съ англійскаго съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.